

ЭНЬИЧ

ЕВГЕНИЙ КОМАРНИЦКИЙ
ГЕОРГИЙ ШЕПЕЛЁВ

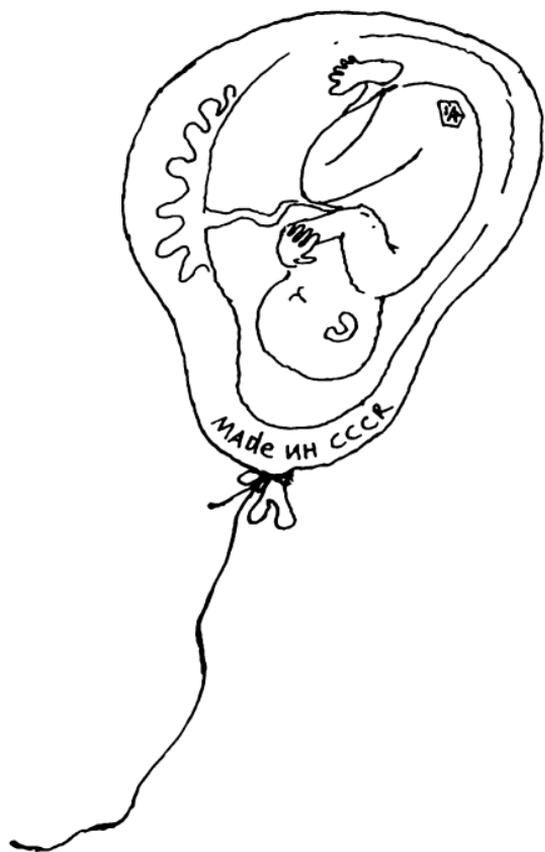

ИЗМ!

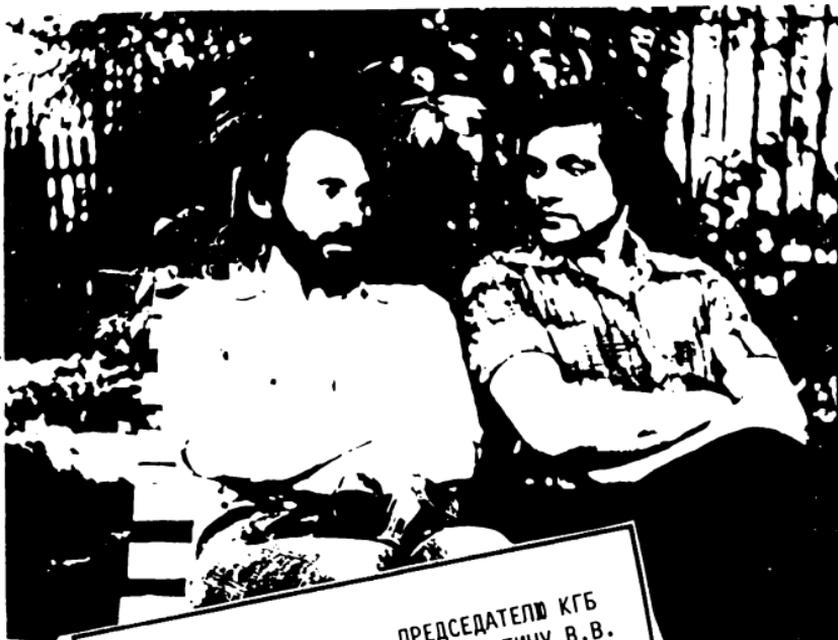
НАША ЦЕНА

ЭНЬИЧ

ЕВГЕНИЙ КОМАРНИЦКИЙ
ГЕОРГИЙ ШЕПЕЛЁВ

ДЕТЯМ
ЗЕМЛИ
И ЖИЗНИ,
ИХ ЗЕМНОЙ
ПОСВЯЩА-
ЕТСЯ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ
БАКАТИНУ В.В.

Минуло одиннадцать лет с того дня, когда 10 декабря 1980 г. на квартирах у Комарницкого Б.Б. и Шепелева Г.Г. – авторов романа «Зныч», сотрудниками прокуратуры г. Москва и КГБ, были произведены обыски и изъяты рукописи этого произведения.

Хочу напомнить фамилии некоторых участников и исполнителей этой акции: старшего следователя прокуратуры, безызвестного «ловца диссидентов» – Бурцева, лично производившего обыск на моей квартире, следователя следственного отдела КГБ – Попова, а также куратора от КГБ, занимавшегося моей диссидентской деятельностью с 1979 года и послужившим прообразом одного из главных действующих героев романа – «Петра Сергеевича».

Сегодня, когда коммунистический режим в нашей стране окончательно рухнул, а с ним и тотальный идеологический контроль над сферой культуры и искусства, мне представляется возможным надеяться на возвращение из недр, возглавляемого Вами ведомства, одиннадцатилетнего узника катакомбного творчества 70–80 годов, романа «Зныч».

Г.И. Шепелев
24 сентября 1991 г.

ЕВГЕНИЙ КОМАРНИЦКИЙ

ГЕОРГИЙ ШЕПЕЛЁВ

ЭНЧ

РОМАН

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
Центральный архив

12.12.91 № 187-91
Москва

г. Москва, ул. ...
Д. ..., кв. ...
Шепелёву Г.И.

Сообщаем Вам, что рукопись романа "Энч" на хранение в Центральный архив КГБ не поступала. Для проведения дополнительной проверки и установления судьбы рукописи Ваше заявление направлено в Прокуратуру г. Москвы (Новокузнецкая ул., 27), а копия заявления - в УКГБ РСФСР по г. Москве и Московской области, откуда Вам будет дан ответ.

Начальник Центрального архива

Н.К.Грущенко

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

Гр-ну Шепелёву Г.И.
125414, Москва, ул. ...
Д. ..., кв. ...

20.12.91 № 187-91

Ваше заявление о возврате романа "Энч" рассмотрено прокуратурой г. Москвы. Удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным, т.к. роман был уничтожен, поскольку содержал нецензурные выражения и распространению не подлежал.

И.о. прокурора следственной части
прокуратуры города

В.А. Бобков

"ФАБУЛА"

1992

ББК 84 Р7—4
К63

*Роман «Эныч» создан при участии С. НЕХОТИНА,
который не согласен с данной версией.*

Комарницкий Е., Шепелёв Г.
К 63 Эныч: Роман. — М.: ООО «Фабула», 1992. — 304 с.
ISBN 5-86090-161-5

«Эныч» — пример блистательной эклектики и нового слова в литературе; в нем сосуществуют самые различные художественные приемы, повороты, находки, используемые авторами по мере надобности в них.

Хулиганство, детектив, эротика, фантастика, чернуха, транс-религиозность, пара- и не парapsихология, социология, садизм и замаскированный благотворительностью мазохизм, нарождающиеся акулы «совкового» межконтинентального бизнеса, философия космического прорыва путем технологического использования давно заброшенного сценического хлама — весь этот далеко не полный перечень, буйным тропическим потоком обрушивается на главного героя романа и окружающих его персонажей в процессе ошеломляющей феерической мистерии. Плюс ко всему этому — гипертрофированное раскрытие идеи человеческой природы и ее бытия.

Авторы, словами одного из своих героев, как бы говорят читателю: «...если ты о чем-то подумал, значит, это можно осуществить».

4702010201

ББК 84 Р7—4

ISBN 5-86090-161-5

© Комарницкий Е., Шепелёв Г. 1992 г.
© Оформление, иллюстрации. Храмов П.

17X:92

1

Ему протягивают чистый стакан. Чистый. Да... но ведь сколько народа его уже сегодня пользовало. Весь замусоленный ходил. Живого места не было. В стакан наливают, он пьет и понимает, что в него вливается что-то не то. Это длится до тех пор, пока он не замечает: у стакана нет дна.

Он отбрасывает пустое стекло. Хлопнувшись на асфальтовую дорожку, оно брызжет ему в лицо, в окружающие его фигуры людей влажными мягкими искрами. Вот он и выбросил этот стакан. И пошел.

Раздвигая кусты, огибая деревья, он старается выйти на центральную парковую аллею. Идти трудно. Тяжело дышится. Темно, ничего не видно, но он различает дугу Колеса Обозрения, козырек Зеленого театра, Паруса... а за ними, на возвышении, зыбкий острошпильный силуэт замка... значит, вон за теми тополями, вот за этими тополями, сейчас будет, сейчас должно быть мо...

Он останавливается и теперь ясно видит — здесь он когда-то был. Позади и по сторонам лес, под ногами широкий перламутровый настил из гладких прессованных ра-

кушек, а впереди, не далее, чем в ста шагах, серебритя в беззвучном переливе оно само...

Море. Настоящее море. Как живое. Сейчас он войдет в эту воду, и его окружают серебряные гребешки... Он хочет туда. Ему туда надо... Всем телом подается вперед и — остается на месте. Ракушки, облепив щиколотки ног и уцепившись намертво, держат его. Все попытки освободиться напрасны. Туго, муторно в груди. Ну же... Ну... Нет!.. Что за наказание господне, мать твою...

Он видит: над морем, над берегом скользит, приближаясь к нему, окруженный сиреневатым сиянием прозрачный человек. Прозрачный, но зримый. Подплыв к нему вплотную, незнакомец зависает напротив. Прозрачное лицо спокойно и строго.

— Не ругайся впустую, приятель, — медленно шевелятся прозрачные губы. — И принимайся за дело. Оно — по тебе. — Человек смотрит ему прямо в глаза. — Но помни о море. Сто шагов, двести, триста, тысяча... Море есть, и в него можно войти. — Пришелец растворяется в звездном воздухе, оставляя после себя сиреневое мерцающее облачко. — И-оппа!

Легкое дуновение морского ветерка — и облачко на мгновение касается его лица. Он отступает и смотрит на ноги. Они свободны от ракушек и находятся на асфальте. Они идут. Он поднимает голову.

Освещенная больничным светом ночных фонарей, центральная парковая аллея ведет его то ли к выходу, то ли в глубину парка. Его крутит, впридачу начинает дожимать жажда. В самый раз бы сейчас дерябнуть. А этот стеклянный... вместо того чтоб мораль свою толкать, мог бы и...

— Хрры-тфу-ахрф...

Эн Энович просыпается. Перед ним находится што-ра с вишнями. За шторой: кажется — утро. Во рту будто газета переночевала. Рфтху... Эн Энович прислушивается.

Шуршат за стеной сосоди. Чирикает птица. Тявк на улице. Что-то не так. Сердце. Легкие. Печень. Голова? Вряд ли.

Надо идти.

Тускло светит туалетная лампочка. Голова? Вряд ли. Желудок? Желудок у Эна Эновича здоров как бык.

— БО твою мать, — говорит Эн Энович.

Вспыхивает лампочка. Сама собой спускается вода. Появляется вороной голенастый таракан, что-то нюхает и уходит.

И тут у Эна Эновича останавливается сердце.

Минуту он не решается шевельнуться, потом осторожно, бочком, перебирается в кухню. Сердце молчит. На неподвижную грудь Эна Эновича катится парафиновая капля пота. Из приоткрытого холодильника на него недобро посматривает волчий глаз рыбы наваги.

Того, что нужно, в холодильнике нет. На подоконнике рядом с покосившимся фикусом тоже ничего нет. Пусто и под столом. Эн Энович подкрадывается к буфету, тянет на себя дверку и, зажмурившись, запускает внутрь деревянную руку.

Есть! Пальцы осязают. Стучает сердце.

— Ф-фу, ЛЯТЬ, — выдыхает Эн Энович.

Наполнен и осушен стакан. Занюхав водку листом фикуса, Эн Энович поднимает и застегивает запутавшиеся в ногах брюки, грозит пальцем растению и садится на табуретку.

Родными дядями приходят душевное равновесие и покой. Наполняется жизнью тело. В окне золотятся стебли восходящего из-за домов июньского солнца. Слышатся голу-

биное гульканье с соседнего карниза, бронзовые крики утренних бегунов, ровное гудение ТЭЦ. Эх, если бы не работа...

— ДЯДЕК с ним, с заводом, — решает Эн Энович и допивает водку. Взяв со стола недоеденную овсяную лепешку и пережевывая ее, Эн Энович обращает внимание на то, что она лежала на дневнике его сына-четвероклассника Сережи.

— Забыл дневник, СРАНЦ, — благодушно отмечает Эн Энович и, икнув, добавляет: — Выпорю.

Покинув табуретку, он подходит к окну. Распахивает его и глубокого вдыхает в себя утреннюю порцию свежего воздуха.

— Ах, ле-е-то-о-кот-ле-ета-а, — напевает Эн Энович. Потом ему на ум приходит классическое: — Парам-парам-парадоваться на своем веку...

Его пение неожиданно прерывается: Эн Энович ощущает мужское желание. Он удивляется: с чего бы это? Жена на работе. В квартире никого нет. Эн Энович осматривается. В углу над мусорным ведром колеблется нечто розовато-серовато-прозрачное. Желание у Эна Эновича увеличивается. Он приближается к ведру и пытается ухватить нечто, которое, издав тихий писк, ускользает от него и перемещается к табуретке. Эн Энович на всякий случай переворачивает ведро. Гремит пустая консервная банка, сыпятся картофельные очистки, образуется на полу бурая лужица. Придерживая шалящую плоть, Эн Энович устремляется к загадочной серовато-розоватости и оказывается в объятиях густого сладкого тумана. Через распахнутый вотор рубахи проникают и сползают по груди, спине влажные теплые щупальцы. Захватывают низ живота.

Эн Энович вскрикивает. Крутанувшись волчком, выбрасывается из кухни в коридор и, в компании плетенок и пиджака, — на лестницу.

На лестнице Эн Энович сталкивается с соседкой — коротконогой пингвинотелой пенсионеркой Натальей Яковлевной. Подъезд переполняется возмущенным шипением. Во дворе Эн Энович останавливается, несколько успокаивается и, переводя дыхание, говорит:

— ДЯДЬКОВНЯ какая-то.

Через секунду из покинутого Эном Эновичем подъезда доносится истошный крик Натальи Яковлевны, и из дверей вылетает белая студенистая масса, к которой прилипли солнцезащитные очки. Масса ведет себя довольно активно: пляшет, кривляется, подмигивает Эну Эновичу из-под очков и норовит ухватить его за локоть. Эн Энович отмахивается.

— Пошла в ДЗУ-ДЗУ, зараза!

Нахальное существо молниеносно шмыгает в парадное, и сверху доносится гамма воплей различных тональностей, принадлежащих Наталье Яковлевне. Эн Энович бросается за угол.

Двор, угол, проспект. Прыжок через траншею. Площадь Корволана.

Переходя с бега на шаг, он пытается осмыслить происшедшее.

«Полбутылки. Нет, меньше... стакан с довеском. Несерьезно. А несерьезно, так и думать нечего. Ломать голову. Чепуха привидится — а ты разбирайся. Сволочи!»

Свернув с площади в Луков переулок, Эн Энович оказывается у пивной.

— Эныч!

Со стороны Старозаветной улицы к пивной приближается его знакомый по двору, Коля Кувякин.

— Третьим будешь? — говорит Коля. — Я Семена в стекляшку послал.

Эн Энович смотрит на уличные часы. Восемь.

— Семена-то? Он же РЗИБАЙ,— негодует Эн Энович.— Не достанет.

— Будь спок. Достанет. Пойдем пока по кружечке пропустим.

Взяв пиво, они выходят на улицу.

Среди разноголосья выделяется сочный бас потомственного рабочего Михеича.

— Молокосос,— гудит Михеич.— Откуда деньги-то на пиво? Украл? Сколько, говоришь, лет? Двадцать четыре? Сопляк еще. Я до женитьбы рюмку ко рту не подносил. Мимо пивной проходить боялся. А вы?.. Распустились.

Сделав пару глотков, Коля поглаживает мутный бок кружки.

— Ты, я гляжу, уже в спортивной форме?

Эн Энович кивает. Отхлебывает.

— Тебе с твоей попроще,— вздыхает Коля.— Она у тебя на смене, а...

Эн Энович машет рукой:

— Да БЕ-БЕ она в глот! О бабах еще талдычить!..

— Работать не хочешь!— раздается гудок Михеича.— Я с двенадцати у станка.

— Часов или лет?— интересуется ехидный голос.

— Что?— ревет Михеич.— Да я сорок лет. Мальчишкой. Родину. Под Ельцом. Проливал.— У него перехватывает дыхание. Михеич хрипит:— Кулаков. Лебеду жрал. С белофиннами. Сволочь.

— Понесло козла по кочкам,— смеется Коля.— Телек вчера смотрел? Видел, как «Спартак» «конюшню» обул?

— «Спартак» — ГНО,— бурчит Эн Энович.

— А другие, что — лучше?— не соглашается Коля.

Эн Энович ответить не успевает: появляется загывавшийся Семен.

— Что? Взял?— спрашивает Коля.

— Да взял, конечно. Водку. Только такое дело, понимаете ли,— Семен заглаживает жидкими волосами

надлобную лысину, дергает острым носом.— Я уже взял, расплатился, а Светка-продащица мне говорит: «Пойдем в подсобку, морячок, там у меня для тебя еще что-то есть». Заходим, и тут, понимаете ли, она бросается на меня. И начали мы с ней, конечно, под полными парусами бороздить океанские просторы. А когда перешли экватор...

— Ладно, не заливай,— перебивает Семена Коля.— Все же знают: ты на подлодке служил, комиссован по радиации, и дядек у тебя давно проржавел. Давай, доставай пузырь!

— Нет, ребята, я не вру. Все так, понимаете ли, и было. Вы только не беспокойтесь, но когда мы со Светкой пришвартовались, бутылки я не нашел. Ее, наверное, под шумок примагазинная алкашня увела. Но вы, конечно, не волнуйтесь, ребята,— Семен выставляет перед собой ладони,— сейчас, понимаете ли, все придумаем обязательно...

— Ах ты рачок недоношенный!— сжимает кулаки Коля.— Да я тебе щас...

— О! Михеич здесь!— вскрикивает Семен.— Что ж вы молчали, демоны! Сейчас, конечно, пятерка будет!

— Михеич не даст,— произносит Эн Энович.— ПИНДР он. Такой же, как ты.

— Да вот он и сам к нам идет. Вы пока про Светку дослушайте...— Семен вдруг смолкает. К ним пробирается Михеич. Его походка неузнаваема. Михеич пританцовывает, покручивая тощими бедрами.

— Мальчики!— голос Михеича теперь звучит почему-то гораздо выше.— Приветик!

— Приветик,— говорит обалдевший Коля.

Глазки потомственного рабочего, скользнув по Коле и Энычу, впиваются в фигуру Семена. Шея Семена чуть удлиняется, выгибаются уголки его губ.

— Что, мальчики, сообразим?— обращается ко всем Михеич, не отрывая взгляда от зарумянившегося Семена.

— Мы щас,— поспешно объявляет Семен, обхватывая Михеича за талию и уводит.

— Да я ведь с двенадцати...— доносится до Эна Эновича и Коли.

— А я, понимаешь ли, конечно...

Парочка скрывается из виду.

— По-моему, они шизанулись,— вертя пустую кружку, заявляет Коля.— Что теперь делать-то, Эныч?

— Пить,— говорит Эныч.

Слышится торопливый шепот:

— Милиция!

Поигрывая блестящим на солнце никелированным свистком, к толпе приближается младший сержант милиции. Его фуражка лихо сдвинута на затылок, глаза-лазеры ощупывают примолкнувшие фигуры посетителей.

Цыкнув зубом, Эн Энович изрекает:

— МУСР БНЫЙ.

— Мусора испугались,— качает головой Коля.— Ну народ!

Он приподнимается на цыпочках и смотрит по сторонам. Эн Энович сделал последний глоток, неторопливо отставляет кружку.

— Где милиция? Какая милиция?— бубнят в толпе.

Слышен уверенный зычный голос:

— Не бэ, мужики. Ментов не видать. Погнали.

Коля толкает Эныча.

— Пора отовариваться, дядя!

Приятеля направляют к магазину. Стихает позади звон стаканов, удаляется мерный шум разговоров, скрипит навстречу им знакомая коляска инвалида.

На свежей куче мусора горбатый толстошей ворон топчет полоску красной материи и сияющий свисток. Кувякин награждает пернатого солидным плевком.

Определив бутылку во внутренний карман пиджака, Коля удовлетворенно похлопывает по выпуклости.

— Ну — все хоккей. Теперь не мешает раздобыть

огурчик или селедочку. У тебя дома как? Есть закусон? Может, заскочим?

— Черняшку с солью найдем,— обещает Эныч.

Они не успевают пройти и десяти метров, как слышат:

— Та-а-ак!

Перед Эном Эновичем возникает знакомая круглая физиономия начальника цеха, Рагулина.

— Прогуливаем!

Рагулин строг, лыс и опрятен. Коля отступает в сторонку. Эн Энович перетаптывается с ноги на ногу.

— Та-а-ак,— повторяет Рагулин и многозначительно постукивает толстым указательным пальцем по туго набитому портфелю.— С квартальными-то мы горим.

Выдержав паузу, он нацеливается тем же пальцем в живот Эна Эновича.

— И с прогрессивкой, разумеется, пролетаем. И с тринадцатой, разумеется.— Рагулин прищуривается. Поводит носом.— А то и в вытрезвитель, глядим, угоним.

— Зубы болят,— оправдывается Эн Энович.

Рагулин смахивает с портфеля соринку.

— Как же, знакомы нам эти зубы. Вот в понедельник мы с ними на общем собрании и разберемся.

Он поправляет галстук и удаляется.

— Что, Эн Энович, прямое попадание?— сочувствует присоединившийся к приятелю Коля.— А кто этот чмо? Директор завода?

Эн Энович идет, сжав кулаки.

— У-у,— мычит он.— У-у. ГОНГ-ДОНГ.

Коля понимающе кивает и оборачивается.

Мимо витрин продовольственного магазина по воздуху передвигается заключенный в прозрачную целлофановую оболочку портфель. Коля на секунду закрывает глаза и трясет головой. Портфель не исчезает, неторопливо, с достоинством, плывет он по улице.

Открыв рот и прижав руку к бутылке, Коля догоняет Эна Эновича.

— Эныч! Слышь, Эныч! Там дирижабль какой-то!
Эныч не поворачивает головы.

— Чего орешь? Дирижаблей не видел?

Коля приостанавливается, еще раз оглядывается, протирает глаза. Таинственного предмета как не бывало. «Ну и дела, елки-моталки, так и чокнуться можно»,— думает Коля. «Ничего,— успокаивает он себя.— Квакнем сейчас хорошенько, и — все хоккеей».

Наткнувшийся на вывеску «Вино» объект покоится у желоба водосточной трубы. Скукожилась лопнувшая оболочка, замки портфеля раскрылись. На тротуар одна за одной выкатываются пустые бутылки.

...Подъезд встречает Эныча и Колю запахом испражнений.

У квартиры Эна Эновича запах усиливается.

— Может быть, утечка газа?— предполагает Коля.— Слушай, ты конфорку закрыл?

Эн Энович осторожно открывает дверь. Входит. Пол и стены прихожей перепачканы экскрементами. На встречу Энычу выбегает сын-четвероклассник Сережа.

— Па-па-па!

Школьная одежда на мальчике сидит бесформенным кулем. Ботинок не видно из-за налипшего на них кала. Лицо, руки и пионерский галстук в том же материале.

Из-за двери показывается Колина голова.

— Ты что это натворил, Сережа? Опять с друзьями пьянствовал? В прошлый раз вы голубятню у пенсионеров разворошили, теперь вот из дома какой-то сортир устроили... За это и из пионеров исключить могут.

— За это не исключают,— плаксиво тянет Сережа.

— Поговори мне!— пресекает сына Эн Энович.

— Ты у него лоб потрогай. Может, он заболел?

— Марш в ванну!— командует Эныч. Мальчик тащится в ванную. Коля ступить в прихожую никак не решается.

— Что делать-то будем, Эныч?

— Валять, да к стене приставлять,— отвечает

Эныч.— Чего там торчишь! Заходи давай! Сейчас посмотрим, где он тут не успел нагадить...

— Да, уж,— говорит Коля, осторожно входя в прихожую.— Придется поискать.

Поиски незагаженного места приводят их на кухню, где приятели и устраиваются.

— Это, наверно, дизентерия,— наливая, рассуждает Коля.— А может быть, даже холера. Они заразные.

— Какая еще в ДЗУ холера! Обыкновенный понос. Полнее лей... Вот так.

— Ничего себе обыкновенный,— хмыкает Коля, осторожно поднимая до краев наполненный стакан.— И к телевизору не подойдешь... Вот оно — наше будущее.

Стаканы пустеют.

— Вообще тут не поймешь. Вон на нашей базе наоборот,— один инженер две недели не делал и копыта отбросил,— Коля смеется.— Как раз за авансом стоял, дядек резиновый.

Эныч скребет небритую шею.

— Эх, Эныч,— вдруг скучнеет жующий хлебную корку Кувякин,— я сейчас на ремонте. Копейку не зашибешь. Кругом долги. Вот считай,— Коля принимается загибать пальцы,— двум ребятам на базе три червонца обязан, еще одному червонец, по пятерке Кулику и Володьке-солдату, да еще за крышку отдавать надо.— Он вздыхает и машет рукой.— Так что у меня теперь голый васер.

Эн Энович, насупившись, стучает кулаком по столу. Пустая бутылка скатывается на пол.

— А я?!— хрипит он.— Я тоже пятерку должен. Соседу.

Эн Энович встает и гневно меряет шагами кухню.

— Да ладно, не переживай ты, Эныч,— утешает приятеля Коля.— Послушай какой у меня план в голове. Берем лопату, веревку, мешок и идем в зоопарк...

Эныч продолжает ходить. Дребезжат стекла в буфете.

— А в зоопарке находим жирафу и лопатой ее промеж рог...

Эн Энович останавливается. Глядит сквозь воодушевленно размахивающего руками Колю. На щеке поблескивает слеза.

— В деревню... Молока парного хочу...

Он отходит к стене, минуту молчит, стоя к Коле спиной, потом достает из кармана пятерку и протягивает ее Кувякину.

— Давай, Николай.

Хлопает дверь. Из прихожей до Эна Эновича доносятся глухие беспорядочные стуки.

— Кого еще там несет?— осведомляется Эн Энович.

— Эня, Эничка, ты дома?

Через мгновение в кухню, разгоняя мух, влетает его жена Рита. Волосы ее растрепаны, лицо в грязных подтеках туши, распухшие губы перекошены.

Эн Энович бормочет:

— Чего ты, Рита... Дома я...

Рита рыдает, бессильно опускается на табуретку. Голова ее склоняется, падают на колени волосы и грязные капли слез. Рита шепчет, то и дело срываясь на крик:

— На работу пришла... Еще Лена-сменщица туфлями хвалилась... С ремешочком... А Катя, которая справа, на полчаса запоздала. И ничего... А у меня колесико закатилось. Маленькое... Тут по радио объявляют, что меня в местком вызывают... Я и пошла...

Рыдания мешают ей говорить.

— Ты чего?— пробует успокоить жену Эн Энович. Неуклюже трогает за плечо. Она приподнимает голову.

— Я думала, путевка для Сережи... Он такой у нас бледненький, редкогазенький... Так торопилась! На лестнице споткнулась, чуть не упала... Захожу... Смотрю...

рят... Потом один остался... Гарун-Эль-Халиди... Говорит: не волнуйтесь, Энова... За руку взял, в кресло усадил. Хозяин склада... Опять говорит: не волнуйтесь, Энова. И брюки с себя спускает. Сама не знаю, как это получилось... Еще по щекам похлопывал... Что-то не по-русски... асмарал говорил... Что ты молчишь, Эня? Ты меня слышишь?!

Эн Энович дергает головой. Каменеют шея и ноги.

— Милый, я не хотела... А потом другой вошел, замдиректора, новчй какой-то, не знаю фамилии... Чуть уши не оторвал. Грубый... Долго так... Ну не молчи, Эня, пожалуйста... Гайдар, главный технолог, грязный, слюни пускал... Фатеев потом, активист из Красноярска... В затылок значком колот, все говорил, что сейчас самое главное — накормить людей и достать новое технологическое оборудование... Я все как есть тебе рассказываю, ничего не скрываю...

Ее руки нервно разглаживают платье.

— На проходной... Вахтеры еще... Не пропускали...

Эн Энович, не поднимаясь с места и не прицеливаясь, бьет. Зацепившись ногами за табуретку, Рита, увлекая за собой ведро и веник, вылетает вместе с ними из кухни. Эн Энович находит в себе силы подняться. Накидывает пиджак. Идет, втапывая в дерьмо выбитый жене зуб, к выходу.

— Ма-ма-па-па-ма!— зовет из ванной Сережа.

— Сереженька,— плачет Рита, утирая разбитые губы,— родненький мой, редкогазенький! Иду! Иду!

С верхнего этажа пружинистой походкой спускается Коля.

— А я как раз из магазина, товарищ генерал,— говорит он Эну Эновичу.— Все хоккей.

— Под Паруса?— предлагает Коля. Приятели отправляются в Парк Культуры.

Их путь пролегает через огражденные дырявыми

металлическими сетками спортивные площадки, используемые под свалку; заросшие бурьяном и кустарником останки старинного трехъярусного акведука со сложенными штабелями черных сырых дров в сохранившихся арочных проемах; через стройку с трясущимся в пене компрессором и ямами с кипящей смолой; через насыщенный движением и шумом пестрый проспект, переваривающий в своем нутре автомобиля, транспаранты, очереди...

— Как прекрасен этот ми-и-и-ир, посмотри-и-и... — поблеивает, глядя по сторонам, Коля. — Как прекра-а-а... А как ты думаешь, Эныч, кем я мечтал стать в детстве?

— Клоуном... — бросает Эныч, переступая через люк открытого канализационного колодца.

— Верно! — удивляется Коля. — Как ты догада...

— Шутом гороховым, — добавляет Эн Эныч, перешагивая еще через один открытый люк.

— А в армии, Эныч, — перепрыгивая через лужу мазута, продолжает Кувякин, — я понял, что надо быть генералом.

У автобусной остановки приятелям резко бьет в нос сивушная волна перегара. Коля толкает Эн Эныча локтем:

— Гляди-ка, как у Врубеля, — грачи прилетели!

Они останавливаются.

В грязи, под ногами будущих пассажиров, ворочаются и перекатываются в зацементированных объятиях тела двух пьяных прапорщиков.

Идет диалог:

— Ты, зачем... скажи... Голоденко... дядек полтавский... о сухих пайках... хе-хе...

— Врешь... чоловик я... нэ боракы... Приказ был... ты мне сам показывал... Лавровый лыст... грэчка... ушла куда... Кажы, мни... Патрык...

— На дачу... Пьянь... К генералу... хе-хе...

Эныч поскребывает шею и возобновляет путь.

— Да, а вот после армии, — повествует дальше Ко-

ля,— я просек главное — бери меньше, кидай дальше и киряй пока летит. А ты, Эныч? Кем ты хотел стать?

Эн Энович звучно сморкается и говорит:

— Мне по ДЯДЬКУ.

Среди окружающих Эныча и Колю прохожих возникает неожиданное волнение. Сзади приближается волна криков и визга. Колю сильно толкают в спину. Слева наваливается на него рыхлое женское тело. Перед носом мелькает авоська с землистым картофелем. Тычется в щеку чей-то орущий рот. Тело женщины сменяется фанерным чемоданом. Справа Колю бьют по уху.

— Ребенка задавишь, гнида!

По ногам хлещет вода. Затем, тайфун удаляется.

Коля проверяет, цела ли бутылка. Впереди виден плоский зад уползающей поливочной машины.

Эныч отыскивается на автобусной остановке. Его поза напоминает Коле букву «Г». Побагровевшее лицо нависает над мокрыми и перепуганными прапорщиками. Те, тараща мутные глаза и скребя ботинками по асфальту, бормочут:

— Не тронь... Мы на службе... Ще нэ вмэрла Вук...

— Эныч!— Коля нагибается к другу.— Что случилось? Не связывайся ты с этими скотами.

Эн Энович не реагирует.

Коля озирается, трясет Эныча за плечо.

— Да что с тобой?! Тебя кто-то ударил?

Эн Энович медленно разгибается, разминает затекшие члены и глухо выдавливает:

— Ничего.

...В парке, хлопая сырими штанинами, Коля разглагольствует:

— А потом мысль: зачем вообще лопата? Что она мне дает? Решил пойти в семинарию. Ан нет! Не тут-то было. Сидят там одни проходимцы и жулики и стучат не хуже чем в армии. Тот же Толик-дрезина, два года пономарем на Покровах промыкался, не дал кому

надо — и полетел под малиновый звон... Теперь веники в Самогудах вяжет.

Коля метким плевком поражает безрукую статую гипсовой пловчихи.

— Вообще скажу тебе — главное не высовываться. Нашел нужную тебе компанию и пасись. Вон, Володька-солдат, в день с одколона и клея не меньше двух червонцев имеет. Или Витька-плешак — король хрусталя.

Коля намечает для атаки следующую мишень — скульптуру молодого ученого, держащего в руке атом.

— Так что, Эныч, главное в жизни найти свое место и не ломаться как ишак за охапку сена. Тогда и время у тебя навалом будет, и деньги.

Коля стреляет и промахивается.

— Это верно,— говорит Эныч.— Ты помедленнее иди.

— Ха!— восклицает Коля, задерживая рукой Эныча и подходя к статуе.— Доигрались с космосом. Она же без шопы!

— Ну и ДЯДЕК с ней. — Эн Энович почесывает-ся.— Пить-то будем?

Коля плюет на обнаженную арматуру.

— Спрашиваешь!..

В конце аллеи, в глухой части парка, за вековыми липами и дубами, дожидаются приятелей Паруса — заброшенное кафе открытого типа, ныне — склад поломанных скамеек. Часть скамеек, вытащенных из общей груды, напоминающей пирамиду Хеопса, расставлена заботливыми руками на свободной половине зала. Отдыхающие располагаются на скамейках, ящиках, кирпичках и на бывшей буфетной стойке. Коля находит подходящее место возле центральной опоры, и они с Эном Эновичем удобно устраиваются на покатоj скамеечной спинке.

— Дед!— кричит Коля.— Дед Кондрат! Неси стакан!

Вытащив из кармана бутылку, Коля смотрит по сторонам.

— Что с дедом, господа удавы?— обращается он к соседям.— Где дед?

— В подсобке, с Лукерьей тусуется,— отвечает сидящий напротив. в компании помятого гражданина в тирольской шляпе и седого старичка с виолончелью на коленях забинтованноголовый усач.

— Опять сферы влияния делят,— усмехается Коля, подцепляя ногтем пробку.— А у тебя, архитектор, хлебушка не найдется?

Появляется, звякая большой хозяйственной сумкой, дед.

— Куда ж ты запропастился, папаша,— улыбается ему Коля.— В приличной ресторации тебя бы уже давно турнули. Давай аршин.

— Я, ребятки, вон за теми скамеечками был,— шамкает старик, указывая на пирамиду.— Студентики меня подзадержали, капризные оне...

Он протягивает Кувякину липкий стакан. Добавляет:

— Закусить не желаете?

— А что у тебя?

— Сырки «Лето», мягкие. Сушки с солью, свежаи. «Завтрак туриста», вкусныя.

— Давай банку и один сырок,— делает заказ Коля, бросая горсть мелочи в подставленный дедом карман.— Только банку открыть надобно, старче.

— Уже открыто, ребятушки,— вынимает из сумки и протягивает наполовину вспоротую тощую банку дед Кондрат.

— Вот это — уже жизнь, я понимаю,— говорит, организуя на скамейке столик, Коля.— Как у Сына Дядиноного за пазухой... Торопиться не будем, Эныч? В два захода?

Эн Энович не возражает, снимает пиджак.

— Эй, орлы,— обращается к ним «архитектор», протягивая кусок сизой откушенной горбушки,— Бэу не побрезгуете?

— Давай, в хозяйстве все пригодится,— принимает дотацию Коля,— Ну, поехали!

Пьет Эн Энович. Пьет Кувякин. Закусывают. Бутылку с оставшейся водкой Коля прячет в карман. Удовлетворенно откинувшись на спинку, рассматривает окружающих.

От одной группы к другой курсирует душа заведения — Аркаша. Аркаша — само движение. Безостановочно и затейливо работают его конечности, ежесекундно, без видимых усилий меняется выражение его лица, а тело живет и вихляется в беззвучном ударном ритме самбы.

— Жухарики-комарики, птички-ягодки!— кричит Аркаша.— Могу продемонстрировать всем желающим маленький, но глубокий психотрючок. Впервые, почти бесплатно. Р-раз... Два-а... Необыкновенный фокус. Желающие!.. Два с половиной...

— Знаем мы твои фокусы,— откликаются распивающие возле ржавой буфетной стойки.— Сто грамм попросишь.

Аркаша всплескивает руками. Направляется к стойке.

— Предлагаю, граждане, маленький экскурс в область искусства. Отгадайте загадку по системе Станиславского. Без рук, без ног, на бабу скок. Или к примеру, кинематограф. Искусство всех искусств. Факир наших чувств и романтик нашего времени. И-и-и-и — Гавайи, чуингам, дворцы, ракетка для пинг-понга, икра на блюдечке «Самтрест», принцесса из Гонконга. И ты — Джеймс Бонд, ты — супермен, кладешь на всех, ликуешь!.. Смотри, разъепа: ты живешь. Живешь — не существуешь!

Сделав пируэт, Аркаша застывает в позе статуэтки Оскара.

— Толик, плесни ты ему граммулю. Старается чувачок.

— Не-ет, — не соглашается долговязый беззубый парень в засаленной кепке.— Не заслужил. Пускай еще потреплется... За спорт чего скажешь, суппельмень?

— Пожалуйста. Шахматы. Любимый вид спорта гипнотизеров,— охотно говорит Аркаша.— Черный гроссмейстер делает шах и засыпает, белый гроссмейстер просыпается и выигрывает. Продолжаем спортивный обзорвер. Копейкин рубль бережет. Сто грамм для Храбростина. Кто болеет за «Торпедо», тот нальет мне до обеда. Кто болеет за «Спартак», тот нальет мне просто так.

Долговязый Толя допивает водку, покачивает в воздухе пустой бутылкой и, сморкаясь на штанину Аркаше, замечает:

— Врешь ты все. Козел ты, паря.

Аркаша боком отодвигается от стойки. Продолжая обход, попадает в объятия человека, прислоненного затылком к железной опоре. Человек рассказывает:

— Все пью, пью... Надоело... Ну вот скажи: чем бы еще заняться?..

— На дядьке верхом промчаться,— советует ему Аркаша.

Обдав Аркашу металлическим перегаром, человек отталкивает его.

Неподалеку расположились несколько сотрудников НИИ. Перед ними на застеленном газетой ящике — складные пластмассовые стаканчики, нарезанный сыр, соленые огурцы. Научные сотрудники пьют вынесенный с работы спирт. Аркаша ногой задевает ящик. Один пустой стаканчик опрокидывается.

— Культурней вести себя надо,— возмущается, отодвигая Аркашу в сторону, солидного вида научный сотрудник в бордовом галстуке и очках с золотой оправой.

— Пардон-пардон. Эскьюзми,— шаркает Аркаша провинившейся ногой.— Прошу про...

— Иди, иди отсюда, дурачок-попрошайка,— гонит его научный сотрудник с галстуком в горошек.

Еще один сотрудник, в кожаном пиджаке, молча показывает Аркаше кулак.

Из дальнего угла павильона, с эстрадной площадки, машут Аркаше, зовут:

— Маэстро! Маэстро! Просим!

Вдохновленный Аркаша спешит на зов и, вспрыгнув на площадку, оказывается в окружении студентов, исполняющих губами в честь его появления туш. Студент в джинсовой жилетке наливает стакан вина, протягивает, улыбаясь, Аркаше. Маэстро принимает его двумя руками. Пьет.

— Наш Луи де Фюнес соскучился по доброму бургундскому,— замечает студент в американской бейсбольной кепке приятелю с «дипломатом».

— В этом хлеву меценат — явление редкое,— соглашается «дипломат», насмешливо поглядывая на сидящую на берегу рисованного моря в углу эстрады группу бородачей и их чернобородого лидера в заношенной куртке-спецовке, разливающего «Яблочко».— А мы с Брелком вчера на Арбате два пласта толкнули. Взяли джинсы. Олдовые. Сдали за два пятнадцать одному пиджаку. Монета на кармане. Выписали из пищевого герлов, в мотор и — на флэт к Сертификату. Его фаземазеры на год в Чойбалсан подписались...

Студент в джинсовой жилетке похлопывает Аркашу по животу:

— Что нового в мире книг? Что читает народ?

Довольный Аркаша слизывает капли с пальцев:

— О, литература! О, литераторы!.. Милые неподкупные дитяти Калиопы, Полигимнии, Талии, Эрато... Израненные творческие души, ищущие добра, истины, любви... Люди с большой буквы, беззаветно себя отдающие на ниве служения человеку. Каждая их книга нова и гуманна, как извержение Везувия. И посему народ хватает и любит все.

— Завязывай, Фюнес, о макулатуре,— говорит студент-«олимпиаец».— Введи нас в курс мировых проблем.

— Как дела на валютном рынке?— поддерживает товарища «дипломат».

— Мои любознательные пернатые друзья!— воодушевляется еще больше Аркаша.— Жизнь на нашей

планете невообразима и удивительна. Позвольте еще пятьдесят грамм... Однако... угм... Прекрасному существованию на родной безграничной земле мешают до сих пор китайские рисогемонисты, американские кукурузоалисты, израильские мацаонисты, арабские финиционеры и гитлеровские оккупанты и палачи. А также большое количество населения... В эдаком положении наша старушка. Если же мы отправимся дальше, в открытый космос, то там, о мои юные романтики, мы обязательно столкнемся с таким потрясающим явлением природы, как черные дыры...

Аркаша обращает внимание на двух хихикающих возле остова холодильного прилавка девиц. Одна из них в платье колоколом, другая — в плиссированной юбке. Аркаша представляет девиц своим покровителям:

— Перед вами, друзья мои, находится местная достопримечательность — представительницы очаровательного пола. Слева — Ивонна Сосьет, справа — Люсьен Ширинкина. И наоборот. О, женщины! Коварны вы и милы. В слабинках ваших дьявольская сила. Душа поэта жить без вас не может... Дальше забыл...

— Спел бы ты нам лучше под Высоцкого,— заказывает «жилетка». — Потешил бы.

Аркаша поет.

...Темнеет. Кафе потихоньку начинает пустеть. Эн Энович неподвижен. Коля беседует с сидящей теперь рядом с ним на скамейке «забинтованной головой».

— Нет, что ни говори, а от босых житья нет,— убеждает голова Колю.— Думаешь, отчего у нас мяса нет в магазинах?

— Почему ж,— возражает Коля.— Иногда бывает. Я в прошлом году в Москве на ВДНХ видел.

— Может быть,— продолжает собеседник.— Я не против, конечно. Жить-то они для себя умеют. Даже очень. А вот другим...

— Не все,— перебивает Коля.— Босые разные бы-

вают. Есть босые, а есть босенькие. Жаль, выпить нечего.

— Вот с этим я как раз не согласен. Все босые — босенькие. А спроси у любого босенького, он босой или кто — понятно, что ответит, душа кривая... Нет, не говори даже,— птицу видно по полету, а босого — по ногам. Так-то. Тебя как зовут?

— И по соплям,— добавляет Коля.— А тебя?

— Нет, я первый спросил.

— А я второй,— не сдается Коля.— Не хочешь — не говори. Тебе же хуже. Поди сам...

— Ну ладно,— отступает «архитектор» и развивает свою мысль о «босых»:— Нет, но все-таки согласишься, куда камень ни брось...

— Это конечно,— кивает Коля.— Яблоку упасть негде... Вот где бы еще, скажи, рубль достать?

— Зачем?— не понимает забинтованный.— Их рублем не перешибешь. Здесь дрын нужен.

— Дрын мы достанем. Ты только рубль доставай. Или два.

— Хороший ты парень. И разговор у нас хороший. А жи-и-изнь вот... Эх, Рас-се-е-е-я!..

«Архитектор» обхватывает бледномарлевою голову, всхлипывает, затем лезет в сумку. Поблескивает бутылочное горлышко. Коля склоняется к плечу соседа.

— Ух ты, водочка!.. «Старорусская»!.. Вот это подарок!.. Почище чем на пирах у самого Молекулы. Ну, голова, ты молодец. Настоящий друг. И босых, если по-честному, протянул правильно. Я нарочно не соглашался.— Коля толкает Эныча.— Кончай спать, адмирал Нахимов!

— Я не сплю,— отзывается Эныч.— Наливай.

Появляется Аркаша. Его взгляд остекленел, движения замедлились, язык заплетается.

— Ребятки-козлятки. — Он останавливается возле скамейки Коли и Эна Эновича.— Мужички-боровички... Приверженцы «Старорусско...кой»... и молек...кульской... Завидую вашему неиссяка...муму оп-

тимизму и вере в себя по поводу всего самого светлого и вапива...момо... Путей, как говорится... на свете много есть... чтоб как-нибудь прожить... а мне, мня-мня... позвольте в вашу честь стаканчик пропустить...

— Не люблю таких. Иди-ка ты на ДЯДЬКА,— говорит Эн Энович. Выпивает, крякает. Аркаша делает реверанс и пятится.

...Теплый ветерок приносит запах сирени, шорохи и тихую музыку откуда-то издали. Коля открывает глаза. Часть зала освещена тусклым парковым фонарем. Виден прислонившийся головой к опоре похрапывающий пьяный. Рядом с Колей, только теперь не на спинке, а на сиденье скамейки, восседает спящий Эн Энович. С темной половины кафе следят за Колей зеленые кошачьи глаза. Пищит комар. Больше под Парусами никого нет.

Слышится приближающееся урчание мотора. Хлопает дверца. Трещат кусты. Меж деревьев мелькают тени. Плаксивый женский голос вытягивает:

— Не толка-а-айся. Во-о-от, ко-о-офточку разорва-а-ал. Я здесь заблуди-и-илась случа-а-айно. Больше не бу-у-уду, пра-а-авда-а.

— Не бу-у-уду,— передразнивает мужчина и добавляет обычным голосом:— Подружка твоя, Соси, не врет, что больше не будет. А ты? Шалашовка. Что в кустах делала?

Прекращается храп человека-опоры. Тухнут кошачьи глаза. Под Парусами появляются милиционеры. Один из них направляется в темный угол, другой подходит к Эну Эновичу и Коле.

Коля закрывает глаза. Ощущает похлопывание по плечу.

— Приехали, гуськи-лебеди. Подъем.

Коля не отвечает. Рука милиционера сжимает его плечо. Тут же Коля получает увесистый шлепок по лбу. Звенит в ушах, глаза открываются сами.

— Зачем дерешься, э!— возмущается Коля.— Я сам пойду.

— Это я летучую мышь убил. С тебя причитается за услугу. Ничего, включим в счет... Ну что, Гриша? Есть там кто еще?

— Никого,— откликается милиционер Гриша, проходя в полуметре от человека-опоры.

Эна Эновича милиционеры поднимают и ведут под руки. Коля кое-как идет сам. Бормочет под нос:

— Подумаешь... сержант... меня в армии в офицеры звали...

— Передрий!— кричит сержант в кузов.— Принимай товар. Нам тут еще одного дядька захватить надо. Там, на мостике, на перилах висит.

В кузове, помимо Коли, Эныча и принимающего товар Передрия, находятся Сосьет и плачущая Ширинкина. Через решетку к ним заглядывают любопытные звезды, виднеется кусочек удивленной луны. Еще снаружи доносится:

— Куда подевались мои очки? Отдайте очки!.. Не пихайся! Культурней надо себя вести.

— Передрий! А этому культурному выдадим ссаное одеяло.

2

Генералу Плухову не по себе. Раздражает затылок шофера. За окнами тоже черт-те чего. Генерал вынужден разглядывать зеленого резинового чертика, болтающегося над волосатым ухом водителя. Не думается. Но думать надо.

Логика — мать мудрости. Приходилось пасти свиной. Ходить за плугом. Бывал в ночном. Потом повезло: попал в училище НКВД. Война. Осколок в область лопатки. Лазарет. Будущая жена — медсестра Галя. Ласка. Чистота. Ножки-бутылочки. Жив.

СМЕРШ. Третий Украинский. Четвертый Прибалтийский. Трудно. Но можно облегченно вздохнуть — победа.

Живем хорошо. Много, конечно, желающих совершить антиобщественный поступок. Но с ними справляемся. Есть еще порох в пороховницах. Много пороха. Очень много.

Никак не укладывается в голове. Невозможные вещи. Давит воротничок. Генерал расстегивает пуговицу. Да-а-а, с таким встречаться не приходилось. Все началось с утра. Позвонил майор Степанчук, сообщил о диверсии на чугунолитейном заводе. Неизвестное лицо или лица вывели из строя центральную трубу. И как! Главное, как!.. Далее. В город из Москвы на матч с местным «Ураном» летели футболисты «Спартака», а прибыл означенным рейсом переполненный дерьмом самолет. Далее..

Ход размышлений генерала прерывается осторожным покашливанием шофера. Неподвижен резиновый чертик.

— Кажется, приехали, Петр Сергеевич. У вашего дома стоим.

Плухов хмурится, тянет на себя дверную ручку.

— Ладно, Вася. Пока свободен.

В подъезде тихо. Бесшумный лифт доставляет генерала на третий этаж. Щебечет звонок. Приходится ждать. Плухов вновь нажимает на кнопку. Оживает, наконец, глазок, слышится звяканье цепи. Дверной проем заполняет шелковый торс жены.

— Ты вечно забываешь, Петро, использовать твой ключ.

Плухов указывает на цепь:

— А это?

Жена обиженно поджимает губы и удаляется в комнаты. Генерал снимает пиджак, приглаживает перед зеркалом поседелые волосы, пытается восстановить последовательность произошедших за день событий. Идет в кабинет. В столовой нога погружается в

мягкое. Плухов резко отдергивает ее. Поздно. По барабанным перепонкам бьет собачий визг. Из столовой в гостиную уползает приплюснутое белое существо. Из гостиной в столовую, наоборот, врывается жена Галя.

— Если уж ты такой умный, изволь не наступать на нашу Изольдочку. Она беременна, между прочим!

— От кого? От Святого Духа что ли?— Генерал поддевает ногой осклизлую рыбью голову.— Пакость всякую только по квартире растаскивает.

— Девочке, может быть, фосфора не хватает, мучитель бессердечный!.. Маруся! Маруся! Уберите это скорее!

Плухов запирается в кабинете. Привычная обстановка постепенно успокаивает. Телу удобно в трофейном кожаном кресле. Рука поглаживает подлокотник. Глаза генерала находят дорогой сердцу бронзовый бюстик.

— Что будем делать, товарищ?— Генерал вбирает в грудь воздух, ощущает прилив новых сил.— Искать и находить. Клубок необходимо распутать.

Плухов открывает доставленную курьером папку, перебирает листы донесений. Задумчиво поглядывает на телефон яичного цвета. Басовито гудит, однако, рубиновый. Прямой, из Центра. Прочистив горло, генерал поднимает трубку:

— Плухов.

— Здравствуй, Сергеич,— звучит знакомый голос.— Что это у тебя там за чудеса происходят? В решете. Я только вчера из командировки, а меня тут радуют...

— Добрый вечер, Юрий Дмитриевич...

— Куда уж добрей. Некуда,— перебивает Плухова голос.— Кто-то успел в ЦэКа капнуть. Не твой ли гусь Степанчук вместе с твоим другом Борисовым постарались?

— Выясним, Юрий Дмитриевич,— заверяет Плухов.— Во всем разберемся. Ты же меня знаешь.

— Знаю. Отвечай, куда футболисты делись.

— Ищем спартаковцев, Юрий Дмитриевич. Только утром...

— Ты понимаешь, чем это пахнет?— Голос в трубке становится строже.— Ты что, не знаешь, что у нас половина Динозавров — болельщики «Спартака»? Тут не до шуток. Чтобы завтра нашел.

Плухов теребит кудрявый телефонный провод.

— Юрий Дмитриевич, позволь вопрос. В Москве-то они в самолет точно сажались? Рейс ведь беспересадочный...

— Сажались, Сергеич. В том-то вся и загвоздка. В воздухе они пропасть не могли, так что ищи их у себя. А что еще там с заводом? Поподробнее.

— Ты знаешь, Дмитриевич...— Плухов прикрывает трубку, повторно прочищает горло.— Трудно поверить. Труба забита...— генерал невольно переходит на шепот,— членом. Мужским. Натуральным. Небывалой величины.

— Ну, ты даешь!— в трубке смешок.— А яйца как же?

— А что яйца? Они наверху остались. За них-то мы и тащили. Вертолетом. Два троса лопнули. Временно брезентом это дело накрыли.

— Ну, хватит,— в голосе Юрия Дмитриевича появляются металлические нотки.— Ты, знаешь, цирк свой кончай. И-и... вот еще что... Я к тебе, пожалуй, группу содействия подошлю. Встречай в четыре ноль-ноль. Все.

Плухов, послушав некоторое время пустую трубку, осторожно опускает ее на рычаг. Поднимается, ходит до кабинету, курит.

Не верит, стало быть, Юрбан-Барабан старому другу. А ведь когда-то Плухов ему отдал последнюю печеную картофелину. Вот так и бывает. Засядет человек в Москве и становится хряком.

Плухов подходит к бюстику. И ты не веришь? Обжигает пальцы сигарета. Нет. Ты веришь. Ты не можешь не верить. Это — главное.

Но все же обидно. С Барабаном освобождали Венгрию. Чехословакию. А раньше, в войну, нога к ноге спали. Не верит мне. Ладно. Сам убедится.

Стрекоchet желтый телефон.

— Да,— бросает генерал в трубку.

— Петр Сергеевич! Степанчук беспокоит.

Плухов морщится. Ему представляются белесые ресницы, бегающие глаза, потные ладони и качающееся под тяжестью бульдожьей челюсти спичечное тельце майора. Генерал непроизвольно расплющивает пятерней лежащий у телефона пустой коробок. Что-то больно колет в ладонь.

— Не тяни,— выдавливают Плухов.— Докладывай.

— Новые события, товарищ генерал. Почерк прежний.

— Еду. Будь в управлении,— генерал кладет трубку. Выходит из кабинета.

В столовой обиженная жена, сидя на пуфике, поедает лукум. Генерал поглаживает ее по плечу, успокаивает:

— Будет, Галина. Побереги себя. Я — по делам.

Через несколько секунд из прихожей доносится истошное визжание собаки Изольды.

У сейфа, постукивая по его металлической стенке нервными пальцами, стоит майор Степанчук. Майор зол. «Ах ты козел старый,— думает он.— На моем горбу в рай хочешь въехать?! А кто тебе сделал дело о вредительстве на водоочистительной станции?! Кто в Брюховцы и Лопатино ездил при утечке реактора, а потом перед Москвой все замаял?.. Кто тебе, наконец, надежную связь с Молекулой отладил?.. В семикомнатной квартире живешь?! Дочке, вoble своей хвостатой, кооператив для бардаков отгрохал?! Жена с собакой одни за два города мяса сжирают?! Мало все, мало?! А сам палец о палец не ударишь и всю ответствен-

ность — на меня?! Произойди что в городе, так один Степанчук расхлебывай?! Комод вонючий. И рыбку хочешь съесть и...»

Входит генерал Плухов.

— О чем задумался, Степанчук? Выкладывай. Давай разбираться.

Степанчук поскрипывает зубами. Переходит от сейфа к столу, придвигает бумаги.

— Обстоятельства, товарищ генерал, таковы. Час назад поступили с разницей в пять минут два сообщения. Первое: в Парке культуры «Освобожденный труд» некто Тульский занимался извращением на приделанном к скульптуре ученого члене. Второе: у больной, поступившей сегодня в клинику имени братьев Рождественских, помимо возбудителей венерических заболеваний, обнаружена холерная палочка.

Генерал садится. Нахмуривается.

— Что сам-то думаешь по этому поводу?

Степанчук разводит руками.

— Пока трудно делать конкретные выводы.

— Какие приняты меры?

— Тульский доставлен к нам. Вместе со скульптурой.

— Почему со скульптурой?— Плухов приподнимает бровь.— В качестве улики, что ли?!

— Он от нее не отделяется, товарищ генерал.

— Странно, Степанчук. Ну ладно. Что еще?

— Допроса не снимали. Задержанный в шоке.

— А что там с холерой?

— Осипова Наталья Яковлевна, пятьдесят шесть лет, пенсионерка, персональная, проживает по улице Кастагоновской, пятьдесят шесть, сто девятнадцать; доставлена в венерологическую клинику в четырнадцать часов; реакция Вассермана положительная, и вообще там целый букет. Повторный же анализ позволил обнаружить холерную палочку. Больная изолирована. В клинику мною отправлен для выяснения обстоятельств лейтенант Евсюков.

— Почему Евсюков?— вырывается у генерала.

Этого Плухов не ожида-ал. Ай да Степанчук! Уже просек. Прыток, подлец! Или Евсюков, болван, палку перегнул, засветился на чем-то. Надо было старика Волохонского к этой бульдожьей морде приставить. Ему хоть и пятьдесят с гаком, а он все землю роет, капитаном хочет стать. Толковый мужик. Одно плохо — бо-сой...

Генерал отводит от Степанчука взгляд, опасаясь, что не сумеет скрыть неприязнь.

А может, Евсюков и не под колпаком вовсе, случайность...

— Я считаю лейтенанта Евсюкова,— отвечает Плухову Степанчук,— одним из наиболее способных наших работников, потому и дал ему это задание.

(«Ну что? Съел? Старый пень. Небось теперь Волохонского в дятлы метишь?»)»

Глаза майора перебегают с одного генеральского уха на другое. Плухов достает портсигар.

— Что показал анализ экскрементов с самолета? Обнаружены там холерные палочки?

— Нет, не обнаружены.

Генерал в задумчивости разминает сигарету. Степанчук подходит к нему, щелкает зажигалкой.

— Петр Сергеевич, я тут любопытное совпадение обнаружил.

— Ну?

«Баранку гну,— думает Степанчук.— Ишь, разлетелся на готовенькое, тетерев». И говорит:

— На той же Кастагоновской, в том же доме и даже в том же подъезде загажена еще одна квартира, под номером семьдесят три. Холерной палочки не обнаружено и там. Однако, мне пришла в голову мысль проверить кал из этой квартиры на предмет идентичности с предыдущим образцом.

Генерал кривится.

— Разумно ли это? Как испражнения из квартиры могли попасть в летящий самолет?

— И все же я думаю, что экспертиза уместна,— говорит Степанчук.— Появление в разных, причем, в самых неподходящих местах большого количества человеческих экскрементов — да еще в один и тот же день — наводит на подозрение о взаимосвязи данных фактов.

— Ты, стало быть, полагаешь,— усмехается генерал,— что все это сотворил один человек? Что-то в истории таких прецедентов не наблюдалось. Разве что Гулливер в нашей Лилипутии поднатужился.

Майор, поскрипывая зубами, возвращается к столу.

— Когда же будут готовы твои анализы на идентичность, Степанчук?

Степанчук придвигает телефон, снимает трубку и набирает номер лаборатории.

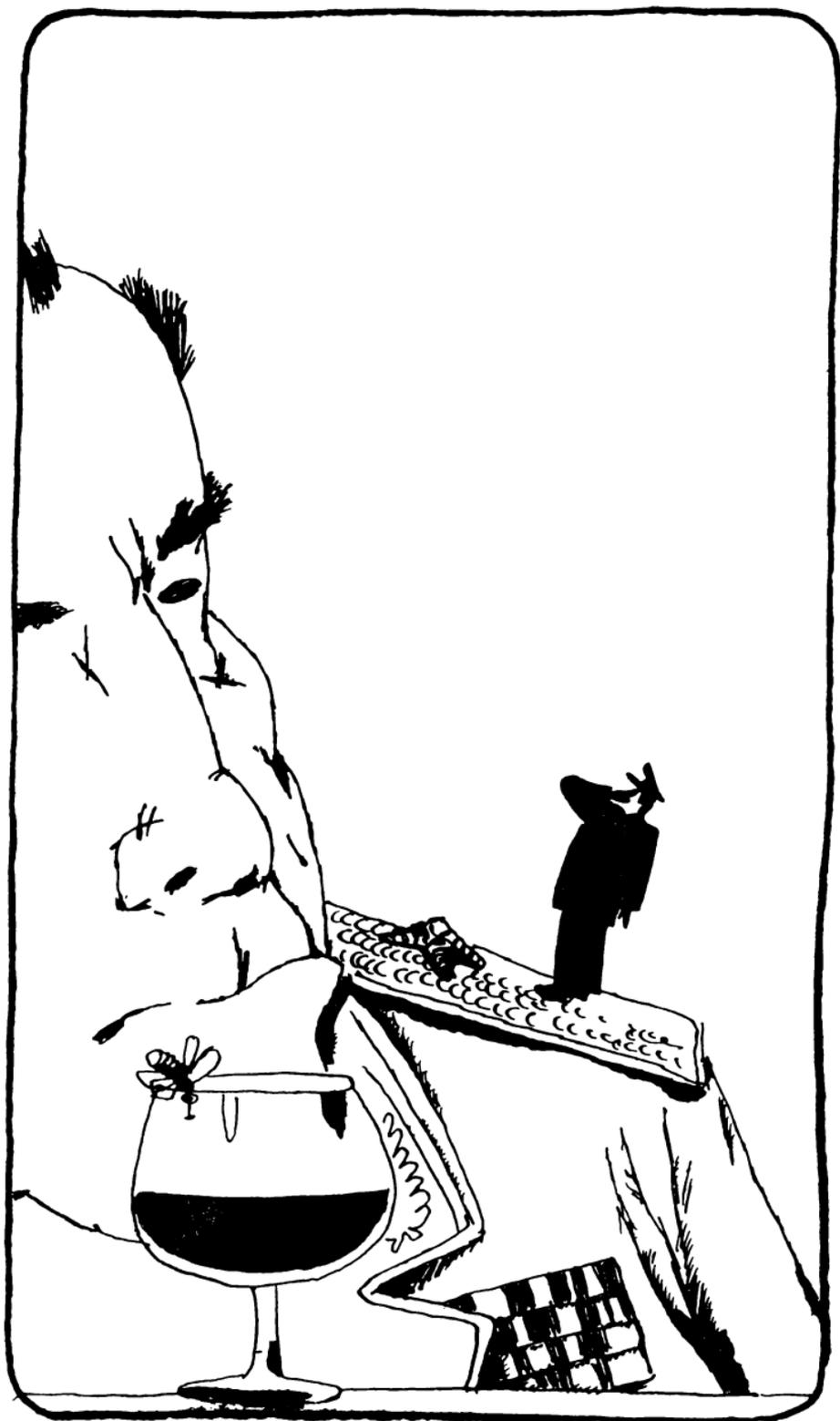
— Как дела?

Кладет трубку.

— Обещают поторопиться.

...Стрелки настенных часов находятся на правой стороне циферблата. Плухов, помешивая резной мельхиоровой ложечкой кофе, рассуждает:

— Завод у нас с тобой, Степанчук, самое уязвимое место. Несомненно, действует организованная группа хорошо обученных врагов. А насколько циничны методы их работы! И в каком только парнике они такую штуковину отрастили? Нет, без Штатов здесь дело не обошлось. Они на подобные выдумки мастера, хотя и изнутри — пустотелые. Итальяшки всякие или французишки — мелкота. У англичан тоже кишка тонка. Я их хорошо знаю. Еще с Австрии, с сорок пятого, знакомство пошло. Трусы они. Мы у них тогда думали вырвать хоть пару сотен изменников Родины. Для показательной расправы. Так они нас ими по уши завалили... А немцы? Ребята трудолюбивые, но туповаты. Они бы просто весь завод взорвали, и все. Еще японцы вроде бы остаются. Изобретательные головы, но не в области половых выкрутасов. Не их это профиль.

Генерал отхлебывает кофе, ставит чашку.

— Хорошо еще, про наш завод в ЦэКа не узнали. Вони не оберешься. Подлей-ка коньяку, Степанчук.

Майор подливает.

— Вони, Петр Сергеевич, у нас и без ЦэКа хватает. Прикрывает белесыми ресницами глаза.

«Вот змей! Неужели допер? Кто-то, верно, в обкоме меня застучал!»

Стучат в дверь. Входит широкоплечий, с маленькой головой, атлет. Это лейтенант Евсюков.

— Разрешите доложить, товарищ генерал.

— Докладывайте.

— По распоряжению майора Степанчука...— Головка Евсюкова чуть наклоняется в сторону Степанчука.

— Знаю, лейтенант. Говорите о главном.

— Гражданка Осипова утверждает, что после развода с мужем, имевшем место четырнадцать лет назад, не вступала с мужчинами в половые контакты. В медицинских документах записей о каких-либо венерических заболеваниях гражданки Осиповой до сегодняшнего дня не было. Родственников за границей, как она утверждает, не имеет и сама там никогда не бывала. Утверждает также, что за последние семь-восемь дней не употребляла в пищу ничего, кроме хлеба и воды, хотя по ее объему, этого не скажешь. Ссылается на то, что пенсии хватает якобы только на две-три недели. Вчера утром — точное время гражданка Осипова не помнит — она, приняв солнечную ванну, возвращалась домой со двора, где повстречала в подъезде своего соседа Энова, который ее толкнул. Далее Осипова заявляет, что по лестнице следом за Эновым — как ей показалось, догоняя его, — бежал гражданин в белом плаще с надвинутым на лицо капюшоном, который сорвал с Осиповой очки. Через минуту, когда практически ослепшая гражданка Осипова пыталась нащупать ногой следующую ступеньку с целью добраться до своей квартиры, кто-то напал на нее сзади и вошел с ней в половой контакт. Больше гражданка Осипова по суще-

ству данного дела сообщить ничего не может, так как потеряла сознание и пришла в себя только в венерологической больнице.

Наступает молчание. Слышен напряженный ход часов.

— Евсюков, вы свободны,— произносит, наконец, генерал.

Евсюков уходит. Плухов неторопливо допивает свой кофе. Покручивает в руке ложечку.

— Мне думается, Степанчук, что никакого контакта не было.

— Это была инъекция,— соглашается майор,— тем более, что никаких следов мужского семени не обнаружено. Старая женщина, долгое время не имевшая интимных отношений, могла и ошибиться.

— Наверняка ошиблась. Ну-ка, представьте мне досье на этого Энова.

— Оно уже здесь, в сейфе.

У генерала приподнимается бровь.

— Владельцем загаженной квартиры на Кастагоновской, Петр Сергеевич, и является как раз Энов Эн Энович. А работает он,— Степанчук выдерживает паузу,— на чугунолитейном заводе.

У генерала приподнимается вторая бровь.

«Вот так-то,— думает майор Степанчук.— Это тебе не свиной пасти».

Результаты экспертизы, говорящие об идентичности образцов кала, и группа содействия из Москвы прибывают с интервалом в четыре минуты.

— Капитан Дельцин,— представляется среднего роста шатен с пронзительным взглядом.

— Капитан Ландсгербис,— называет себя стоящий справа от Дельцина блондин. Брюнет, стоящий слева, говорит:

— Джугашхурдия.

Глаза генерала Плухова теплеют.

— По чашечке кофе?— предлагает он.— Наверно, устали с дороги?

— Спасибо, не надо кофе. — Капитан Дельцин делает короткий отрицательный жест.— Товарищи мои действительно устали и не прочь немного отдохнуть, а мы с вами сейчас же приступаем к работе, генерал. Время торопит.

Генерал нажимает на кнопку. Входит прапорщик.

— Проводите людей в отведенные для отдыха помещения.

Ландсгербис, Джугашхурдия и прапорщик выходят.

— Хочу представить вам майора Степанчука. Он — мой первый заместитель.

— Да-да. Мне это известно. — Капитан поправляет галстук.— А что касается кофе, генерал, беру свои слова обратно.

— Присаживайтесь.— Плухов указывает капитану на кресло. Садится сам неподалеку от него. Исподтишка поглядывает на Дельцина.

«Шустер. Такому палец в рот не клади. Чувствуется железная хватка. Барабан знает, кого прислать. Ну и попрыгает у меня Степанчук».

Степанчук разливает кофе. Думает: «Расселся. Хорек московский. Еще кофе его пои. Ладно. Посмотрим еще чья возьмет... Стоп! А Плухову-то в Центре не доверя-яют...»

В течении получаса капитан Дельцин входит в курс дела, уточняя детали. Затем предлагает допросить Тульского.

...Аркаша, лежа на боку, часто моргает. За спиной у него, вдоль тела, помещается скомканная арматура.

— Снимали его с этой штуки еще в парке. Потом здесь,— поясняет Степанчук.— До половины она из зада выходит, дальше никак. Возвращается. Отбили гипс. Электросварку применить пока не решились. Попробуем после допроса.

— С позиции научного материализма,— отмечает

генерал,— здесь и на чугунолитейном заводе действуют одни и те же физические законы.

Капитан Дельцин неопределенно кивает.

— Приступайте, майор,— говорит Плухов.

— Что же вы, гражданин Тульский, на статую полезли?— начинает допрос Степанчук.— В диссиденты записались? Или как?

Аркаша моргает.

— Плохо вам разве раньше жилось?.. Такой симпатичный молодой человек. Подстрижены. Не носите бороды. По-моему, в свое время и в институте учились? И даже, кажется на пятом курсе, поисками Дяди всерьез занялись?.. Нашли?

Аркаша перестает моргать.

— Родители у вас хорошие люди. Честные труженики,— продолжает майор.— Отец погиб на производстве, у станка. До сих пор на доске почета висит. Мать — неглупая женщина. Работает уборщицей в Трегубовском гастрономе.

Глаза Аркаши наполняются влагой.

— Может быть, вас кто-то обидел? Или неправильно понял?.. Почему вы не отвечаете?

Майор склоняется над Аркашей. Дельцин смотрит на часы, это не ускользает от внимания Степанчука.

— Не хочешь, значит, с нами на чистоту? Тогда придется поговорить с тобой по-другому.

Он выходит и тут же возвращается с человеком, который накануне был прислонен к опоре под Парусами.

— Знаешь его?— Степанчук тычет пальцем в Аркашу.

— С ним вчера тот, которого фотографию вы мне показывали.

— Что «тот, которого»?

— Разговаривал. Ни с кем до этого словом не перемолвился. А этот болтун весь день по павильону ходил, как тот ему слово сказал, сразу ушел.

Степанчук оскаливается.

— Ты сказал «болтун». А о чем он болтал?

— Про Гавайи упоминал. Про Гонконг. А еще о китайцах говорил, об американцах,— рассказывает человек-опора,— и жалел, что Гитлера нет.

— Про Дядю упоминал?

— Да, упоминал... Советовал на нем верхом кататься.

Аркаша снова моргает.

— А вы не помните,— вступает в разговор капитан Дельцин,— в связи с чем он это советовал?

— Вот... тут...— мнется человек-опора.— Не то чтоб не помню, а шумно там, не все расслышишь.

— О чем он еще говорил?— задает вопрос Степанчук.

— Разное. Об актерах что-то, писателях, стихи читал, о блокаде вспоминал, ругал космос, о шахматах говорил, о «Спартаке»...

Плухов и Дельцин переглядываются. Пальцы генерала ломают сигарету. В глазах капитана зажигается огонек.

— ...о бабах... то есть, о женщинах говорил, по-иностранному тоже...

— С кем?— спрашивается Степанчук.— Долго говорил?

— Минуту, наверно. С очкариками какими-то.

— На иностранцев похожи?— спрашивает Дельцин.

— Похожи.

— О чем он говорил с тем,— вмешивается Плухов,— который на фотографии?

— О водке. О «Старорусской».

— А может быть, о старой России? Прежний режим восхвалял?

— Может быть. Но точно сказать не могу.

— Тот, с фотографии, что сказал этому?

— Дал какое-то указание. А потом, вечером, того милиция в вытрезвитель забрала.

Генерал оглядывает коллег.

— Есть еще вопросы?.. У вас, капитан?

Дельцин делает отрицательный жест.

— Ну,— говорит Степанчук «опоре»,— до семи отдохнешь и — на пост.

— Товарищ майор, не могу я столько. Голова болит. У столба все да у столба,— жалуется «опора».

— Ты за что зарплату получаешь?— одергивает жалобщика Степанчук. Человек-опора исчезает.

Майор склоняется к моргающему Тульскому, приподнимает за волосы голову. Тянет:

— Хоро-ошую маскировку выбрал на случай провала — алкаш-диссидент. Не-ет, вы-ышкой тут, милый, попахивает.

Аркаша пускает слюни.

— Что вы скажете, капитан? — обращается Плухов к Дельцину.

— Есть кое-какие соображения.

— Майор Степанчук, продолжайте допрос. Протокол занесете ко мне,— распоряжается генерал.

Степанчук распрямляется. Поскрипывает зубами.

...Обглядывая цыпляче крылышко, генерал выслушивает соображения капитана Дельцина. Московский гость говорит не спеша. Тщательно пережевывая шашлык.

— Итак, как видите, картина проясняется. Почерк проведения диверсии позволяет сделать вывод, что действует агентура ведущей западной империалистической державы, а именно Соединенных Штатов Америки.

— Бесспорно. Я пришел к такому же выводу.

Генерал облизывает кончик пальца.

— Диверсии организованы на высоком техническом уровне, с использованием половых извращений,— продолжает, разрезав мясо и откладывая в сторону нож, Дельцин.— Диапазон действий широк. Цели: подрыв экономики города и страны, нанесение ущерба здоровью трудящихся, а также разрушение моральных устоев советских граждан посредством ведения антисоветской пропаганды и воздействия порнографией.

— Разумно,— вставляет генерал.

— Вражеская организация имеет резидента в Москве, о чем говорит факт прибытия к вам самолета с необычным грузом на борту. Отдельные провалы указывают на широкий масштаб проводимой операции.

— Логично.

— Спрашивается, почему противник избрал объектом своей деятельности ваш город?

Генерал перестает есть.

— Ну, во-первых,— Дельцин берет нож,— это важный стратегический и крупный промышленный центр страны. Во-вторых, используя трудности местного значения, враг рассчитывает вызвать среди населения вашего города беспорядки, так как здесь уже наблюдались волнения.— Дельцин смотрит на генерала.— Ведь у вас были волнения?

Плухов достает платок, сморкается.

Звонит телефон. Генерал вытирает платком пальцы, берет трубку. Докладывают об установлении наблюдения за объектом. Энов в вытрезвителе. Спит. Генерал просит проявить максимум внимания и осторожности.

— Да, капитан,— говорит он Дельцину,— мы с вами были правы. Энов — птица высокого полета. Четвертый раз за полгода проделывает трюк с вытрезвителем.

Дожевав крылышко, генерал запивает его ананасовым соком.

— Слушаю вас, капитан, продолжайте.

— Сейчас главное — не спугнуть Энова. Через него мы нащупаем связи с другими городами страны и выйдем на Москву...

— Вот именно!— подхватывает Плухов.— А если поведем хитрую игру с резидентами, так выйдем и на западные центры. Узнаем, где у них производятся эти штуковины, закупим и ударим по их чугунолитейным заводам тем же оружием!

— Не будем так далеко заглядывать в будущее, генерал. Дел пока хватает у нас и сегодня.

Снова звонит телефон. Докладывают с чугунолитей-

ного. За ночь сделан отвод от центральной трубы. В ближайшие часы завод обещают пустить. Генерал сообщает об этом Дельцину.

— Прекрасно... Итак,— продолжает тот, дожевывая последний кусок шашлыка, — наблюдение за квартирой, вырезвитель и кафе установлено, спецхрана завода и других стратегически важных объектов усилена, в город с утра выйдут особые группы... А основную часть всей операции я беру на себя.

Плухов согласно кивает.

— Генерал. — Дельцин кладет вилку на серебряный поднос. — У вас есть салфетки?

3

Раннее пасмурное утро. Дождь. Эныч и Кувякин выходят из ворот вырезвителя. По асфальту бегут грязные струйки воды. Эныч без пиджака. Холодные капли попадают за воротник. Съездившийся Коля, отстав от Эныча на полшага, пошмыгивает носом.

— Да, Эныч, дали мы вчера с тобой маху. Надо было последний пузырь у себя во дворе шлепнуть. Что ни говори, а родные стены всегда вытащат. А ведь говорил я себе: «Пора уходить, Коля...»

Мутные струйки собираются в лужи, которых приятели не замечают. Изредка Энычу и Коле попадаются навстречу зонты и сумрачные лица прохожих.

— Ну так что будем делать, Эныч?— спрашивает Коля.— Надо чего-то думать...

— Думаю,— отвечает не оборачиваясь Эныч.

Коля хмыкает, углубляясь в свои невеселые мысли. Через минуту спрашивает:

— Ну как? Что придумал?

Грузно ступая, Эныч продолжает свой путь.

— Трупы мыть будешь?— предлагает он.

— Там все забито. Туда к четырем утра подходить надо.

— Тогда разгрузим вагон с цементом.

— Да ты что, Эныч. Сдохнем.

— Тогда не знаю,— говорит Эныч.— Думай сам.

— Да...— Коля поднимает воротник своего пиджака.— Задача. Я, конечно, могу зайти к Володьке-солдату, но он мне не даст. Прижимистый он. Вот если бы кто-нибудь другой попросил... Например, ты.— Коля останавливается.— Слушай, Эныч, а это идея!

Эныч продолжает идти. Коля разочарованно смотрит ему в спину.

— Ну, может, тогда...

— К солдату идем,— отчеканивает Эн Энович.

Довольный Коля, идя вслед за другом, инструктирует того.

— Солдат обычно у гаражей околачивается,— объясняет Коля.— А денег у него больше чем у Рокфеллера или даже Светки из винного. Ты, Эныч, у него пятерку стрельни. Нет, даже червонец. Да, лучше червонец — для начала большого пути.

— А отдавать кто будет?— спрашивает Эн Энович.

У Коли развязывается шнурок на ботинке. Поравнявшись спустя минуту с товарищем, он отвечает:

— Не бойсь, Эныч. Я с автобазы шланг экспроприрую. Володьке-солдату он для перевозки мебели нужен. Так что под шланг и занимай. Солдат тебя уважает.

...Володьки возле гаражей нет. Приятелям подсказывают, что он торгует лосьоном и «тройным» на вокзале. Окрыленные надеждой на успех, друзья отправляются по указанному адресу.

На вокзале, переступая через тела отдыхающих-ожидающих, они продвигаются в направлении заколоченного буфета. Однако солдата-спасителя на рабочем месте не оказывается. Коля и Эныч стоят потерянные.

Неожиданно перед ними возникает немой. Мычит, отзывает за буфет. В проеме между обшарпанной сырой стенкой и досками буфета немой достает из кармана несколько самодельных перелистных календариков. Все они умещаются на ладони Эна Эновича. Коля с ленцой разглядывает фотографии усатого вождя-грузина в маршальском кителе, мальчиков и девочек, писающих неподалеку от какой-то раскоряченной башни, и ангела, стреляющего в испуганную даму со сладострастным лицом.

Немой мычит, трясет вертикальным пальцем.

— Тебе что, рубль нужен?— тупо глядя то на календарики, то на него, спрашивает Эныч.

Немой забирает товар, прячет, принимается усиленно жестикулировать. Лицо его обретает многозначительное выражение. Затем он поднимает большой палец к самому Колиному носу, и в руках у Кувякина оказывается календарик покрупнее. Большой палец сменяется тремя рядовыми. Коля неохотно переворачивает странички с голыми расплывшимися девицами. Продолжая мычать, торговец перемещает три пальца к глазам Эна Эновича, у которого по скулам начинают гулять желваки.

— Чего размычался? МДАЗВОН,— прерывает Эныч гримасничанье.

— Давай, парень, дуй отсюда,— говорит Коля.

Немой выхватывает календарик и покидает проем. Его несостоявшиеся покупатели выходят следом. Коля предлагает поискать солдата на перроне.

По залу тем временем разливается трель колокольчиков. Отдыхающие отрывают от пола сонные головы, ворочают ими, прислушиваются к непонятным веселым звукам. Женщина с грудным ребенком, сидящая на узлах у выкрашенной под мрамор колонны, окликает топящегося к выходу негомо:

— Мужчина! Эй, мужчина, вы обронили что-то!

— Пошла ты!..— огрызается немой. Выбегает из зала, утягивая с собой волшебные звуки.

Орет проснувшийся младенец. Кто-то поблизости заходится кашлем. В центре зала что-то громко падает. Головы отдыхающих возвращаются на места.

Эн Энович и Коля стоят на перроне. Володьки-солдата здесь тоже не видно. Удаляется хвост пассажирского поезда. Мимо приятелей проходит носильщик, толкая пустую тележку. Останавливается рядом с ними, шутит:

— Что, мужики, от поезда отстали? Ну, бабы ваши вам теперь дадут! Правда, не скоро.

— Тебе хорошо смеяться,— вяло откликается Коля.— Вон румяный какой, наверно стакана два принял. Уж если ты такой доброхот, то помог бы людям здоровье поправить. Нам и лекарства всего-то по сто грамм...

— Может быть, вас к гастроному подвезти? Тележка свободна.

— Не до шуток, отец,— устало говорит Коля.

— Ребята, вы местные?— К носильщику, Коле и Энычу подходит парень лет тридцати, в помятых брюках, небритый, с матерчатым чемоданом.

— Ладно, папаша, чего стал, толкай свою тележку,— отправляет Коля носильщика. Поворачивается к подошедшему:— Конечно, местные. А что ты хотел?

— Да понимаешь, кореш, только что с поезда сошел, ничего не знаю, голова трещит... Где, что... Сейчас бы бутылек...

— Да это, земля,— оживляется Коля,— как два пальца. Было б на что.

— Оставалась где-то синяя...

Поставив чемодан, парень шарит по карманам. Глаза его красны, лицо болезненно кривится. Коля заинтересованно наблюдает за действиями «земели». Эныч посапывает.

— Вот,— парень наконец извлекает из заднего кармана брюк скомканную бумажку.— Последняя пока пятерка. В дороге картишками баловался. Поначалу фартило, а к утру все спустил.

— Бывает,— сочувствует Коля, хлопая его по плечу.— Деньги — сор. Ну ладно, пошли. Сейчас пузырь построим.

Коля ведет Эныча и нового знакомого вдоль перрона.

— Так быстрее к магазину выйдем,— поясняет он.— А у нас, земля, тоже своя история. Нас вчера в вытрезвяк загребли. Только что оттуда. С Эныча там пиджак сняли, сволочи, а у меня пятьдесят родных увели.

— Пятьдесят родных у тебя в прошлый раз сперли,— уточняет Эныч.

— Ах, да,— спохватывается Коля.— В этот раз семьдесят с небольшим. И часы «Полет».

— Мусоров терпеть не могу,— заявляет «земля».— Всю жизнь мне поломали, гады.

В носы путешественникам ударяет зловоние. Они подходят к небольшому желтому зданию общественного туалета. У входа под буквой «М» переминается с ноги на ногу тощий старик.

— Сынки!— окликает он компанию.— Сынки-и! Вы не сюда? Сюда не ходите! Тут грабуют и убивают!

Эныч в задумчивости останавливается. Чешет спину.

— Совсем забыл. По-большому хочется.

— Да и меня подпирает,— солидаризуется с Энычем «земля».— В поезде не успел.

— Тогда и я по-маленькому,— подхватывает Коля. Приятели заходят в уборную. Старик спешит за ними. Приговаривает:

— Ой, как хорошо. А то я один боялся. Тут и деньги отбирают и убивают.

— А много у тебя денег, старик?— спрашивает Коля, приступая к своему делу.— Миллион будет?

— Ох, сынок,— старик перебирается к дальнему писсуару.— Откуда?.. Вам бы все шутки...

— Так чего ж ты боишься?— Коля заканчивает процедуру. Читает надписи на стене.

Эн Энович чинно восседает над эмалированной дырой. Рядом с ним побряхтывает «земеля».

— Тебя как звать-то?— спрашивает Эн Энович.

— Геной.

— Меня Энычем.

— А меня Николаем,— говорит Коля. Идет вдоль стены, находя и читая новые надписи.

— Что?— спрашивает Гена.— Интересно пишут?

— А, дядня на постном масле! Воды много.

— А вот в лагере, где я был,— вспоминает Гена,— с душой сортиры расписывали. Прямо Третьяковская галерея. Тебе, Николай, оттуда и выходить не захотелось бы.

Из угла выбирается старикашка.

— Ой, и шутники вы, ребятки. Весело с вами. Сразу видно, порядочные люди. Я тоже посмеяться люблю. Да кто не любит! Шутка жить помогает.

С шумом срабатывает автоматический спуск воды. Гена успевает выпрыгнуть со своего места. Эныч продолжает сидеть — по колено в пенящейся воде.

— Ох ты, Дядя, беда-то какая!— всплескивает руками старик.— Чуть не по пояс намок. А брюки, так все насквозь. Хорошо, хоть рубашку повыше задрал. Вот она, техника. Совсем Дядю забыли. Что ж теперь делать-то будешь?

Глаза Эныча наливаются кровью.

— Убью,— говорит он тяжелым голосом.— Пошел в ДЗУ отсюда.

Часто перебирая тощими ножками, старик покидает уборную. Эныч встает, застегивает штаны.

— Ничего, Эныч,— говорит Коля.— Не беда. Все равно дождик... Гена, ты по какой статье тянул?

— Да по двести шестой. Часть вторая.

— А-а, хулиганка, знакомое дело. Всех гребут за одно и то же. Сколько отбухал?

Гена поднимает с цементного пола свой чемодан.

— Трояк отмотал.

Компания выходит на улицу.

— Я напрямик оттуда,— рассказывает Гена.— Ехал нормально, всю дорогу проводницу трахал, как полагается. Потом черт дернул за сику сесть, а эта шантрапа мухлевала. В лагере за такое на месте опустили бы. А тут что скажешь? С поезда выкинут на ходу. Да и не прекратишь. Вот и продул полку-ска... Ладно. Дядек с ними. Как пришли, так и ушли.

— А сюда чего занесло?— интересуется Коля.

— Кореш дал адрес одной бабы. Побуду у ней чуток, оклемаюсь и — в родные края.

В глазах у Гены вспыхивает искорка. Гаснет. Он крепче сжимает ручку чемодана.

Дождь прекратился. Светлеет небо. Несмело проклевывается солнце. Эныч, Коля и Гена пересекают привокзальную площадь. В центре площади, у розового памятника основателю государства, собрался народ. До приятелей долетают отчаянные женские крики. Свистит милиционер.

— Что там могло произойти?— говорит Гена.

— А-а!.. Какая разница,— отмахивается Коля.— Там всегда что-нибудь происходит. Подрался кто-то. Пошли скорее. Труба трубит.

Коля выходит из магазина. Карман его оттопырен.

— Звереет Светка,— говорит он.— Еле выпросил. Пришлось два рубля добавлять. Уперлась, и все тут. Семь, говорит, и точка. Что ж, думаю, надо выручать парня.

— Ну, ведите. Вам виднее, где лучше вмазать.

Гена посматривает на Колю, на Эныча, ждет решения. К магазину приближаются Семен и Михеич.

— Здорово, ребята!.. Привет, мальчишки! Как жизнь?— говорят они. У Семена на щеке синяк. У Михеича — сверток под мышкой.

— Нормально,— отвечает Коля, прищуривается.—

Что, тоже за горючим? А ну-ка, друзья, гоните вчерашний должок!

— Мы просто мимо проходили. У нас и денег-то нет. Завтра будут, завтра отдам,— уверяет Кувякина Семен.— Подходи утром к Прудам, и пивом напою и, конечно, долг отдам.

— Ишь ты, стихами заговорил, поет Бедный. Вот видишь человека?— Коля указывает на Гену.— Только что с зоны. За убийство сидел. Смотри.

— Ну что ты, Коля, понимаешь ли. Все, конечно, будет как надо. Лучше послушайте, ребята, как я вас сейчас рассмешу.— Семен дарит Гене заячью улыбку.— Вчера, как мы с вами, понимаете ли, расстались, Михеич меня на работу к себе сблатовал. Там мы, конечно, бутыль стянули из химлаборатории. Написано — спирт. А там — черт его знает... Ну вот, а Михеич, понимаете ли, подзывает дядька одного, дружка своего лучшего, с которым вместе двадцать лет пропахал, Леонтьича. Наливает ему, конечно... Помнишь, говорит, за мной должок? Глотни-ка спиртяшки медицинской. Тот и рад. Целый стакан залудил. Шары на лоб полезли. И все нормально. Живой. Тогда и мы присосались. Весь день пили и всю ночь. Бутыль — трехлитровая...

Михеич подталкивает Семена. Говорит недовольным тоном:

— Ты и сейчас не протрезвел еще. Ерунду всякую порешь. Кому это интересно, Сема? У людей свои дела. Не задерживай мужичков. Пойдем-пойдем.

— А что?— говорит, дружелюбно посматривая на Семена, Гена.— Вот в лагере тоже был случай. Я там одно время на лесоповале работал. Подоили мы как-то пару бензопил «Дружба», вытопили из бензина ядерный первач, а пить боимся. Подзываем мы тогда пса, которого к Первомаю откармливали, и вливаем ему грамм пятьдесят. Смотрим: живой. Как и ваш Леонтьич. Бегает. Тут мы все и навалились на первачок. А пес, падло, возьми и ляг, да язык набок. Мы — в

санчасть. Нас там наизнанку повыворачивали. — Гена закатывает глаза. — А потом в карцер еще на десять сухарей упекли. Выходим — пес тут как тут. Жив-здоров. Ласкается, стерва, еще просит. Ну, мы потом этот изобретенный первач всем лагерем пили. Хлестали где только можно. «Свободой до срока» назвали.

— А пса-то съели?— интересуется Коля.— Ничего закуска?

— А как же?! Не татары ведь. Отметили праздник, как все порядочные.

— Говорят, от собачатины — стоит замечательно, — похлопывает Михеича по пояснице Семен. Берет за локоть.— Михеич под утро вырубился, а я отлучился на пару часиков... ты уж, понимаешь ли, не обижайся, старина... На хату к Вальке-многостаночнице слинял. Ее муж в ночную... Сначала все нормально шло, но после третьей торпедной атаки заявляется ее друг-муженек. Гляжу, драться лезет. Ну я ему тут, конечно, с правой поначалу в челюсть, потом левое ухо попортил, а потом и вообще с балкона выбросил. Валька, конечно, кайф ловит, в ладошки хлопает. Ну, пока он там внизу колупался, я ее еще и по-африкански попробовал. Это вот каким макаром: заводишь свой парусник к ней в лагуну, хватаешь, чтоб не штормило, ее за уши и крутишь их, пока не почернеют. Вот так, мои юнгарики. Бабы ведь люд такой — по одежке встречает, по дядьку провожает. Сегодня тоже звала, муж снова в ночную.

Надувшийся Михеич высвобождает локоть.

— А я зато новенький кик-стартер достал. — Он разворачивает сверток, показывая промасленную деталь.— Солдат выручил...

— У тебя ж машины нет. Зачем тебе кик-стартер?— удивляется Коля.

— Отличная деталь. Дефицит,— продолжает Михеич, не слушая Колю.— Ты глянь, как шлицы нанесли. Такая не скоро сотрется... Черные за такую вещь в пять раз переплачивают.

Михеич подступает с деталью к Энычу.

— Как? Нравится?

— **ОТБИБИСЬ** ты со своей деталью,— говорит Эныч.

— Мальчики, до свидания,— суетится Михеич. Осматривается.— Сема, обожди меня вот тут, возле арочки. Я быстро.

Михеич, поглаживая деталь, скрывается за углом магазина.

— Куда тронем? В «гадюшник»?— спрашивает Коля.

— Там учет уже неделю,— бурчит Эныч.

— Тогда под Паруса,— предлагает Коля.

— Туда не хочу.

Коля задумывается.

— Идем к «муравейнику»,— решает Эн Энович.— Я чую, там тихо.

Бензоколонка живет своей обычной жизнью. Сочно гудят броневики-«Запорожцы», деловито переговариваются «Волги» и «Москвичи», нетерпеливо сигналият работники-бетономешалки, тонким голосом напоминает о себе богатырь КРАЗ. Узкогрудый водитель рейсового автобуса борется за обладание шлангом-пистолетом с приземистым владельцем старенького самосвала. Воздух напоен испарениями бензина и масел, крепкой руганью. Наполовину высунувшаяся из окошечка огненноволосая «королева бензоколонки» размахивает веснушчатými руками, в которые выстроившиеся в очередь частники суют блестящие рубли — чтобы заправиться побыстрее, без очереди. Время от времени бензоколоночный шум перекрывается гулом низко пролетающих тяжелых бомбардировщиков.

В пятнадцати метрах от покосившегося здания с надписями «Не курить» и «Огнеопасно» из промасленной щебенки произрастают три бурых куста. Средний

украшен изрезанной автопокрышкой. За кустами зеленеет металлическая сетка забора. Сквозь сетку просовываются розовые кончики пальцев. Здесь находится детский садик. У кустов, вдоль решетки, расположились и занимаются привычным делом завсегда и «муравейника».

Коля утирает рукавом рот.

— Хорошо, но мало,— говорит он, с завистью поглядывая на распивающую рядом компанию. Компания состоит из трех авиамехаников, лакомящихся наливаемой из десятилитровой канистры тормозной жидкостью.

— Ну, давай еще по стаканчику, и за работу, растуды ее в качель...— сипит заросший до самых глаз баками сутуловатый механик.

— Нельзя больше. На армарт-стойку не хватит,— приподнимает канистру и потряхивает ею чумазый блондин.

— Ни дядька,— сипят баки.— Хватит.

— Воды дольем,— поддерживает сиплого третий, маленький, совсем пьяный.

Коля с трудом отрывает взгляд от переливающейся всеми цветами радуги жидкости. Сглатывает слюну, говорит Эну Эновичу и Гене:

— Я зимой с базы тоже антифриз литрами таскал. Помнишь, я тебя угощал, Эныч?

— Не помню.

— Хорошее здесь место,— переключается на другую тему Коля.— Удобное. И ребенка в детсад забросишь и заправишься. Согласен, Ген?

Гена кивает. Держа руки в карманах, обозревает новую для себя местность.

— Недядьковое местечко.

Нарастает рев самолета.

— Крепче стакан держи,— предупреждает товарища механик с баками.— Сейчас звуковой барьер переходить будет.

На мгновение «муравейник» накрывает тень. Распивающие автоматически втягивают головы в плечи. За

решеткой, в детском садике,— ожидание. Дети прыгают, машут панамками, совками и лопатками.

— Низко летает,— отмечает Коля.— Чуть обелиск не зацепил.— Коля указывает на гигантскую стелу, выглядывающую из-за бензоколонки. Стелу венчают серп и молот.

— Детишкам — радость,— говорит Гена.— Гляди, какие карапузики, Эныч.

— Да,— соглашается похлопывающий ладонью по заложенному уху Эныч.

— Шустрые спиногрызики,— поддерживает приятелей Коля. Снова косится в сторону тормозной жидкости.

На сетке ограды детского сада висит в жухло-коричневом пиджаке пьяно раскачивающийся мужичок. Лыконевяжущим почмокивающим языком поучает детишек:

— Ну-ка... вот ты, пострел... Ответь-ка... Кто такая усатая, ык... полосатая... и мяучит...

— Кошка!— живо откликается чей-то голосок.

— Ко-ошь-ка,— передразнивает мужичок.— Не-е-ет, хе-хе-хе... не кошьяка,— похехекивает он довольно и неожиданно громко, как из пушки, выпаливает: — А дядьков тебе лукошко!..

На секунду весь «муравейник» поворачивает головы, затем опять принимается за свои дела.

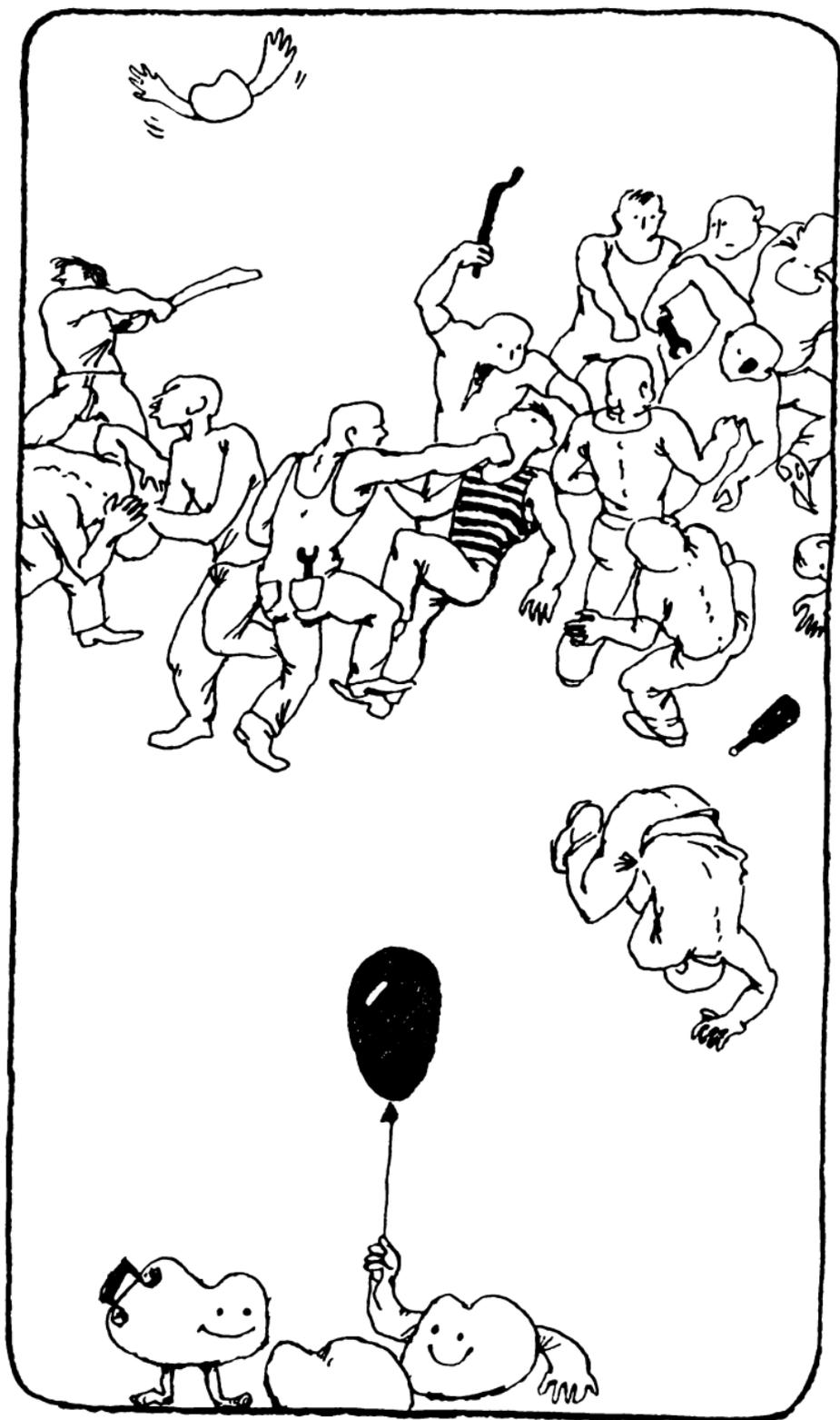
— А вот ты, кнопка, ну-ка скажи,— мажет мужичок носом по сетке. — Кто у нас черная...ык... летает и каркает, ык... Ну?..

— Ворона,— звучит картавый девичий голосок.

— Вар-рро-о-она... хар-хар... Пра-авильно. Получи дядьком вареным!

Мужичок широко улыбается, закрывает глаза и застывает на сетке.

— Дяденька, дяденька,— тычет рукояткой лопатки в колено задремавшего «преподавателя» русского языка и литературы мальчик в аккуратно выглаженном костюмчике и очках.

— Че?..— мыкает не открывая глаз тот.

— Дядек тебе через плечо!— торжественно заявляет мальчик.

— Че-е-е?!.— приоткрывает глаза мужичок.

— Дядек через плечо!— повторяет мальчик.

— ...А кончик вам в ухо,— картавя добавляет девочка.— Для проверки слуха!

Веселым хохотом гремит «муравейник». Ребятишки кидают в засеткоячеевшегoся учителя словесности лопатки, ведерки, совки.

Поддев ногой перелетевшую через забор детскую лопатку, Эн Энович добродушно замечает:

— Ишь, расшалились ШОПКИ с ручками. Молодцы. Поделом этого БОЛДОБЕЛА протянули.

Забутый всеми мужичок-жухлопиджачник, глухо бьется в развенчанном иступлении о сетку лбом.

У бензоколонки тем временем разгорелось побоище. Побросав автомашины, жаждущие бензина водители рассредоточились по территории заправочной станции; в воздухе мелькают кулаки, гаечные ключи и монтировки. Под надписью «Не курить» пожилой толстяк с кустистыми бровями оседлал худенького обладателя КРАЗа. В кузове самосвала водитель рейсового автобуса отбивается от дружной когорты бетономешальщиков. Рубаха на автобуснике разорвана в клочья, тельняшка на его узкой груди запачкана кровью из разбитого носа. Шофер с телосложением Портоса, хозяин вороной «Волги», защищает своего скакуна от нападающих «гвардейцев» с гаечными ключами. Королева, случайно задетая монтировкой, безжизненно свешивается из окошка своих покоев. Падают на щебенку рубли-луидоры. Подолом платья покрыты золотистые локоны. Упитанный зад королевы, обтянутый бледно-голубыми панталонами, удерживает ее от падения, застряв в окошке. Поблескивающий стеклами очков низенький гражданин с ушами, лежащими на падуших плечах, беспокойно оглядываясь, заправляет свой «Запорожец».

Распивающие с интересом наблюдают за происходящим. Делятся впечатлениями. Коля толкает Эныча, Гену.

— Красиво работают. По-нашему, по-шоферски.

Гена, однако, смотрит в противоположную сторону. Его глаза округлены.

Драка стихает. Участники зализывают раны. Наблюдатели возвращаются к прерванному занятию.

— Коля, привет! И компании тоже.

Перед друзьями возникает Колин знакомый, таксист Иван. Иван крепок. Одет он в белую тенниску. На квадратной голове прикутилась форменная фуражка. В волосатой руке — наполовину опорожненная четвертинка.

— Здорово, Иван!— приветствует его Коля.— Опять один пьешь?

— Привычка.— Иван вынимает бумажную затычку, делает глоток, вставляет затычку.— Работа такая.

— Володьку-солдата не видел?— спрашивает Коля.

— В Афганистане твой солдат,— шутит Иван.

— Ты все такой же веселый, Ваня. Что у тебя новенького?

— А чего мне грустить?— Иван опять освобождает горлышко чекушки, прикладывается. Коля, вздохнув, отворачивается. Видит на месте авиамехаников новые лица. Смотрит в сторону детской площадки. По ней разбросаны лопатки, совки, мячики и какие-то предметы, напоминающие ночные горшки.

— Уползли спиногрызы-то,— произносит Коля рассеянно.— Закусывать, наверно, отправились.

Гена, глядящий туда же, потирает висок. Говорит хрипловатым голосом:

— Игрушки свои раскидали. Странные они у них какие-то...

Иван, делая очередной маленький глоток, направляет глазки за изгородь. Причмокивает.

— Поди иностранные. Балует мы пацанов. А выра-

стут — дармоедами станут. В наше время не до игрушек было. Пожрать бы. Трусы по очереди носили. А этих — одеваем, кормим три раза в день.

Иван допивает, кладет пустую посудинку в мешок на худых, сухоньких ножках, ковыляющий мимо приятелей.

— Держи, Лукерья. Знай Ивана-таксиста!

Благодарно побряхтывая, мешок продолжает свой путь. Один из тех, кто заменил механиков, награждает Лукерью бутылкой из-под вина.

— Принимай, мать, бомбу.

Мешок оседает. Блеет.

— Полегчало немного,— говорит, умывая вспотевшей ладонью лицо, Гена.— Еще бы не мешало добавить.

Коля подмигивает Эну Эновичу.

— Может, бабу твою раскрутим, Ген? Она такому гостю рада будет. Правда, Эныч?

— Правда.

Коля заправляет выбившуюся из брюк рубашку. Гена в раздумчивости постукивает ногой по чемодану.

— Как же. Дождетесь вы от бабы,— презрительно выпячивает губу Иван.— Бабы вообще не люди. Я их хорошо изучил. С ними вот как настоящие мужики поступают... Едешь после двенадцати ночи и видишь: стоят возле ресторанов, кафе, баров, нюни распустили. Их мужики пригласили, напоили, в ближайшем подъезде отходили и выкинули. Вот теперь стоят эти кляры и подвезти просят. Тут делай с ними что хочешь. И так, и эдак счетчик оплатят... Вот в прошлом году к нам в город на гастроли Клещенко приезжал. Такая знаменитость! Каждый день по стране гремит в телевизоре. И что же? Садится ко мне в такси. Я — в транссе. Такой простой парень! Шутит. Смеется. Даже звуки подпольные издает, не стесняется. Совсем как обыкновенный человек. Мы на Большой Коммунистической, у Святого Мартына, модную бабцу подобрали. Вот уж он с ней на заднем сиденье позабавился! Я чуть мили-

цейский скворечник не снес — все от зеркала оторваться не мог. Она у него на дядьке, как на флейте играла. Потом возле филармонии он выходит. До свидания, говорит. Я ему: «Пока, Леша!» А девку везу в таксопарк. Пустил ее там по этому музыкальному делопроизводству и собрал потом с ребят по рублю.

— Вот это да!— восклицает Коля.— Живут же люди.

— Мы Клещенко в лагере по праздникам слушали,— говорит Гена.— Хорошо поет, дядек толстозадый... Ф-фу. Жарко!

Гена снимает пиджак, остается в рубашке с короткими рукавами. На руке у него пониже локтя синее витиеватая татуировка.

— Там наколол?— спрашивает Иван.

— Там. — Гена сворачивает пиджак, кладет на чемодан.— Это что. В лагерях и не тем балуются. Ушки вставляют, спутники.

— Это еще что за звери,— хмыкает Иван.— Кому их вставляют?

— Тому, кто захочет,— поясняет Гена.— Оттягивается шкурка на его хозяйстве и зубилом или отверткой прорубают щель, а в эту щель шарики от подшипника загоняют. Получаются ушки. А если усложнить технологию, то можно спутник туда запустить. Он будет, когда нужно, вращаться. От спутника бабы сразу улетают.

— До чего только эти долбаки не додумаются! Молодежь, конечно. — Иван запускает пальцы в нагрудный карман, ищет что-то.— На баб как чумовые лезут, а на БАМ не загонишь... Погодьте маленько, сигарету стрельну. Папиросы в машине оставил...

Иван обращается к соседям.

— Сигарету?— переспрашивает пожилой коренастый мужчина в летней шляпе, добротном шерстяном пиджаке и мятых брюках отличного от пиджака цвета. Грудь мужчины украшена различными юбилейными медалями, покосившейся планкой и несколькими значками.— Держи.

Но сигарету мужчина отдавать не спешит.

— На каком фронте бил немцев?— окидывает Ивана оценивающим взглядом.

— Да я с сорок пятого года рождения,— неуверенно отвечает Иван.

— Ровесник Победы!— мужчина хлопает таксиста по плечу.— В армии был? В каких войсках?

— Не довелось. — Иван тянется за сигаретой.

— Нет, посто-ой!— убирает руку с сигаретой мужчина.— Не служил, говоришь? Так что ж ты за дядек за такой? Что ж ты тогда в жизни видел?

— В самом деле, что ж это за человек?.. Даже в армии не служил... Ты видел таких когда-нибудь?.. Пустой человек... Никчемный... С таким и не выпьешь... И в разведку не пойдешь,— переговариваются собутельники «медалиста».

Иван растерян. Снимает фуражку, вытирает платком мокрую лысину. Оглядывается в поисках поддержки.

— Ничего, сынок. Вижу, что переживаешь,— ободряет Ивана орденосец.— Не бойся, твое впереди. Слышал я краем уха, что ты в Афганистан собираешься. Добровольцем. Святое дело... Так что не наседай, Бочаров, на защитника Родины,— обращается он к одному из собутельников.— Тебя самого из армии по кошиловке комиссовали... А я... Я, парень,— возвращается он к Ивану, приближает сигарету,— на пяти войнах жизнь отдавал. Когда финны, японцы, немцы, китайцы, корейцы на нас навалились... Жаль, гражданскую не захватил. Об этом только жалею. — Он опять хлопает Ивана по плечу.— Сейчас я, парень, начальником охраны на пивзаводе имени Ильича воюю. Это, считай, шестая моя война. Легко, думаешь, расхитителей к ногтю прижать? Погляди-ка на этих голубчиков. — Орденосец указывает на заворочавшихся компаньонов.— Они у меня в охране работают. Сторожами. Каждый Дядин день пиво таскают. Ящиками. Нажрутса, набалаболятса про высшие материи и спят сут-

ками на посту, душа у них не болит за дело... Для чего, думаешь, воюю? Чтобы мир сохранить. Хорошо, что скоро Олимпиада. Мы, как только добудем олимпийский огонь, начнем жечь им врагов. А врагов у нас, парень, много. Одни враги кругом. Картеры бряцают. Китайцы не угомонятся. Никак мы их не накормим. И так далее, парень.

Орденосец вставляет изрядно помятую сигарету в рот, прикуривает. Пускает дым в вытянувшееся лицо Ивана. Распалается:

— Мы чего хотим? Не брать чужого. Больше нам ничего не надо. Но нашего не трожь. А тронешь — уьем. В порошок сотрем... Так я говорю, Бондаренко? Верно, Бочаров?

Бочаров и Бондаренко согласно кивают, достают следующую бутылку. Иван осторожно пятится.

— Нет, парень, ты погоди! Ты чего хотел?

Ивана окликает Коля:

— Чего ты там застрял, Ваня? Послушай, тут Генка про лагерь рассказывает.

— А ты, сопляк, молчи!— пресекает Колю орденосец.— Такие, как ты, Родину за трояк продают.

Он наступает на Колю. Задевает Эныча.

— Ты, парень, не нюхал пороха. А я...

— Головка ты от ДЯДЬКА,— говорит Эныч.

Орденосец куда-то пропадает. Бочаров и Бондаренко растеряно крутят головами. Потом пожимают плечами и пьют. Гена икает. Иван надевает фуражку и отправляется просить сигарету у другой компании. Коля обращается к икающему Гене:

— Ну что? Решил? Пойдем к твоей бабе?

— К бабе-то?— переспрашивает Гена.

— Ну да. Ты у нее денег попросишь.

— А-а,— говорит Гена.— Ну да. Ик. Денег.

Возвращается, дымя сигаретой, Иван.

— Дерьмовый народ пошел. Сигарету не выпросишь. Прямо негры какие-то. Был я в столице в позапрошлом году. Там эти обезьяны по улицам так и

шастают. Подошел к одному. Дай, говорю, закурить. Он сосет свою заграничную сигаретину, башкой черномазой вертит. Вроде не понимает. Губищи развесил. Так и хочется врезать. А нельзя. А москвичи мне рассказывали, что эти самые негритосы чемоданами отравленную жвачку привозят и ночами по всей Москве разбрасывают. А мы после этого СПИДом бодем. А в гостиницах для них, для негритосов тех же, наши смачные молодые телки проститутками пашут. Они под видом ДНД туда идут. Обезьяны с ними валютой расплачиваются, а у телок ее администрация забирает. Вот так-то.

Иван с удовольствием затягивается, пускает кольца.

— Ну,— говорит Эн Энович, разглядывая рванный носок,— пить будем?

Толкает Гену.

— Кончай икать-то.

— Да, Генка. Бабца-то твоя, видать, заждалась. Места себе не находит,— улыбается Коля.— Рванули, что ли?

— Рванули.

Гена берет пиджак, чемодан. Коля подтягивает штаны. Эныч пошевеливает торчащим из носка большим пальцем. Иван отбрасывает окурок.

— А ты куда?— спрашивает Коля.— С нами, что ли, собрался? Тогда пятерку готовь.

— Да нет. Я так. Провожу вас маленько. Мне по пути.

Все четверо направляются в сторону автозаправочной станции. Проходя мимо беседующих Бочарова и Бондаренко, слышат:

— Сами виноваты. Работать не хотим... А вот почему, как ты думаешь, Дядя послал на головы своего народа-дяденосца, масонов?.. Вот то-то и вопрос... Покумекать тут крепко надо... А начальник-то наш что-то опять подметил. В первый отдел сигналить побежал. Не допил даже... Глядишь, очередную юбилейку заслужит...

Приятеля подходят к опустевшей бензоколонке. Окошко закрыто. На нем табличка «Бензина нет». Скучают заправочные автоматы. Посредине станции сиротливо сереет «Запорожец» с разбитой фарой и продавленной крышей. Возле капота, раскинув уши, лежит на спине человек. В его белеющем кулачке зажат шланг-пистолет. Глаза устремлены в небо. Ноги и зад поверженного «бойца» покоятся в бензиновой луже.

Компания перешагивает через тело.

— Красиво лежит,— констатирует Коля.

Под плетенкой Эныча что-то хрустит. Идущий следом Гена поддевает ногой раздавленные очки.

— Прямо Болконский на сопках Маньчжурии.

— Я до такси на скорой помощи работал,— рассказывает Иван.— Забавные бывали истории. Однажды, например, когда меня за пьянку в санитары на две недели перевели, гнали мы по улице Коллонтай... Зацепили крылом одного чудака, а тот и улетел прямо под трамвай. Тут же его пополам перерезало. И вот что значит пьяный! Даже сознание не потерял. Мы его на носилки и в машину. Везем. А положили смешно: задница с физиономией вместе кверху оказались. Всю дорогу балдели. И он вместе с нами. В больнице его принимать отказались. Везите, говорят, в морг. Он такое дело услышал, вздохнул, попрощался с нами, спасибо сказал за заботу и, само собой, Дяде душу отдал.

Приятеля смеются. Потом Коля просит развеселившегося Ивана:

— Ты бы нас подкинул до места, Ваня. Делов-то...

Иван утирает выступившие от смеха слезы.

— Не выйдет, Коля. По вызову спешу.

— Так, может, нам по пути...

— Да нет,— говорит Иван.— Мне еще заправляться надо. Здесь, видишь, поилку закрыли.

Иван сворачивает в сторону.

— Жмот тупой,— бросает вслед ему Коля.— Штатбель из ДСП. Настоящий хохол!.. Ген, а где твоя сузженная окопалась? Куда нам двигать?

— Она в кинотеатре работает. Кассиршей.

— В каком?

— «Партизан».

— Это нам на шестом трамвае ехать,— ориентируется Коля. Налетает на вдруг остановившегося Геннадия. Коля обходит его, прослеживая за взглядом приятеля.

— А-а. Это... Она тут давно стоит. Чего это ты там интересного увидел? Дядек что ли?

У Гены подергивается щека.

На верхушке десятиметровой гранитной стелы вместо серпа и молота алеет огромная покатая шишка. На ней размещены сверкающие под разгулявшимися солнечными лучами значки и медали.

— Погодите-ка, ребята...— говорит Гена.— Десять минут назад здесь было что-то другое...

— Кончай ты ерундой заниматься!— дергает Гену за локоть Коля.— Будешь теперь перед каждой хреновиной останавливаться! Так и не дойдем никогда!

Впереди, шагах уже в двадцати, движется, удаляясь, широкая спина Эна Эновича.

Нарастает новая звуковая волна. «Муравейник» накрывает тень тяжелого бомбардировщика. Далеко ушедшие друзья не могут наблюдать, как в детском садике подпрыгивают на невидимых пружинах и весело и звонко перекликаются напоминающие ночные горшки непонятные предметы.

4

Плотно зашторены окна. Мягко шелестят кондиционеры. Посредине комнаты — просторный дубовый стол. На столе — кипы бумаг, многочисленные ряды папок, развернутая карта города с фломастерными пометками — стрелками,

кружками, крестиками. Одна из стен представляет собой многократно увеличенный дубликат лежащей на столе карты, только без стрелок и крестиков, а с помигивающими на разные лады красными лампочками. Потрескивает пульт управления общей компьютерной системы. За пультом — майор Степанчук. Неподалеку от майора, в кресле-вертушке, расположился генерал Плухов. Он периодически поглядывает то на схему, то на выстроившиеся в три этажа у соседней стены мониторы. По комнате от стола к схеме, от схемы к Степанчуку, от Степанчука к мониторам прохаживается Джугашхурдия. В дальнем конце комнаты сидит на стуле и посасывает колпачок авторучки Ландсгербис. Иногда он что-то записывает в блокнот.

Гудит зуммер на пульте. Степанчук переключает тумблер.

— Первый слушает.

— Говорит девятый. «Сокол» сообщает о выборе варианта «Пестрая лента». Группой «Чугуна» проведены новые акции. Пропали дети из «Огонька» — детского сада номер один. Там же, на сетке ограждения, попал под гипнотическое воздействие лейтенант Голайбо из двадцать седьмой группы наблюдения. Доставлен с тяжелым сотрясением мозга в реанимацию. В сад нами послан двенадцатый. Произведено надругательство над памятником Народного Подвига. Характер и форма надругательства аналогична предыдущим. Технические средства, применяемые при диверсиях, остаются невыявленными. Продолжаем наблюдение.

— Принял.

Степанчук щелкает тумблером. Смотрит на генерала.

— Детский сад, — говорит Плухов, — это что-то новое. Дети, несомненно, похищены. Но с какой целью?

— Отвлекающий маневр, — предполагает Степанчук. — «Чугун» готовит нападение на аэродром.

Или...— он почесывает подбородок,— или в случае провала они надеются использовать детей в качестве заложников.

— Неужели все-таки поняли, что мы у них на хвосте?— генерал покачивает седой головой.

— Дзатэлност вашэго Чугуна-Энова затрагываэт важныэ государственныэ ынтерэсы страны,— Джугашхурдия, остановавшись у стены-схемы, наблюдает за вспыхивающими лампочками.— Гдэ, скажытэ на мылост, ваш пэрвый сэкрэтар обкома? Чэм он занат в такыэ ответствэнныэ мынуты?

— Утром мы встречались с товарищем Борисовым у него в кабинете,— говорит генерал.— Получив вчера нашу телефонограмму, он был вынужден прервать отпуск и вернуться в город. Меня он заверил, что целиком полагается на опыт и оперативность нашей организации.

Генерал косит глаз в сторону Степанчука. Тот, склонившись над пультом, поигрывает кнопками.

— Да, новые акции, конечно, усугубляют положение.— Генерал закуривает.— Но по первому же сигналу капитана Дельцина мы готовы нейтрализовать действия противника. Пока они нам весь город на попá не поставили.

— Я лично буду их допрашивать,— поднимает голову от пульта и выпячивает подбородок Степанчук.— Применю, как и с Тульским, «фаларидова бычка». Если не расколятся, пушу в ход свои собственные изобретения. А на крайний случай есть у меня одна задумка.

— Толко нэ забывайтэ,— поднимает палец Джугашхурдия,— что сэйчас нэ трыдцат сэдмой год, товариш...

— ...майор,— подсказывает Степанчук.

— ...товарыш Стэпанчук.

Джугашхурдия переходит к столу.

Звонит городской телефон. Плухов недовольно ворчит:

— Кого еще там?

Степанчук берет трубку. Слушает. Говорит:

— Потом... Хорошо... Потом,— положив трубку, усмехается.— Опять наш Дядин уполномоченный, ректор духовной академии отец Алексей на своих отроков стучит и, как всегда, не вовремя... Внимание!— Степанчук глядит на схему.— Через две-три минуты главный объект войдет в поле зрения пятого монитора.

Кресло поворачивает генерала лицом к цветным экранам. Стремительно продвигаются от окна к мониторам орлиный нос и воронье усы Джугашхурдии. Перебирается поближе Ландсгербис. Встает за спиной генерала, дышит ему в затылок.

— Они должны показаться из Третьего Интернационального переулка,— предупреждает Степанчук.— Это в правом углу монитора, между Дворцом Счастья и палаткой приема стеклопосуды. Видите очередь?.. А вот и они.

На экране появляется фигура Эна Эновича. Чуть позади идут Коля и Гена. Коля размахивает руками, что-то рассказывает. Гена утирает ладонью лицо.

— Жарко на улице,— произносит генерал, тянется за сифоном.— А вот Кувякин не снимает пиджак...

— Меня интересуют телодвижения Кувякина,— говорит Степанчук.— Нормальные люди так руками не машут. Или это сигнал?

— Пожалуйста, приблизьте изображение, майор,— говорит Плухов. Вглядывается в экран.

«Ишь как закрякал,— отмечает Степанчук, двигая микшер.— Па-жал-ста. Глядишь, и спасибо скажет. Перед Москвой выпендривается».

— Благодарю вас,— произносит генерал. Гасит окурок о панель пульта.— А Энов, надо признаться, уверенно держится. Ни один мускул на лице не дрогнет. Будто не на задании, а на прогулке. Матерый враг.

Эн Энович задевает ногой за торчащий из асфальта кусок рельса. Падает, встает, продолжает идти.

— А это что, ынтерэсно, за фынт?— настораживается Джугашхурдия.

— Да. Это не случайность,— хмурится генерал.

— Сначала жестикуляция Кувякина, теперь лжепадение «Чугуна»,— говорит Степанчук.— Налицо присутствие постоянной связи с сообщниками.

— Надо поскорее разобраться в их системе сигнализации. Передайте видеозапись в отдел дешифровки, майор.— Генерал разминает новую сигарету.

Эныч, Коля и Гена подходят к остановке трамвая. Гена ставит чемодан между ног.

— Чемодан поставил,— констатирует Степанчук.— Обратите внимание: между ног. А Кувякин сразу же руки в карманы убрал.

Генерал бросает взгляд на часы.

— Вы готовы, товарищ Ландсгербис? В десять пятьдесят вам надлежит подключиться к проведению операции. Капитан Дельцин рассчитывает на вас... Да, нелегко сейчас капитану.

Степанчук регулирует резкость изображения. Замечает:

— Надо полагать, им долго придется ждать. Трамваи сюда редко заглядывают.

Джугашхурдия поглаживает усы.

— Товарыш Стэпанчук, пока оны стоят, нэлзя лы уточныт, что там проызошло с паматныком?

Степанчук, не отрываясь от экрана, вызывает «девятого». Уточняет подробности. Джугашхурдия сосредоточенно выслушивает сообщение. Резюмирует:

— Осквэрнэныэ сватын — это наыболээ коварный удар по государствэнным ынтэрэсам страны.

— Вернемся-ка к предыдущему сообщению,— вынув изо рта авторучку, тихо говорит Ландсгербис.— Я о событии на привокзальной площади, у другого памятника, где ваш сотрудник, находясь под гипнозовлиянием, совершил нападение на заслуженную скотницу...

— Неприятный момент.— Генерал гасит сигарету, складывает руки на груди.— Майор Денисов — наш старейший, самый опытный специалист-эпизодник. За все время работы не имел ни одного провала, а тут...

— Хорошо — жив остался,— говорит Степанчук.— Если б интимный резервуар у Новодворской оказался чуть больше, голова бы вошла целиком, и тогда уж... Кстати, принцип все тот же — что с трубой, что с Тульским, что здесь — ничего ниоткуда не извлекается.

— Особенно обращает на себя внимание демонстративно-извращенный характер вражеских акций,— произносит Ландсгербис.— Очевидно, по их расчетам, подобные эффекты должны создать в городе трудноконтролируемые эмоциональные всплески.

— Нэ забывайте, что пострадавааа ны кто ынаа, как дэпутат мэстного совэта, да к таму же наш внэштатный сотрудынк... Сначала оны... эта... мэстного, а потом и Вэрховнаго захотат!

— Не позволим,— твердо говорит генерал.— Мда-а, серьезную игру затеяли ребята...

— Я вот что хотел у вас спросить, товарищ Плухов,— постукивает блокнотом по спинке кресла Ландсгербис.— Много ли в вашем городе иностранцев?

— Майор, дайте, пожалуйста, распечатку,— распоряжается Плухов.

— Пожалуйста, Петр Сергеевич,— мгновенно откликается Степанчук.— В городе на сегодняшний день один иностранец. Болгарин. На монгола очень похож.

— Ыз соцыалыстычэского лагэра?— удивляется Джугашхурдия.

— Все они одним миром мазаны,— машет рукой генерал. Наблюдает в мониторе действия объекта: «Чугун» скребет спину. Плухов почесывает нос.— А кто у нас, Эдуард Иванович, за этим братцем-помидорщиком приглядывает?

— Как он год назад появился, я к нему сразу младшего лейтенанта Якоря прикрепил,— улыбается Степанчук.

— Есть ли здесь связь?.. — Генерал задумывается.— Ну, хорошо, майор, запросите санкцию прокурора на арест. Про запас.

— Это мы хоть сейчас оформим, Петр Сергеевич. Прокурор всегда у нас в дежурной части торчит. В го играет. Бланки с печатями у меня в сейфе. Только фамилию вставить... Его не то Ангел Дядю Сынов, не то Сын Дядю Ангелов величают...

— Ишь ты,— генерал хмыкает.— Сынок Дядин! Как их только с такими именами к нам впускают.

— А им тут у нас быстрее атеистами сделаться,— говорит Степанчук, регулируя контрастность изображения.

— Да. Займытэс ыностранцэм,— говорит Джугаш-хурдия.— Толко нэ забывайтэ, что сэйчас нэ тэ врэмэна. Процэс общээвропэйской квартиры.

— Шутки шутками, но надо учитывать,— вновь слышится тихий голос Ландсгербиса,— что, как к иностранному, так и к имеющему выход за рубеж отечественному материалу, подход требуется крайне осторожный. Наши противники по каждому пустяку шумиху поднимают. Любой наш шаг вызывает нежелательный резонанс. Необходимы четкость и внимательность. Мне, к примеру, довелось одним батюшкой заниматься, имевшим имидж гонимого за веру. Он свою службу в антисоветские сборища превращал. Пришлось его брать. Ох как на Западе раздуделись! Мы думали, как до суда дойдет, так без международного скандала дело не обойдется. Хотели сначала составить обвинение по статье о гомосексуализме. Но я с ним две недели поговорил по душам — о Дяде, о вере, о добре, немножко о жизни нашей земной, — он и осознал свои прежние заблуждения. Публично покаялся. Мы таким образом убили сразу двух зайцев — и человека спасли, и Запад на место поставили.

— Умно. — Генерал протирает увлажненный дыханием Ландсгербиса затылок.

— Трамвай,— говорит Степанчук.

Подергивая корпусом, к остановке подползает полинялый вагончик. Проглатывает Эна Эновича, Колю и

Гену. Тащится в угол экрана и скрывается из виду. Степанчук выключает монитор.

— Ну, что же, майор,— Плухов встает, разминает затекшие ноги.— Распорядитесь-ка насчет чайку. Будьте добры.

«Чайку захотелось?— Степанчук нажимает кнопку.— С сахаром? А ничего не слипнется?»

Плухов идет к столу.

— Итак, подведем итоги...

— Это же надо!— возмущается прижатый к кассе Коля.— Сколько эту каракатицу прождали! Лучше б пешком пошли. Через ракетный завод... Полегче наваливайся!.. Я там дырку в заборе знаю... Черт-те что!.. Давайте ваши три копейки... Держите билет.

Эныч и Гена отделены от Коли несколькими спрессованными телами пассажиров. Из середины салона неслышимо тоскливо-плачущий мужской голос:

— Ну, куда я подвинусь... Ну куд... д-да... Ведь весь зажат... Е... бн... в... в конце-то концов!

— Эныч!— кричит Коля.— Ну, как вы там устроились? Кишки не полопались? Генка! Чемодан не потерял? Держись, земля! Это тебе не в поезде проводницу барахтать!

Коля смеется.

— Весело вы тут живете,— выдергивая пиджак из-под ног пассажиров, говорит Гена.— Задержаться что ли у вас в городе?.. Вот только с работой у вас как?.. Ты где работаешь, Эныч?

— На чугунке,— отвечает Эныч.— Раньше на танковом вкалывал. На конвейере. Ушел.

— Что? Платили мало?

— Да. И людей там давят. Как мух.

— Эныч!— кричит Коля.— Вы о чем там шепчетесь? Без меня хотите кирнуть?

— Без тебя попробуй кирни,— отзывается Эныч.

— А на чугушке что у тебя за работа?— интересуется Гена.

— Как и везде,— говорит Эныч.— Бери больше, кидай дальше. Отдыхай пока летит.

— Граждане!— орет Коля.— Минуту внимания! Среди нас под видом простых трамвайных зайцев, едут два выдающихся представителя рабочего класса. Эныч, передай свой автограф вон тому лысому, на задней площадке, а мне три копейки подкинь на фонд будущих детей-инвалидов.

Довольный своей шуткой, Коля гогочет.

— Я те подкину,— огрызается Эныч.

— Эй, лысый!— продолжает Коля, обращаясь теперь к гражданину на задней площадке.— Ты что это гражданочку в угол зажал? Думаешь, не видим? А ну руки покажи!.. А вы, гражданочка, не краснейте! Может, вы с ним заодно?.. Эх, везет же этому лысому!

— Долго нам ехать, Эныч?— спрашивает Гена, ощупывая ногой чемодан.

— Так,— говорит Эныч. Загибает пальцы.— «Артиллерийская», «Пролетарская», «Краснобогатырская», «Силикатная», «ЖБК», потом «Магазин "Колобок"», и наша.

— «Колобок» давно снесли,— подсказывает кто-то из пассажиров.— Там теперь редкие газы выпускают. А остановка называется «Мазилово».

— «Партизан» не снесли?— беспокоится Эныч.

— Пока стоит,— охотно отвечает пассажир.— А там: кто ж может заглянуть в пучину моря жизни?.. Кстати, я здесь старожил. Могу на любой вопрос ответить.

Трамвай дрожит, скрипит, резко останавливается. Передняя площадка стонет. Открываются двери. Народ устремляется к выходу.

— Граждане!— кричит Коля.— Куда же вы? Не все сразу! Двери-то хоть пожалейте.

— Что это с ними?— спрашивает Гена.— Куда они ломанулись?

— Видите дом?— старожил указывает на серое здание с бойницами.— Это наш знаменитый Театр мимики и жеста. Сзади него кости иногда выкидывают. Без всякого блага приобрести можно.

Полуопустевший трамвай трогается. Коля перебирается к друзьям. Становится, потирая бока, рядом с Энычем.

— Да, неплохое у вас в городе обеспечение. Наверно, останусь.— Гена отряхивает пиджак.— Как ты советуешь, Коля?

— Мне не жалко,— говорит Коля.— Оставайся. Житуха — сам видишь!..

— Хороший город. Охрово-бордовый. Обязательно оставайтесь,— советует старожил.— Не пожалеете. По количеству добываемой радиации значительно уступает Талды-Курганским открытым урановым карьерам. Плюс там пыли и копоти много, а у нас только чуток свинца и ртути в воздухе. Оно и полезно для здоровья. И море есть свое — солончаковоасфальтировавшееся. Маленькое, правда, искусственное, но свое. Возле испытательного термоядерного полигона раскинулось.

— Бывали в Талды-Кургане, папаша?— удивляется Гена.

— Упаси Дядя,— смеется старожил.— На дядька мне это надо? Смотрите телепередачу «Клуб кинопутешественников» — во всех местах побываете... Ну, чем еще интересуетесь? Спрашивайте, а то мне сейчас выходить.

— Ну и выходи. Не задерживай,— говорит Коля.— Ты, Ген, поменьше слушай этих путешественников. Не видишь разве, он на стакан напрашивается. Вали-ка, дяденька, к своему телевизору. Там сейчас как раз твои Танды-Манты показывают.

Старожил отходит к дверям.

Трамвай останавливается. В вагон, тяжело дыша, пытается влезть старуха с мешком.

— Ох, помогите, сыночки. Силов моих больше нету.

Гена подхватывает старуху под мышки, втаскивает в вагон.

— Ох, спасибо родёмый, — пыхтит старуха. Отдувается.— Дай тебе Дядя здоровья. Да жену работающую.

Старуха, продолжая охать, тащит свой мешок по проходу. Пристраивается возле другой старухи, в сером ситцевом платке.

— Ох, сестрица, намаялась я, совсем замоталась,— говорит первая старуха второй.— Шишнадцать городов объехала и нигде ничего нету. Конских яблок только с десяток кило насобираала, да керамзитогого шлака вместо соли пососать перехватила.— Старуха крестится.— Слава Дяде, шлак еще есть. Ох! Ну, камыша подгорелого немного купила. Еще кой-чего. А мужик-то мой, инвалид — паровой котел таскал, надорвался; а где он тот котел?— ждет меня в деревне голодный. Приеду, в чем кашу варить?

— И не говори, милая,— соглашается старуха в платке.— У нас в городе и очередей-то не стало. Не за чем стоять. Так что не майся, уезжай к своему бедолаге, подкорми его конскими яблочками. Зря только ноги у нас себе стопчешь. Совсем голодно.

— Это ничего, что ничего нет. Как-нибудь переживем. Мы люди скоромные. Дядя терпел — и нам велел. Лишь бы войны не было... А камыша-то, сестрица, я в вашем городе достала. Грех вам жаловаться!

— Неужели?— фальшиво удивляется «платочек».— Надо же! Да только мы его и не видим, камыша-то. Приезжие все разбирают. Житья от вас нету, вороги!

«Платочек» отворачивается к окну.

— Граждане! Приготовьте ваши билеты!— раздается гнусавый голос с передней площадки. С задней площадки такой же голос вторит:

— Билеты ваши приготовьте! Граждане!

По вагону проносится встревоженное шуршание. Коля подмигивает товарищам, достает из кармана билеты. Шепотом поясняет:

— Не вря я у кассы стоял.

Контролеры движутся по вагону, сходятся в центре. Это похожие друг на друга старухи в форменных сизых шинелях. Их пронизывающие взгляды обшаривают скрючившиеся фигуры пассажиров в платке и с мешком. «Платочек» достает какие-то тряпочки и лихорадочно их разворачивает. «Мешок» растерян и безнадежно неподвижен.

— А ваш?— строго спрашивают контролеры.— Ваш? А?

— Ох, сестрицы,— причитает старуха с мешком.— Дядя свидетель. Шишнадцать городов объехала. Совсем замоталась. А мужик-то мой — инвалид...

— Гражданка, вы нам голову не морочьте,— обрывают старуху контролеры-близнецы.— Показывайте билет или платите штраф. Понятно? Штраф платите или билет показывайте.

— Сестрички, родненькие... Ох!

— Нет у нее билета,— ябедничает старуха в платочке.— Я видела, что она его не брала. Приезжие — все такие. Обьедают нас, обжирают, а мы — в трамваях за них плати!

Контролеры впиваются ногтями в старуху, в мешок, тащат то и другое к выходу. Старуха вопит. Вопят и контролеры. Голоса перемешиваются:

— Шишнадцать!.. Раз билет не купила!.. Дядя, мужику-инвалиду!.. Милиция покажет!.. Пример для молодежи!.. Жрать нечего!.. Заплотишь штраф!.. Ох!..

Все трое и мешок вываливаются через распахнувшиеся двери на улицу.

— Повязали бабуся-безбилетницу!— смеется Коля.— Отберут у нее теперь все добро!.. И Дядя не поможет. А у тебя-то, Генк, в чемодане нет котла? Пригодился бы для бабок, которые тебе твоя бабца отвалит. Нам на следующей выходить!..

...Просыпается динамик, хрипит. Трамвай останавливается. Подготовившихся к выходу Колю, Гену и Эна Эновича окутывает теплое, ядовито-пахучее облако. Коля кашляет, зажмуривается и выпрыгивает из

вагона, верещит снизу из густого тумана. Гена, в нерешительности застыв на верхней ступеньке, прислушивается. Верещание сменяется отчаянной руганью. Гена оглядывается на Эныча. Гневается нетерпеливый динамик, веля Гене поторопиться с высадкой. Отпустив поручни, тот отталкивается, делает кульбит и приземляется. Обернувшись, различает тронувшееся тело трамвая. Колина ругань переходит в глухой стон.

Через минуту туман немного рассеивается. Гена видит Эна Эновича, застывшего в позе былинного героя. Правая его ступня — на теле поверженного недруга, левая погружена в асфальтовую кашу. Оказавшийся в роли недруга Кувякин тщится освободиться из-под могучей подошвы Пересвета Эныча. Гена подает богатырю руку, помогая выбраться из асфальтовой кучи. Затем извлекает из нее обессиленного Николая. Смахивая облепившую того крошку, соболезнует:

— Здорово ты вляпался, кореш. Не сильно обжегся? Коля не отвечает. Стонет.

— Слеп ты, что ли?— ворчит Эныч, снимая левую запачканную плетенку.— Всю дорогу под ногами вертишься, сучок непри...

— Черти нерусские! Опять нашу кучу разворотили!— приятелей окружают разъяренные работницы в желтых жилетах. Угрожающе выставляют гигантские совковые лопаты и ломы.— Чтоб вам повылазило! Щас будете обратно кучу собирать! Чечня проклятая! Убить вас мало!

— Потише, бабоньки!— обороняется Гена, поддерживая обмякшего Колю.— И так человек при смерти! Не нарочно же мы!

— Еще разговаривают!— лопата нависает над головами друзей.

— Бей их, Зойка! Лиза, врежь тому квадратному ломом промеж рогов! Отучим их безобразничать!

Гена перемещает Колю себе за спину, прикрывает чемоданом свои голову и грудь. Эныч невозмутимо возится с плетенкой.

— Эй, подруги!— требовательно звучит в стороне мужской голос.— А ну, кончай! Хватит лясы точить, не на трибуне! Кто за вас рельсы таскать будет?

— Бригадир... Бригадир,— переговариваются работницы, отступая от приятелей.

— Вот так и убивают,— обретаёт дар речи Коля.— Абзац... По этому случаю вмазать бы поскорее стаканнице...— Он потряхивает обоженными кистями рук, потом ощупывает поясницу.— Ну и туша ты, Эн Эныч! Все мне кости поотдавил.

Коля, одной рукой массируя крестец, похлопывает другой по карманам. Говорит с досадой:

— Ну вот. Еще и мои медяки трамвайные гавкнули... Наверняка на краснуху хватало... Давай, Генк, двигай. Вон твой «Партизан». Мы с Энычем тебя здесь подождем... Оставь чемодан. Покараулим.

Гена смотрит в указанном Колей направлении. Видит облупленные буквы — название кинотеатра. Под буквами натянута красная полотнище с надписью: «Искусство должно быть доступным, как...» Далее полотнище поворачивает за угол здания.

— Да. Подождите,— Гена кивает.— Я скоро. А чемодан с собой захвачу. Тут у меня кое-что для подруги припасено. Побазарю с ней малость, присмотрюсь, потом за хобот и к ногтю. Ну, я пошел.

Гена решительно направляется к входу в кинотеатр. Коля провожает его взглядом, сплевывает.

— За чемоданчик-то свой переживает наш дружок. Никак со своим барахлом расстаться не может. Прикипел. Сердцем прирос. Нет, Эныч, что ни говори, а сколько волка ни корми, у ишака дядек толще. Слушай, а вдруг он не вернется?

— Вернется,— говорит Эныч.— Пить хочется. Медяки не все растерял?

— Посмотрим,— Коля перебирает в кармане мелочь.— Копеек десять наскребу.

— Хватит. Пошли к бочке с квасом.

У бочки выстроилась длинная очередь. В руках у

покупателей — банки, бидоны, канистры, ведра, баки. На кране висит табличка «Кваса нет». Привалившись к колесу, похрапывает, что-то бормоча, продавец в грязном халате. Рядом, метрах в пяти от бочки, под перекосившейся саклей-навесом, жарит что-то на открытом мангале редковолосистая, одетая в джинсы и засаленную верблюжью поддевку, с рыжей бородой и носом боксера, неопределенных лет и национальности личность.

— Хачапури!.. Сулугуни!.. Мацони!.. Подходи, давай! Ешь!.. Потом квас лучше кушать будешь! Слышь, кацо?! Тебе говорю, генацвали!..

— Счастливый человек,— замечает Коля, кивая в сторону квасника.— Поел, попил и балдеет себе на здоровье. А нам с тобой, Эныч, и не оставил. Видишь, чего написано?

— Квас-то есть,— бубнят в очереди.— Ждем вот когда продавец проснется.

— Так мы щас этого дядька дрожжевого вмиг разбудим. Да, Эныч?

— Будить нельзя,— волнуется очередь.— Обидится и совсем уйдет... Вы подождите немного. Обычно он больше двух часов не спит. Так что полчасака всего потерпеть осталось.

— Зачем будить джигита?— вступает в разговор шашлычник.— Нельзя! Удачи не будет!.. Сациви, гурджуани, хинкали!.. Подходи, пробуй давай, э-кх!..

— А вдруг он во сне к театру за костюмами побежал? Тогда до вечера прождете,— шутит Коля.

— Вон ты какой грамотный отыскался,— возмущается очередь.— Не хочешь — не стой. И другим не мешай. И так нас этот рыжий ирод своими запахами совсем замучил, да еще ты тут. Были бы у тебя дети, так посмотрели бы мы на тебя. Бездельник. С ранней зари бы вставал, Дядинога света не видел. Раздрыга.

— Тогда стойте и нюхайте здесь своих жареных барсиков, — сглатывая слюну, машет рукой Коля. — Хачадуни, голодуни, придури!..

— Ладно. Пошли к автоматам.— говорит Эныч.

Подойдя к автоматам с газированной водой, Коля достает из кармана брюк монетку и бросает ее в щель. Тонкой струйкой наполняется стакан. Пока Эныч пьет, Коля берет из крайнего автомата еще один стакан и прячет его в карман пиджака. Оглянувшись, замечает неподалеку, у газетных стендов, сосредоточенно читающего гражданина.

— Чего там пишут, товарищ?

— Ничего,— пожимает плечами читающий гражданин. С еще большим вниманием вглядывается в газетные строки.

Коля понимающе кивает.

— Ну что, Эныч, удовлетворил жажду? Поплыли поближе к дверям.

Около киоска спортивных лотерей толпятся милиционеры. Топчут разорванные бумажки лотереи «Спринт». Рвут и кидают новые.

Коля и Эныч прибавляют шаг.

— Вот она, правда нашей жизни, Эныч,— шепчет Коля,— квасника-то в вырезьяк не везут, а нас с тобой — чуть что, сразу вяжут, сволочи...

У входа в кассовый зал еще два милиционера штрафуют торговку укропом. Получив деньги, устремляются к лотерейному киоску. Расстроенная торговка пересчитывает пучки, бормочет:

— Не везет сегодня служивым, не будет мне никакой выручки. Дядя, сгорел бы скорее этот окаянный киоск... Молодые люди, укропчику не желаете? Только что с грядки — бери без оглядки.

— Ты бы нам лучше соленый огурец предложила, хозяйка,— отвечает Коля.— Куда нам твой укроп. Разве что в одно место засунуть.

— У вас, пьянчужек, одно на уме, — серчает торговка. Замахивается пучком. Коля посмеивается.

...В дверях кинотеатра появляется Гена.

— Дуйте сюда, ребята... В общем, такой расклад Анютка побежала башли занимать. Минут через пят-

надцать обещалась бросить на клык червонец. Мы, пожалуй, с вами внутри подождем. Фильмец посмотрим. Чего нам на улице маячить? Лягавым зенки мозолить... Нас туда пропустят, я с билетершей договорился.

— Кажись, все хоккей, Эныч. — Коля потирает ладони. — А Гена — парень не промах. Живем!

...Друзья входят в зал. Занимают ближайшие свободные места на последнем ряду.

— Куда ты идешь, Красная Шапочка? — звучит с экрана вкрадчивый голос.

— К ба-абушке, — отвечает тонкий голосок. Гена, усаживающийся последним, засовывает чемодан под кресло.

— Минут через пять пойду ее подгоню, — обещает он приятелям.

— А поддать, Ген, можно будет здесь, прямо в зале. Магазин здесь под боком. Я пулей сгоняю, — шепчет Коля. — Сколько брать, две? А может, на три наскребем?

— А что у тебя в корзинке? — допытываются с экрана.

Под Энычем скрипит кресло.

— И пожрать надо взять, — говорит он.

— Эй, потише там! — сердятся в середине зала. — Детишкам мешааете.

— До свидания, Серый Волк. Тороплюсь я, — говорит Красная Шапочка.

Коля смотрит на экран.

— Заспешила девчужка. Знает, который час. Как раз вино-водочный открывается. Геннадий, пять минут еще не прошло?

— Нет еще. Рановато пока. Не суетись, кореш.

— Эй, прекратите безобразие! Сколько раз вам говорить! — возмущается тот же сердитый голос из зала. — Не на гулянку пришли! По-человечески себя ведите! Какой образец поведения демонстрируете подрастающему поколению?!

Кресло Эна Эновича потрескивает.

— Чего это он к нам пристал?

— Ты кто такой?!— бросает сердитому посетителю в зал Коля.— Что, больше всех надо?

— Разбулатова не знаете? Сейчас поговорим с вами в отделении милиции — шелковыми станете. Шпана!— угрожает голос.

— Не связывайтесь с ним, ребята,— успокаивает друзей Гена.— Из-за таких фрайеров весь кайф полотно можно.

Коля плюет себе под ноги.

— Никакого житья от этих блюдолизов. Дядьки идейные!

Эныч вздыхает. Лениво наблюдает за действиями рисованных сказочных персонажей, потягивается и, широко зевнув, говорит:

— ПЕНЬ-БЕНЬ какая-то.

Коварный прожорливый Волк заглатывает неуклюжую Бабушку, выплевывает тапочки и очки. Очки цепляет себе на нос. На голову надевает голубой чепчик. Ложится в постель, берет с ночного столика и ставит себе на грудь карманную шахматную доску с миниатюрными фигурками. А к домику подходит Красная Шапочка.

Шапочка дергает за шнурок, звякает дверной колокольчик.

— Кто там?— сладко интересуется Волк.

— Это я. Твоя внучка,— игривым голоском отзывается девочка.— Красная Шапочка.

Волк объясняет Шапочке, как открыть дверь, гладит ус и двигает ферзя. В избушку входит улыбающаяся внучка, подходит к постели.

— Как себя чувствуешь, бабушка? Опять шахматками пробавляешься?

— Да, моя крошка, есть такой грешок. Забавная тут у нас с тобой комбинация вырисовывается.

— Ты так изменилась, бабушка.

Шапочка присаживается на край постели. Ставит корзинку, снимает сандалики.

— Ножки устали. Очень уж я к тебе сегодня торопилась, бабульция.

— Ты тоже изменилась. Барышней стала.

— А ушки у тебя почему такие большие?— заалевшая Красная Шапочка трогает пальчиком ухо волка.

— Это чтобы тебя лучше слышать, птичка моя.— Псевдобабушка гладит лапой розовые коленки девочки.

— А глазки?— спрашивает любознательная Красная Шапочка. Снимает шапочку.

— Чтобы лучше видеть тебя, клубничка моя.— Лапа поднимается выше. Красная Шапочка расстегивает пуговицу на платье, двигает худенькими плечиками.

— А какой у тебя большой рот! Зачем тебе такой?

— Это чтоб...— Волк сглатывает слюну,— горячо целовать тебя, дорогая моя, любимая.

Пальчик Шапочки упирается в одеяло, приподнявшееся холмом посредине постели.

— А это?..— дыхание девочки становится прерывистым.— Что это?

— А это,— облизывает свои толстые губы Волк,— это свет моей жизни, грех души моей, огонь моих чресел — подарок для тебя, ненаглядная моя, единственная!..

Разбрасывая в разные стороны крохотных полированных болванчиков, Волк откидывает одеяло. Радостно вскрикнув, Красная Шапочка принимается стягивать с себя платье. Под платьем оказываются зеленые трусики с вышитым на них малиновой вязью именем «Лолита».

Ударом когтя Волк разрывает трусики в клочья и подминает под себя не успевшую стащить с головы платье соблазнительную нимфетку.

— Провокация! Вредительство!— надсаживается в центре зала назвавшийся Разбулатовым зритель.— Остановите сеанс! Включите свет!

— А прикольный мультец.— Коля толкает Эныча

локтем.— Наверняка западный. И как только наши этот момент не вырезали?

Волк и Красная Шапочка меняют в постели позицию. Продолжают функционировать среди порхающих в засушенном танце бабочек-конфетти.

— Кто это сделал?! Всех под суд!— выплясывают руки вскочившего с места Разбулатова.— Подать сюда администрацию! До самого Курносова дойду! Под расстрел пойдете! Я за всеми давно слежу!..

Голос у Разбулатова срывается. Еще какое-то время он яростно рубит воздух, затем начинает пробираться через ряды кресел к светящемуся оконцу киноаппаратной. Под ногами Разбулатова пищат юные зрители. С экрана его настигают причмокивания, вздохи и стоны: у Волка с Лолитой-Шапочкой — французская любовь.

Гена встает и на гнущихся и дрожащих ногах направляется прочь из зала. В руке его болтается машинально прихваченный чемодан.

— Ну что, Ген, пошел? Давай только скорей возвращайся,— говорит, не отрываясь от происходящего на экране, Кувякин.— Интересно ведь!

Разбулатов достигает последнего ряда кресел. Оттолкнувшись от чьих-то плеч, со всхлипыванием и клеточком грудью кидается на оконце-амбразуру. Зал погружается во мрак. Нарастающий плач детей заглушают сладострастные излияния звуковых колонок. Разбулатов, в свою очередь, перекрывает все вместе взятые звуки внезапно вернувшимся к нему голосом:

— Мать вашу так!!!

...В фойе светло и просторно. Со стен жизнерадостно поглядывают звезды советского кинематографа. Блестят глянцевые анонсы и мраморный пол, белеют известковые колонны. С лестницы, ведущей вниз, к туалетам, доносится крик билетерши:

— Жора! Жора! Киномеханик! Скорее же! Там у вас что-то случилось! Жора! Ну Жора же!

Слышны торопливые шаги. С лестницы в фойе, застегивая на бегу ремень, влетает запыхавшийся кино-

механик Жора. Скользит по мрамору и скрывается за дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». В то же мгновение приоткрывается дверь кинозала. В фойе протискивается Гена с чемоданом, крадется вдоль фотографий и анонсов по направлению к выходу. Из-за дальней колонны появляется Ландсгербис. С удивлением наблюдает за поведением Гены. Следует за ним. Гена оборачивается, но не останавливается, а, наоборот, ускоряет шаг. Ландсгербис негромко окликает его:

— Сокол!

Гена бросает чемодан и переходит на бег.

— Сокол!

— Нет! Неправильно! Я в такие игры не играю!

Гена выбегает на улицу. Ландсгербис, наморщив лоб, стоит у стеклянных дверей. «Сокол» мечется на трамвайной остановке, затем бежит к стоянке такси...

Распахивая дверцу машины, «Сокол», он же капитан Дельцин, выпаливает:

— В аэропорт. К чертовой бабушке! Плачу втройне!

— И в оба конца,— говорит водитель.— Деньги на бочку.

Дельцин бросает на сиденье шоферу пятидесятирублевую купюру, делает резкий жест рукой.

— Гони!

Машина срывается с места, давит у остывшей асфальтовой кучи двух замечтавшихся голубей и мчит по трамвайным рельсам, вздымая пыльные облака.

Опираясь на пульт костяшками пальцев, стоит, наклонившись, генерал. Его взгляд направлен в одну точку. Перед Плуховым — кучка раздавленных окурков. Он в задумчивости.

У стола, потирая лоб, просматривает свои записи Ландсгербис. Нервно подергивая усами ходит по комна-

те Джугашхурдия, время от времени поглядывая на генерала.

— Тридцатый... Тридцатый... Жду сообщений... Двадцать второй... Двадцать второй...— вызывает на связь группы Степанчук.

— Говорит тридцатый,— звучит из динамика.— Машина с «Соколом» выехала на Варнаковское шоссе. Двигается в сторону аэропорта.

— Состояние четыре!— командует Степанчук.— Не упустите сигнала от «Сокола»!

Проследив за взглядом генерала, Джугашхурдия останавливается у стола и говорит Плухову:

— Зачем вы рассматриваете окурки? Надо что-то предпринимать.

Генерал выпрямляется. Убирает руки в карманы. Смотрит на Ландсгербиса.

— А что вы, товарищ Ландсгербис, думаете по этому поводу? Вы — как очевидец?

Ландсгербис ручкой в форме скрипичного ключа делает новую запись в книжечке.

— Данная экстраординарная ситуация получена путем сложной комбинационной игры. Предпочту не делать скоропалительных выводов. Касательно Дельцина замечу, что за время многолетней совместной работы не наблюдал за ним каких-либо отклонений при выполнении служебного долга.

Ландсгербис посасывает колпачок авторучки.

— Ясно,— говорит генерал, пощипывая мочку уха. Пододвигается к Степанчуку.

— Ясность предполагает действия,— ворочает усами Джугашхурдия.— Ваш Чугун наносит стране невосполнимые потери. Он угрожает государственным интересам страны. С этим пора кончат.

Генерал покусывает нижнюю губу.

— Майор Степанчук! Что скажете вы?

— Девятый... Девятый...— продолжает вызов групп Степанчук.

— Майор Степанчук! Я к вам обращаюсь!

— Я слушаю, товарищ генерал.

— Что вы слушаете?

— Вас, товарищ генерал.

— Я спросил ваше мнение. У вас есть еще свое мнение?

— Мое мнение целиком совпадает с мнением товарищей из Москвы. — Степанчук громко щелкает тумблером.

«На-ка, выкуси мое мнение», — думает он. Опускает голову к пульту и продолжает:

— Я только хотел добавить, что данная экстраординарная ситуация угрожает не только интересам всей страны.

«Свалились на шею два недоноска столичных — хмырь болотный и ишак карабахский».

Лицо генерала темнеет. Он стискивает зубы. Давят тяжелые мысли. Грозит в любую минуту зануть старая рана. «Да, понятно... Все, конечно, сразу в кусты. В кустах-то оно спокойнее. Хорошо в кустах. А мне, значит, решение принимать... Прислал мне помощников Барабан! Один какие-то кренделя выписывает, второй только губами чмокает, а третий вообще чокнутый и лыка не вяжет. Степанчук, вражина, всегда мне рад ножку подставить. Надо будет ему работенку погрязнее дать, да потуже, да чтоб ответственности побольше. И спать не давать. В крайнем случае все свалю на него, и никакой Борисов, никакой даже Молекула ему не помогут... А что делать сейчас? Брать Чугуна или не брать? Звонить Барабану?.. Нет, это отпадает — себе дороже. Надо решить сейчас. Самому... Вот черт! Так брать или не брать? Если Барабану сейчас звонить, то...»

— Итак, товарищи, — произносит генерал, доставая портсигар, — ситуация сложилась критическая. Дальнейшие действия врага предусмотреть практически невозможно. Исходя из данной обстановки, считаю необходимым изолировать ядро вражеской группировки, действующей в нашем городе. Если существенных воз-

ражений у вас не имеется, то Чугуна и Кувякина будем брать. По возможности — бесшумно. Возражения есть?

Расположившиеся за столом Ландсгербис и Джугашхурдия молчат. Генерал поворачивается к Степанчуку.

— Возражений, как вижу, не имеется. В таком случае, майор, приступайте к разработке и проведению операции захвата.

Генерал зажигает спичку, прикуривает.

— Есть, Петр Сергеевич,— встает, клацая челюстями, Степанчук.

Гудит зуммер.

— Говорит девятый. Группа Чугуна движется в сторону консервного завода. Контактных за последние полчаса не наблюдалось.

5

— Слиял твой земля,— говорит Эн Энович, переступая через сточную канаву.— ДЗУ-ДЗОЙ накрылся.

— Сказать по правде, он мне сразу не понравился, вот ей Дядя! Мешочник какой-то. Помнишь, как он за свой чемодан трясся? Гусь!.. Ну, ничего,— вынув стакан из кармана, продувает его Коля.— Если Константиныч на смене, то не все еще потеряно. Наберем на его жестяночке консервов, сплавим их, и все будет в ажуре. Как говорится в библии, Эныч: хорошо, когда хорошо — хорошо...

— Далеко еще топать?

— Да уже пришли. Во-он за бараками труба дымит, видишь?

Оставшуюся часть пути друзья преодолевают молча. У проходной просят вахтера позвонить и вызвать Игоря Константиновича — пожарного.

Минут через десять появившийся на проходной Константиныч приветствует гостей, а затем, взмахнув рукой, ведет за собой длинными полутемными коридорами. В одном из коридорных тупичков он открывает обитую жестью дверь. В комнате — кровать с панцирной сеткой, стол и несколько табуреток. На стенах — противопожарные плакаты. Они же — на подоконнике и на полу.

Пожарный Константиныч основательно пьян и потому особенно радушен.

— Давненько, давненько ты ко мне не заглядывал,— говорит он козлиным голосом.— Частенько я тебя вспоминал, Николай. Настоящая дружба, дружище, не ржавеет, не горит и не тонет...

Голова Константиныча с коротко остриженными светлыми волосами тычется в Колин подбородок. Пожарный обнимает старого знакомого.

— Спасибо, что пришел. Молодец, что дружка привел... О! Даже стакан принес!

Константиныч отступает, утирает рукавом наполнившиеся слезами глаза.

— Ну, порадовал, порадовал!

Он становится на четвереньки и скрывается под столом. Минуты через четыре вылезает с противоположной стороны с танцующей в его руках трехлитровой банкой, наполовину заполненной прозрачной жидкостью.

— Это что? Спирт?!— Коля подхватывает банку, нюхает и, поставив ее на стол, победно вскидывает руки. Пожарный, вылезая, спиной приподнимает край стола.

— Порадовал, порадовал...

Банка скользит по наклонной плоскости. Коля обеими руками хватает ее и прижимает к груди.

— Да что ж ты делаешь, Апостол?! Разобьешь ведь!

— Ну и что?— плюхается на табуретку апостол Константиныч.— Я для друзей все могу. Подумаешь, спирт! Садись, ребята! Там под шкафом консервы мяс-

ные, олимпийские. Давай их на стол!.. Мы эти консервы для Москвы делаем. Сам Господь Дядя язык проглотит. Наливай, Коля, наливай. А ты, друг, ножичком поработай... Говоря по совести, в них разную химию набивают, в основном, дрянь всякую — азот и серу... Но — вкусно. А главное, как поешь, так только изжогой страдаешь, и все. Вы пейте, пейте, ребята. На меня не смотрите. В меня больше не лезет...

— А вода есть?— спрашивает Коля, снимая полиэтиленовую крышку с банки.

— Чего нет, того нет,— разводит руками Константиныч.— Сменщик графин разбил, бульбаш безрукий.

— Обойдемся,— говорит Эныч.— Не графья.

— Не графья,— соглашается Коля, с усмешкой поглядывая на пьющего Эныча.

Поставив стакан, Эныч поддевает лезвием ножа бурый кусок. Коля зажмуривается и выпивает свою дозу. Отыскав наощупь консервную банку, хватает липкий шмат и жадно его ест.

— Закусывайте, ребята, закусывайте как следует. В здоровом теле — здоровый нюх!.. А спиртянский я выменял на химкомбинате. Мне его тамошний пожарный-грек вынес, Харитон Гаврилыч. Душа-человек. Бывший, кстати, доцент-экономик. Благодаря ему мы с вами и пьем... Химкомбинат — секретный. Три ряда колючей проволоки под напряжением, вышки и сирены кругом всякие понатыканы, телекамеры стоят. И все прочее. Говорят, он на сорок этажей под землю уходит. Какую-то там бактерию выводят. У них и метро свое есть, аж до Москвы тянется. Поэтому мы в трамваях и ездим... Плесни и мне, пожалуйста, Коля.

Константиныч маленькими руками чешет мясистый грушевидный нос.

— А у нас одни неприятности с Энычем,— говорит, наливая, Коля.— Со вчерашнего дня полоса пошла. Нет, у меня даже пораньше... Да что теперь говорить, надо было сразу к тебе идти. Скажи, Эныч?

— Мимо не налей,— говорит Эныч.

...В ста шагах от бетонной ограды, окружающей консервный завод, стоит на пригорке под развесистым кленом темно-серая «Волга». Между заводом и машиной — пустырь. В салоне автомобиля четверо.

— Ведите антенну вдоль второго этажа административного корпуса,— командует майор Степанчук. С заднего сиденья раздается негромкое жужжание. Чуть потрескивает динамик. Затем слышны голоса:

— Я уже и СПИД три раза перенесла... Ничего не могу поделать. Только зимой... Три года без отпуска... Не мешайте работать.

— Не то,— говорит Степанчук.— Дальше.

— И дубленку сразу, и югославские туфли. Я померила — туфли малы, дубленка велика... Ой, девочки, сказка! Внутри начинка такая вкусная!.. Кобыла здоровая. А Всеволод Дмитриевич, зам главного инженера...

— Дальше.

— Подлецы. Тысячами воруют — им ничего. А лимитчице за банку консервов матку с корнем вырывают... Куда только органы смотрят?

— Это окно на заметку. Дальше.

— Две мало. Две пятьсот... Две пятьсот не могу. Много... Отчего же много? (Хлопает дверь.) Вы по какому вопросу?

— Не то. Подождите минутку. — Степанчук оборачивается.— Евсюков, вы не напутали с планом завода?

— Нет, товарищ майор.

— А не могли пожарных переселить на другой этаж?

— Я уточнял.

— Продолжайте поиск, лейтенант Сычев.

Жужжание усиливается. Оживает динамик.

— Отложите десять бараньих туш. Что? Что? Консервы? Радиоактивные? Сухим пайком в пионерский лагерь.

— Дальше. Что вы на этом застряли!

— ...с метровыми хвостами крысье в мясорубках перемалывается...

— Вот здесь остановитесь. — Степанчук настораживается.

— У нас на чугунке тоже крысы. Ну что, добьем?

— Они,— говорит Степанчук.

— Конвейеры в цехах никогда не моют. Крысы — на конвейеры, как мухи на мед. На кнопку нажмут, и тех в мясорубку тащит. Потом химию запускают. В мясорубке все перемешивается — вот и готово. Так на всех заводах.

— Это пожарный,— констатирует Степанчук.

— Да хватит тебе, Константиныч, нашел тему: крысы, да крысы. Тьфу!.. А вот спирт у тебя мировецкий, забористый. Как бы еще раздобыть?

— А это Кувякин.

— Что-нибудь да придумаем, Коля. Ты не волнуйся. Пожалуй, мы щас с вами к Толику Волчаку на Невку за эссенцией ходим. Не хуже спирта вещь. Дай только срок.

— Срок дадим,— обещает майор Степанчук.— Куда ты денешься.

— Тогда пошли. Чего резину тянуть!

— Чугун,— говорит майор.— Распоряжается. Евсюков, у вас все готово?

— Оцепление поставлено,— докладывает Евсюков.— Перекрыты все подземные коммуникации, связывающие завод с городом. Наблюдение с воздуха установлено. Машины на местах. На территории завода группа старшего лейтенанта Бурцева. Связь с ними осуществляется через спутниковую систему-невидимку «Союз-Агамемнон».

Динамик какое-то время безмолвствует. Потом что-то гремит, падает, разбивается. Слышна ругань. Шаги. Скрипит дверь. Шаги стихают.

— Отключайте прибор, лейтенант Сычев. Евсюков, давайте команду.

— Восьмой, семнадцатый, тридцать пятый!— гово-

рит Евсюков в микрофон.— Готовность номер один!

Степанчук сжимает челюсти, постукивает пальцами по сиденью.

По территории завода передвигается пожарный Константиныч. Голову его украшает синяя фуражка с золотистой кокардой. Тело покачивается из стороны в сторону. На вытянутых руках он несет огнетушитель. За Константинычем, выписывая ногами замысловатые кренделя, следует на небольшом расстоянии Коля Кувякин. Лицо его расплыто в довольной улыбке. Трудно подымая стопы, замыкает шествие Эныч. Процессия движется вдоль свежевырытой траншеи. Проходя мимо сидящих на краю рва солдат-осетинов, Коля отдает им честь.

— Здравствуйте, товарищи грузины! Поздравляем вас с успешно вырытой ямой!

Осетины молчат.

— Почему не слышу криков «ура»? И одеты не по форме!

— Уходи, пока не убили,— цедит сквозь зубы свирепого вида сержант с густыми сросшимися бровями.

Коля ускоряет движение. Поднимается вслед за Константинычем на эстакаду. Шумно сопя, туда же взбирается Эныч.

— Никак на пожар собрались?!— слышен девичий голос с проезжающего мимо электрокара.— А что же огнетушитель только один? Остальные пропили, что ли?!

— Нет, не пропили, мы банку просто разбили, в чем эссенцию нести, — объясняет Коля свернувшему за угол электрокару.— Я, дорогуша, антифриз в огнетушителях с базы выносил...

Надвинувшийся на Колю Эныч слегка подпихивает его.

— Ну чего раскрылетился? Давай топай.

— Не отставайте, ребята!— предупреждает Константиныч.— А то потеряетесь. У нас здесь полный Хорст Вессель.

Константиныч наваливается на железную дверь. Дверь скрежест, впуская приятелей в цех. Коля зажимает нос пальцами, Эныч морщится.

— Вот это да!— говорит Коля с французским прононсом.— Как у черта под мышкой!

— Это еще что! Ты в соседний бы цех заглянул, где лимитчики с вьетнамцами прописку отрабатывают. Человек там на ногах и минуты не устоит. Как-нибудь я вас туда проведу.

Цех, по которому идут приятели, наполнен разнообразными звуками. Здесь собрались гудение, скрежет, лязганье, вой, дребезжание и полный комплект стуков. Коля и Эныч вслед за пожарным лавируют меж уродливых громадных машин, подпрыгивающих и дергающихся в конвульсиях, меж деревянных столбов, подпирающих потолок, пролезают под галереей конвейеров, по которым ползут кровоточащие обрубки диковинных животных, скользят по лужам растекшегося машинного масла, задевают ногами за банки, металлические прутья, резиновые обрезки и обломки костей.

— Вы меня здесь подождите! Возле распределительного щита!— кричит в ухо Коле Константиныч.— Только рубильник не трогайте!

— Что?! Рубильник?!— не понимает Коля. Машет рукой.— Иди!

— Что?!— не понимает Константиныч. Тоже машет рукой.— Стойте здесь! Никуда не ходите!

Константиныч вместе с огнетушителем растворяется в темном провале. Коля и Эныч усаживаются на кучу промасленных телогреек. Сидят пять минут. Потом Коля не выдерживает, кричит Энычу:

— Пойду! Проверю! Что! Он! Там делает!

Подходит к провалу. Видит крутую железную лестницу. Берется за перила и спускается в темноту.

Слабеет машинный гул. Коля идет, перебирая рука-

ми по шершавой стене. С трудом отрывает подошвы башмаков от липкого пола. Замечает впереди огонек. Вскоре огонек разрастается и позволяет Коле увидеть Константиныча, держащего в руке импровизированный факел, состоящий из палки и масляной ветоши. Другой рукой Константиныч приподнимает проволочную сетку и, отогнув, лезет в образовавшуюся щель. Тащит за собой огнетушитель. Поскальзывается и падает за сеткой. Звенит стекло.

— Эй, Константиныч!— окликает пожарного Коля, приближаясь к сетке.— Опять банку раскокал? Чего ты там?..

В этот момент раздается хлопок, и к потолку устремляются голубоватые языки пламени.

— Эй, эй!.. Апостол!..— отпрыгивает от сетки Коля.— Ты полегче! Так и пожар устроишь! Давай быстрее вылезай!

Зацепившийся штаниной за проволоку Константиныч пытается подняться.

— Коля! Дружище! Помоги!— козлиный голос Константиныча полон ужаса.

Подбежавший к ограждению Коля тянет на себя сопротивляющуюся сетку и протягивает другу руку. Раздается еще один хлопок, погромче, и вырвавшиеся из-за проволоки языки пламени опаляют ему лицо.

— Помоги!!— орет объятый пламенем Константиныч. Потом булькает.

У Кувякина загорается рукав пиджака. Сбивая с себя пламя, Коля бежит к лестнице. Оглянувшись, видит, что его преследует огненный ручеек, попеременно делающийся то желтым, то красным, то голубым, то оранжевым. Ручеек расширяется. Колины волосы встают дыбом. Добежав до лестницы, по которой пляшут всполохи пламени, он вихрем взлетает наверх. Эныч, по-прежнему сидящий с задумчивым видом на телогрейках, шевелит губами и смотрит на машины.

— А-а-а!!— кричит Коля. Эныч не слышит. Коля

подскакивает к нему, трясет за плечо, орет в самое ухо:

— Рвем когти, Эныч!! Пожа-ар!!

Эн Энович подымается. На его лице написано недоумение.

— Чего ты?— говорит он.

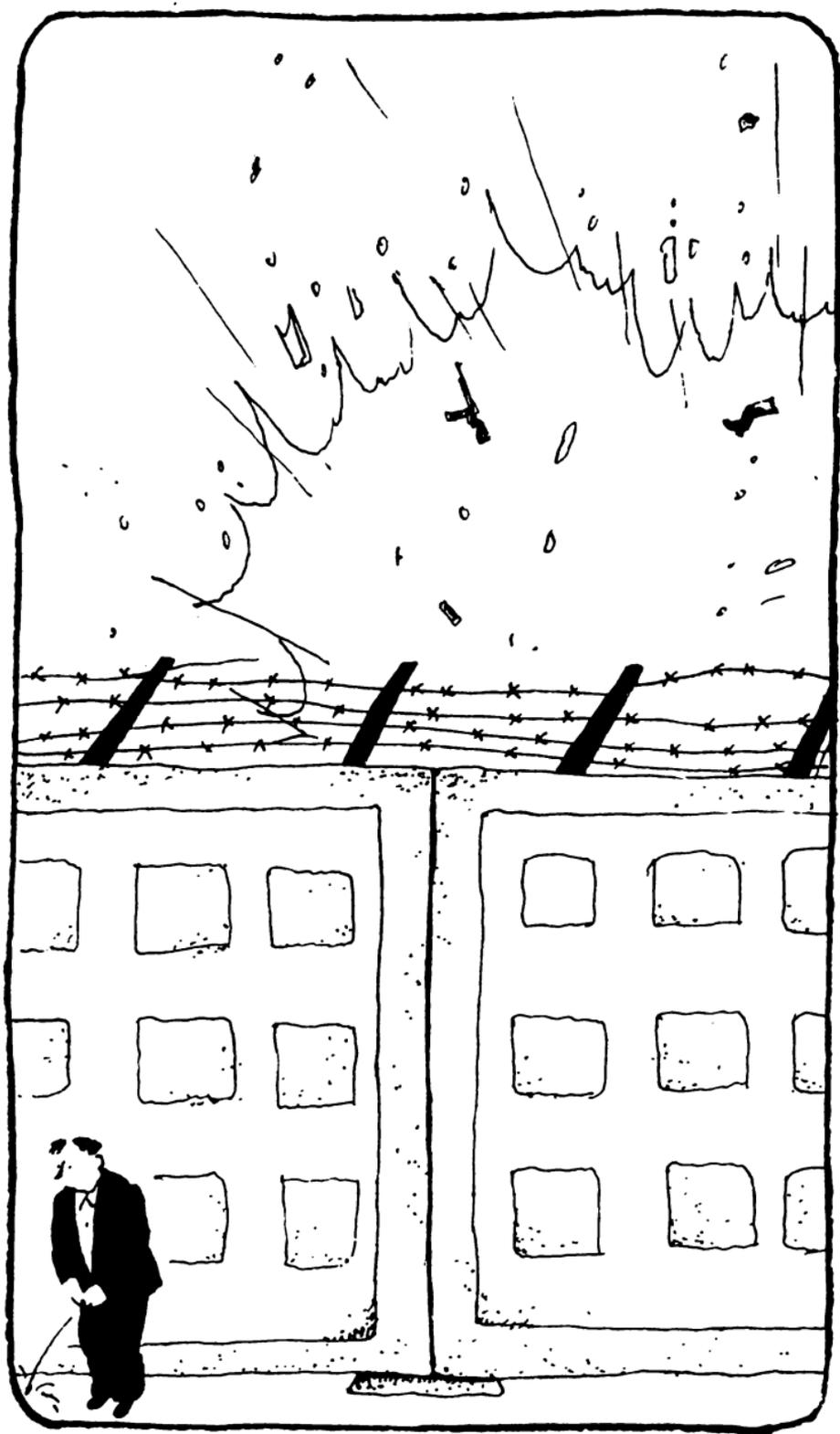
Коля беззвучно открывает рот. Его подрагивающая рука указывает в сторону провала. Эн Энович поворачивает голову. Из подвала вылетают клубы дыма. Эныч возвращает взгляд на прежнее место. Коли нет. Эныч снова глядит на провал. Сквозь дым пробиваются крупные искры.

— А Константиныч куда подевался?— произносит Эн Энович. Вертит головой и обнаруживает стремительно бегущего вдоль конвейера Кувякина. Коля несет огромными скачками, перепрыгивая через груды костей, банок, тряпок.

— Э-эны-ыч!! Вли-ипли-и!!— вопит Коля, стрелой пролетая мимо оторопевшего Эныча и пропадая из виду. Эныч замечает перебегающих от машины к машине людей. Они окружают его. Вырывающийся из провала дым окутывает Эна Эновича. Он чихает, кашляет и чувствует на себе несколько крепкоосьминожистых рук.

— Уйди!!— ревет Эныч.— Зашибу!!

Начинает работать корпусом и кулаками. Руки-щупальцы, державшие Эныча, отпускают его. Однако вновь чьи-то железные пальцы впиваются в запястье, пытаясь завернуть руку Эныча за спину. Эныч остервенело кусает врага. Грозно трубя, бросается сквозь дым в сторону выхода. Налетает на какие-то металлические предметы, сшибает несколько деревянных подпорок, падает и, скользя животом по полу, заезжает под один из конвейеров. К гулу работающих машин примешивается тем временем новый звук — треск, который вскоре переходит в оглушительный грохот. К Эну Эновичу под конвейер прикатываются куски бетона и кирпича. Становится тихо.

...Прислушиваясь к угрожающим раскатам, Коля мчится по коридору. Свернув за угол, наталкивается на глухую стену. Озирается и, увидев сбоку небольшую дверцу,— распахивает ее. Бежит по новому коридору. Внезапно в проеме возникают два силуэта и бросаются ему навстречу. Коля ныряет в обнаружившийся справа лаз и оказывается в большой с высокими окнами комнате, с выходящими из потолка толстыми трубами. Угол комнаты доверху завален пустыми жестяными банками. Недолго думая, Коля зарывается в них и замирает. Слышит шаги.

— Здесь,— звучит низкий голос.

— Зде-есь,— звучит голос повыше.— В этих банках сидит.

— Вы обнаружены, Кувякин,— предупреждает обладатель низкого голоса.— Вылезайте.

— И без глупостей,— добавляет обладатель высокого голоса.

Жестяная куча слегка шевелится.

— Да вы что, мужики. Я за вашего пожарника не ответчик. Я сюда случайно попал. И не Кувякин я никакой вовсе, а Буховский...

— Прекратить болтовню. Вылезай. Живо...

— Подумаешь, на завод пришел посмотреть. Ну, не Буховский я, а Брод...

— Стрелять будем, дожدهшься, Дядьковский.

— На размышление — пятнадцать секунд. Открываем огонь без предупреждения.

— Если будете стрелять, я кину гранату. Вот так,— говорит Коля.

Наступает тишина. Идут секунды. Затем что-то попискивает.

— Рубин. Рубин. Я тридцать пятый. Объект второй блокирован нами в шестом квадрате. Объект вооружен. Просим подкрепление... Вас понял.

Куча в мгновение ока разлетается. Стукаясь о потолок, о стены, друг о друга, гремят, скачут по полу банки. Издав воинственный клич, Коля встает во весь

рост. Глаза его смотрят в разные стороны. Рука занесена над головой.

— Вы чего, сволочи, издеваетесь?! А?!

Коля швыряет банку и бежит к окну. Пробив стекло, выпадает из здания. В несколько прыжков, едва не сбив солдата, достигает края траншеи. Его преследуют трое. Он перемахивает через ров. Его встречают четверо. Он спрыгивает на дно траншеи и бежит к административному корпусу. Перед ним объявляются еще трое. Провернувшись на пятке, Коля устремляется в обратном направлении. По обе стороны окопа солдаты-осетины ведут бой с Колиными преследователями. Мелькают пряжки ремней.

— Дембелей толкать?! Па-алучай! Собаки толсто-мордые!

— Под трибунал пойдете! Мы из Гэ... — Свистит ремень. — Бэ-э-э-э...

Миновав дерущихся, Коля вскарабкивается на эстакаду. Наткнувшись на пустой электрокар, он садится за руль и включает максимальную скорость.

По территории завода стелется черный дым. Пламя вырывается из окон производственных корпусов. Коля едва успевает объезжать появляющиеся перед ним стопки поддонов, баки, ящики, бочки. От стальных бивней кара чудом уворачиваются снующие в дыму рабочие и работницы, обезумевшие крысы и сотрудники органов. Вокруг Коли царит жуткая какофония. Съехав с эстакады, он заворачивает за трансформаторную будку и перед ним вырастает бетонная ограда.

— Стой! Стой! Хуже будет!— несется вдогонку Коле. Он закрывает глаза и съезживается. Сильного толчка, однако, Коля не ощущает. Когда он открывает глаза, электрокар идет по пустырю. Впереди, шагах в семидесяти, зеленеют деревья. Коля оборачивается. Весь завод охвачен огнем. Гигантские клубы дыма, скрученные в смоляные жгуты, взвиваются ввысь. Смешиваясь с облаками, дым расплзается, застилая небо. Из пролома в ограде выскакивают, бегут следом за Кувяки-

ным люди. Коля чувствует, что кар пошел вверх. Смотрит вперед и видит прямо перед собой толстое дерево и стоящий боком автомобиль, из которого выпрыгивают четверо. Тщетно он пытается избежать столкновения. Левый клык пропарывает багажник машины. Колю подбрасывает в воздух, ударяет о дерево, и он теряет сознание.

Майор Степанчук, лейтенанты Евсюков и Сычев, а также шофер поврежденной «Волги» наваливаются на Кувякина, и в ту же секунду на его руках и ногах оказываются никелированные наручники.

— От машины! От машины!— кричит шофер. Евсюков и Сычев подхватывают Кувякина и волокут в сторону. В противоположную сторону отбегают Степанчук и шофер. Машина взрывается.

Поскрипывая зубами, Степанчук смотрит на горящий завод. Видит, как потерявший ориентацию вертолет обламывает трубу и падает вместе с ее верхней частью на землю.

— Товарищ маёй. Пьёшу в мою машину.

К Степанчуку обращается старший лейтенант Волохонский.

— Где она?— спрашивает Степанчук.

— Йядом. На шоссе.

— Не могли подогнать поближе?

Маленький толстый Волохонский переминается с ножки на ножку. Степанчук идет к шоссе. Садится на переднее сиденье. Говорит в микрофон:

— Восьмой. Семнадцатый. Тридцать пятый. Кто там еще?.. Напоминаю: Чугуна брать только живым.

— Гибнут люди, товарищ майор.

— Не говорите глупостей.

...Разгребая щебень, гнущее железо и обломки кирпича, выбирается из-под конвейера Чугун-Эныч.

За шиворот Энычу сыплются осколки стекла. Дым

ест глаза. Стукнувшись головой о балку, Эн Энович падает. Встает и, протиснувшись между балкой и станиной машины, шагает по развалинам цеха. Слышит из-под бетонной плиты чей-то стон, нагибается и приподнимает плиту.

— Коля! Ты?

— Энов! Вы арестованы!— говорят ему снизу. Эныч опускает плиту. Идет дальше. Краем глаза замечает на занимающейся пламенем половине цеха подозрительное шевеление. Из-под груды искореженного железа показывается обгорелая нога. За ногой следуют не менее обгорелые корпус и голова. Появившись таким образом на поверхности, человек довольно быстрым шагом идет к Эну Эновичу. Эныч увеличивает темп ходьбы. Толкнув ногой свободную от завала верхнюю половину двери в углу бывшего цеха, он пролезает в образовавшийся проем и оказывается в полутемном просторном помещении. Свет проникает сюда через пыльные узкие окна. Закрыв за собой дверь, Эныч подпирает ее оказавшимся под руками коленом умывальника.

В помещении никого нет. Полязгивает один-единственный работающий вхолостую конвейер. Эныч идет вдоль него. Сзади что-то со стуком падает.

— Стой! Не уйдешь! Бросай оружие!

Эныч останавливается. Размышляет. Потом лезет под конвейер и вылезает с другой стороны.

— Стой, говорю!

Оглянувшись, Эныч видит, как конвейер уносит его размахивающего обгорелыми руками преследователя.

Эныч бродит в поисках выхода. Отыскивает его. Ходит по территории среди дыма, криков, огня. Ищет Колю. Поняв, что не найдет друга, покидает через пролом в ограде злополучное место.

...Майор Степанчук подводит итоги.

«Недурно. Очень недурно. Славно сработали... Под обломками рухнувшего в производственном корпусе потолка целиком погибла группа Бурцева. Самого Бурце-

ва конвейером затянуло в мясорубку. Без ноги остался, дядек моржовый. Тоже мне, лучший опер... В траншее обнаружены три болвана из тридцать пятой. С проломленными черепами... Еще неизвестно, сколько задохлось людей в группе перекрытия подземных коммуникаций... Разбился вертолет наблюдения вместе со всем экипажем... Сошел с орбиты и сгорел в атмосфере «Агамемнон»... Взорвалась машина. За нее Кувякин сполна ответит. В багажнике кейс с валютой от Молекулы лежал. Сгорел, наконец, завод... Прекрасная картина. Прямо Куликово поле. Впрочем, черт со всем этим. Самое плохое — ушел Чугун. На карьере можно поставить крест».

Майор видит в зеркальце, расположенном над лобовым стеклом, размеренно шагающего по шоссе человека. Неуверенным движением Степанчук достает из кармана зажигалку. Смотрит на нее. Зажигает. Тушит. Выключает рацию. Медленно вылезает из машины.

— Энов?— спрашивает он проходящего мимо «Волги» Эна Эновича.

— Да. Я.

— Вы арестованы.

Издали доносится вой пожарных сирен. Нарастает.

...Степанчук связывается по радиации с генералом Плуховым.

— Товарищ генерал, операция завершена.

— Взяли тихо?

— Сделали все возможное.

Управление генерала Плухова. Наполнив коньяком рюмки, генерал снимает с подноса фарфоровую тарелку с нарезанными лимонами и вазочку с трюфелями.

— Лимоны калифорнийские. Сахаром посыпать?— он опускается в кресло.— За что будем пить?

— За работу, Сергеич. За что же еще?— сидящий напротив генерала пожилой суховатый мужчина поднимает рюмку.

— За нее, Юрий Дмитриевич. За нелегкую,— соглашается Плухов. Пьют.

— Говоришь, калифорнийские?— усмехается Юрий Дмитриевич, посасывая желтый кружочек.— Думаешь, американцы в твоём городе шалят?

— Они, Юрий Дмитриевич.— Плухов разворачивает конфету.— Печенкой чувствую.

Отложив кожуру на блюдце, Юрий Дмитриевич поглаживает циферблат своих золотых часов.

— Нет, Сергеич, нет. Откалывать подобные номера нашим американским друзьям нет резона. Не до того им сейчас. Во-первых, в предвыборную кампанию они с головой ушли. Во-вторых, и другие проблемы их одолевают... С Ираном по уши завязли. Над африканскими ребусами попотеть приходится. Никарагуа. Сальвадор. Проблему кубинских беженцев мы им организовали. Ну, а ко всему прочему, они трясутся за торговые отношения.

Плухов жуёт трюфель, слушает.

— Так что твоя догадка сомнительна. Это не янки,— заключает Юрий Дмитриевич.

— Кто же? Китайцы?

Юрий Дмитриевич улыбается.

— Ну, ты даешь, Сергеич! Они до сих пор нашей послевоенной техникой пользуются! Им до такого прогресса пятьсот лет на волах тащиться!

— Так кто же? Юрий Дмитриевич, не томи.

Юрий Дмитриевич прищуривает глаз.

— Израиль!

Рука Плухова, протянутая к бутылке коньяка, зависает.

— У них сейчас треть населения — выходцы из России,— поясняет Юрий Дмитриевич.— Сам премьер-министр и половина его кабинета в разное время жили в Советском Союзе. Уж кто-кто, а они наши уязвимые места знают. И разведка их, как тебе известно, работает на достаточно высоком уровне.

— Не ожида-ал,— признается Плухов.— А мы еще народ к ним отпускаем!

Юрий Дмитриевич снова улыбается.

— Это особая статья. Пшеничку-то с Запада мы за что получаем? Да и не только в пшеничке дело. Много нюансов. Политика!

— Ох уж эта политика. — Плухов наполняет рюмку Юрия Дмитриевича.— Черт ногу сломит!

— Объем работы большой, говорить не приходится.— Юрий Дмитриевич берет рюмку.— Поэтому, я у тебя надолго и не задерживаюсь. Сегодня же — дальше. Не один твой город на мне висит.

Юрий Дмитриевич неторопливо пьет.

— А ведь на внешнем фронте в данный момент все складывается так, как мы и планировали...

Он смолкает, задумываясь. Через минуту спрашивает:

— Ну, а что у тебя со Степанчуком?

— Снюхался с первым секретарем обкома Борисовым. Да ты же знаешь.

— Знаю. Ну и какие ты принимаешь меры? Когда этот сукин сын пакостничать прекратит?

— Юрий Дмитриевич! Не могу же я его как дезертира пристрелить! Или как изменника... Воюю с ним день и ночь!

— Хорошо, Сергеич. — Юрий Дмитриевич приглашает серебрястые виски.— Я о нем с Антроповым поговорю. Лично. Что-нибудь придумаем. Нам такие двоеженцы в комитете не нужны.

— Спасибо, Дмитриевич.

— Потом будешь благодарить. Когда твоего гуся яблоками набьем. А пока расскажи, как ведешь работу со слухами.

— Как положено. Распространяем и в городе и по области. Согласно списку.

— Фотографий хватает?

— У каждого шофера на лобовом стекле по одной, а то и по две. Но дополнительная партия не помешает. Осталось еще кое-какие глухие деревни по области охватить.

— Хорошо.

— Мы еще, Юрий Дмитриевич, по собственному почину наладили выпуск календариков с его портретом. Распространяем в поездах, на вокзале, в общественных туалетах.

— Хорошо.

— Юрий Дмитриевич!— Плухов приподнимается с кресла.— Может быть, все-таки рюмки побольше достать?

Юрий Дмитриевич останавливает генерала.

— Не гони, Сергеич. Вечером наверстаем. А теперь ответь-ка ты мне лучше, почему Дельцина не уберегли.

Плухов встает. Разводит руками.

— Не наша вина, Юрий Дмитриевич. Я уже рассказывал. Его сначала загипнотизировали, потом из города вывезли, задушили и в мешок спрятали. Таксист, принимавший участие в ликвидации капитана, скрылся. Ищем.

— Я тебя спрашиваю не о том, как его убрали, а о том, почему вы не уберегли моего лучшего работника?

Плухов садится. Молчит.

— Вот то-то и оно,— говорит Юрий Дмитриевич.— Есть над чем подумать... Ну, значит, так. Я через три дня обратно буду лететь. Тогда и заберу с собой в Москву твоего супермена Энова, пока его наш дружок Молекула не перехватил... Да, вырос мужик, ничего не скажешь,— пощипывает он ухо.— Был у нас на побе-

гушках, а теперь — величина-а-а... Ну, значит, ты меня понял, позэнергичнее эти три дня поработай с Эновым, а мы продолжим. Особых мер воздействия прошу не применять. Материал передашь мне в целости. Наслышан я о вашей «кричалке»... Понаблюдай за городом. Установленных сообщников пока не бери. Энова и Кувякина советую посадить в одну камеру. Послушаешь, о чем говорят. Ну и так далее. Сам знаешь. Мультфильм сейчас же отправь в Москву. В ЦэКа уже и об этом известно. Интересуются. Киномеханика можно в «кричалку». Только не убивать. Жаль, что сгорел пожарный. В общем, поподробнее поговорим на днях. Думаю, тебе будет о чем доложить... Ландсгербиса и Джугашхурдию от тебя забираю, а то и этих угробишь... А Дельцина... Ладно, Дельцина, пожалуй, спишем на счет Степанчука.

— Спасибо, Дмитриевич. Большое.

— Как общественное мнение в городе? Какова его реакция на чудеса?

— Все в порядке, Дмитриевич, не беспокойся. По области я поднял на ноги все воинские части. Город в кольце двух танковых бригад. Солдат расселяем по школам. Это на всякий случай. Патроны им выданы боевые.

— Молодец, Плухов. По-боевому решил вопрос.

— Борисов сначала ерепенился, но в результате все утряслось...

— Ну, что же. — Юрий Дмитриевич смотрит на часы. — Хорошо. Как там твои обещанные пельмени? Не стынут?

· ...— А когда я была в Италии, Юрий Дмитриевич, кормили нас исключительно плохо. Одними пиццами под разным соусом. Только от одного их вида дурно делалось. И еще жара постоянная! Мне кажется, там, в Америке, мое здоровье и подорвалось. А Лас-Вегас их хваленое — обыкновенная дыра. Одни помойки. В Анжелесе, правда, более-менее ничего. Водички много. пляжей. В Чикаго или Бостоне — приличные магази-

ны, но пыль, суета... че-ерные... Приехала я, в общем, домой совершенно разбитая, тяжело больная...

— Поезжайте в Швейцарию, Галя,— советует Юрий Дмитриевич.— Горы, чистый воздух, тишина, что еще надо... — Отодвинув тарелку, вытирает уголки рта.— Знатные пельмени. Молодец, хозяйка. Сыт.

— Я их, правда, не совсем сама готовила,— на щеках супруги Плухова играет румянец.— Маруся, наша прислуга, мне помогала... Может быть, еще тарелочку скушаете?

— Тарелочку скушать?— улыбается Юрий Дмитриевич.— Разве что ради вас, Галя.

— Мару-уся!— зовет Галя.— Мару-уся, где ты?!

Плухов откупоривает новую бутылку «Смирновской».

— Теперь за что выпьем?— спрашивает он.

— Выпьем за Юрия Дмитриевича!— предлагает Галя. Поправляет волосы. Поднимает свой бокал с шампанским.— Юрий Дмитриевич! За ваше здоровье! Вы так похудели, осунулись. Совсем, наверно, там, в Москве, не отдыхаете...

Юрий Дмитриевич с благодарным видом кивает. Осушает емкость.

— Вы берите огурчики. Вот грибочки соленые. Сама солила. Буженинку почему не кушаете, Юрий Дмитриевич? Свеженькая. Обижаете. И до икорки не дотронулись, ни до черной, ни до красной.

— Спасибо, Галина. А вот по поводу икорки черной я вам из Норвегии привез пикантный анекдот.

Юрий Дмитриевич рассказывает анекдот. Галя смеется. Подносит руку к глазам. Отклоняется всем телом. Трясется ее пышная грудь. Плухов поперхивается. Его душит кашель. Лицо багровеет. Юрий Дмитриевич ударяет генерала кулаком меж лопаток. Из Плухова вылетает кусок плохо пережеванной буженины.

— Ой, не могу!— Галя обхватывает обеими руками колышущийся живот.— Ой, уморили, Юрий Дмитриевич!

Она подносит к лицу салфетку. Плечи продолжают вздрагивать.

— Ну, ты и глотаешь! Как будто украл!— шутит Юрий Дмитриевич.— Хотите еще анекдот, Галя?

Галя отнимает салфетку от лица. По щекам ее текут слезы, губы искривлены.

— Что с вами?— удивляется Юрий Дмитриевич.

— Не обращайтесь внимания.— Галя рыдает.

Юрий Дмитриевич из сифона набирает в стакан воды, подносит к Галиным губам.

— Ах, не надо. Мне это не поможет.— Галя пухлой рукой отстраняет стакан.— Все гораздо серьезнее!

— Опять!— цедит сквозь зубы Плухов.

— Все врачи у меня побывали. Часами осматривали. Чего только не прописывали, чего только не делали со мной, и толку никакого. Моя болезнь неизлечимая, и все это знают, и не признается никто. Боятся правду говорить.

— Перестань, Галя,— просит Плухов устало.— Ты совершенно здорова.

— Я всегда знала, что ты моей смерти хочешь! Специально делаешь вид, что ничего не замечаешь! Ты заодно с врачами!..

— Оставь, Галя. Хватит.— Плухов обхватывает голову руками. Юрий Дмитриевич пытается успокоить его жену:

— Поверьте моему слову, Галина Григорьевна. Вы до ста лет проживете!

— И вы не хотите меня понять!

Галя роняет салфетку, встает и удаляется из столовой. В дверях оборачивается.

— Пейте свою водку! Алкоголики!

— Пойдем в кабинет, Дмитрич.— Плухов вздыхает.— Ну их, этих баб... Они как нарочно. Когда работа навалится и нервы все на пределе, начинают сцены закатывать! Правильно ты сделал, что не женился!

...На рабочем столе, между телефоном и бюстиком, стоит початая бутылка самогона. У Плухова и

Юрия Дмитриевича по граненому стакану в руке. В другой руке Плухов держит редиску, а Юрий Дмитриевич — зеленый лук. На лицах у обоих выражение довольства.

— Угодил, Сергеич, молодец. В самую точку попал. Как же ты догадался?

— Она у меня давно припасена. Все ждал, когда мы с тобой вот так.. По-простому, по-домашнему, вдвоем посидим. Давно нам такой случай не представлялся. Я здесь заправляю, ты, как говорится, в столице... Что там, кстати, нового наверху, у Динозавров, Дмитрич?

— Все, Сергеич, по-прежнему. Партия склеротиков воюет с партией реаниматорщиков.

— А наша позиция какая?

— Ну, мы-то что? Наша лотерея беспроигрышная. Наблюдаем.

— Давай тогда, Дмитрич, за эту нашу позицию и выпьем.

Плухов тянет руку со стаканом к Юрию Дмитриевичу, чокается.

— А почему с диссидентами такая возня?— спрашивает он через полминуты, похрустывая редиской.— Что мы с ними нянчимся?

— Много нюансов, Сергеич. Квебекская встреча на носу. Торговля опять же. Ты думаешь, компьютеры для наших управлений с неба падают? Нет, Сергеич, не с неба. За то, что эти субчики на свободе погуливают, Запад нам их и поставляет. Да и что эти диссиденты могут сделать? Мы за каждым их шагом следим с помощью тех же самых компьютеров. А кое-какие направления в так называемом демократическом движении нас даже устраивают.

— А те, которых туда выпустили? Они — не опасны?

— Что ты, Сергеич! Среди них и фигуры-то нет ни одной приличной. Есть один генерал, да войско у него мышинное. Грызутся постоянно между собой, больше нет у них дела... Наливай, Сергеич, наливай.

Плухов и Юрий Дмитриевич выпивают.

— Политическая эмиграция нас мало волнует. — Юрий Дмитриевич передергивается от выпитого. — Хор-рошая штука... Другое дело немцы, которых мы в Казахстан засадили. Если разрешить им выехать в ФРГ, то вся наша целина в два счета развалится... Да что мы все с тобой о делах, да о делах. Расскажу-ка я тебе пару забавных случаев. В Иране, например... ха-ха-ха!.. наши люди последние тридцать лет внедрялись, в основном под одну крышу — наркомания и проституция. А как пришел к власти козел в чалме со своей исламской революцией, так всех этих агентов по шею в землю закопал и камнями забил. Как тебе такой поворот?

— Забавно! — соглашается Плухов, смеется. — Слушай, Дмитрич, маловато мы с тобой захватили закуски. Я, пожалуй, пойду в холодильнике пороюсь. Поищу буженинку, осетринки захвачу, ананас. Может быть, от арбуза не откажешься?

— Тащи, Сергеич. Не откажусь.

Генерал выходит из кабинета. Юрий Дмитриевич встает, подходит к книжным полкам. Напевает:

— Артиллеристы! Иосиф дал приказ...

Разглядывает корешки книг. Переходит к висящей в углу картине.

— Старый знакомый. — Юрий Дмитриевич качает головой. — Перехватил у меня Петух в Будапеште этого Брейгеля... Скотина... Ничего. Я у него из-под носа парочку Дегá оттяпал и Пикассо...

Входит Плухов, сваливает принесенную снедь на стол.

— Любишься, Дмитрич?

— Да. Старое вспоминаю. Давай-ка, Петр, выпьем за боевую нашу молодость.

— За нее грех не выпить. Прошу к столу.

Плухов наполняет стаканы доверху. Ребром ладони разбивает арбуз. Разлетаются по комнате семечки, по столу течет сок.

— За славные наши дела!— говорит Юрий Дмитриевич. Пьет.

— А помнишь?..— Плухов утирает рот тыльной стороной кисти.— Мальчишкой помнишь себя?

— Помню, Петя.

— А меня помнишь мальчишкой? Помнишь деревню нашу — Коноваловку?

— Помню.

— А помнишь, я тебе в ночном последнюю картофелину отдал?

— Отлично помню. Она наполовину гнилой оказалась.

— Ну, Юрка, не ври! Ты ее, горячую, за обе щеки уплетал. Аж слезы лились. А ведь папаня твой, Пирань-Матвей, секретарь сельсовета, не один центнер зерна за баней захоронил. Вы молодцы: голодали вместе со всей деревней, пухли, а когда все вымерли, вот тут-то запас и пригодился

— Было дело... А помнишь, Петя, сторожа в колхозном саду?

— Каткич-Даньку! Как не помнить этого горбуна! Девяносто лет было старику, а по саду скакал, как заяц.

— Крепко он тебе, Петя, в одно место картечью засадил. Но и ты с ним здорово рассчитался: поломанный обрез подбросил, под хорошенькую статью подвел. А когда старикашку на телеге в район везли, он и загнулся при попытке к бегству. Кто бы мог тогда подумать, что это твоим первым делом станет!

— Потом мы с тобой подросли, комсомол направил нас на рабфак,— вспоминает Плухов.— Мы там сразу же себя проявили, и взяли нас в училище НКВД.

— Да, вместе мы с тобой в науки вгрызались,— подтверждает Юрий Дмитриевич.— Частенько ты на моих подсказках вылезал. Но физически грамотный был.

— А разлучила нас война,— продолжает Плухов.— Разбросала... И повстречались мы, Юрбан, уже в госпитале. В сорок четвертом. Помнишь?

— Помню, Петух. А как же!— Юрий Дмитриевич улыбается.— Вхожу я в палату, гляжу: задница знакомая из-под одеяла торчит. До-олго ты тогда на животе провалялся. Как тебя только твоя Галина рассмотрела? Ума не приложу.

Плухов и Юрий Дмитриевич замолкают. Окунаются в розовый мир воспоминаний. В их глазах умиротворенность. Слышно, как падают со стола на паркетный пол капли арбузного сока.

— А помнишь?!.— хлопает по коленке Плухов.— Главврача в госпитале помнишь? В пенсне ходил. Бородку козлиную, как у Троцкого-Бронштейна, носил. Интеллигентного из себя корчил. Он тебя хотел раньше времени выписать. А ты вовремя услышал его разговор с раненым летчиком о новых типах самолетов и сообразил, что оба они хотят перелететь через линию фронта и сдать врагу!

— Приятно... Приятно, Петя, молодость вспомнить.

— А помнишь Австрию?— Плухов хлопает по обеим коленкам.— Помнишь, власовца вешали на осине? Мы тогда фотографировались под ним с ребятами. Помнишь, как ты схохмил? Папиросу свою в рот ему вставил. Замечательный вышел снимок!.. Давай-ка, Юрбан, альбом полистаем! Много там для нас памятного!

Юрий Дмитриевич, вздохнув, пальцем постукивает по часам.

— Рад бы, Петя, но закругляться пора. Надо лететь. Дела. Вот, часы забываться не дают. Не простые часы-то, именные. Виктор Вильямович недавно передал.

— За что, Юрбан?

— Как-нибудь потом расскажу.— Юрий Дмитриевич встает, похлопывает Плухова по плечу.— Это длинная история.

— А посошок на дорожку, Дмитрич?

— Стареем... Стареем,— улыбается Юрий Дмитриевич.— Как же без посошка?

...Генерал Плухов открывает дверь в спальную ком-

нату. С грохотом падает приставленный к двери стул. Генерал входит. Поднимает стул. Шепотом спрашивает:

— Галя, ты спишь?

Жена тяжело переворачивается на другой бок — спиной к Плухову. Не отвечает. Выглядывает из-под одеяла голубоватая от света ночника Галина нога. Генерал раздевается, кладет одежду на стул. Идет, ступая босыми ногами по ковру, к кровати и ложится рядом с женой. Галя отодвигается.

— Галя, ну кончай дуться.

Жена молчит. Плухов вздыхает. Почесывает грудь, живот. Пододвигается ближе к Гале, смотрит на ее голую ногу.

— Постарайся меня понять. Ведь это так естественно. К нам гость приехал. Непростой гость. Друг нашего дома... Я неправ, конечно. Но ты должна понимать. Работа такая. Собачья должность... Возможно, я был к тебе невнимателен. Недостаточно чуток. Но я действительно очень устал.

Генерал кладет ладонь на Галино бедро. Жена отмахивается локтем. Сбрасывает с себя руку Плухова.

— Устал, так спи. И мне не мешай.

Минуту генерал лежит без движения. Потом берет-ся рукой за поднявшийся предмет. Думает.

— Галя, я понимаю твое беспокойство. Похоже, ты и впрямь не совсем здорова. Все сделаю, что смогу. Завтра же лучших специалистов выпишу из Москвы. Светил нетрадиционной медицины. Прямо с утра. А хочешь — в Швейцарию поезжай. Там одно Женевское озеро чего стоит.

Галя неопределенно шевелит ногой.

— Не нужны мне твои подачки.

Генерал спускается ниже под одеяло. Его голова сползает с подушки. Он сгибает ноги в коленях.

— А помнишь, как мы с тобой познакомились? Наши первые поцелуи в ординаторской... Ты у меня такой шалуньей была. И сейчас ты шалунья. Я тебя, конечно, никогда не ценил. Твою ласку. Тепло. Неж-

ность. Я только теперь начинаю по-настоящему осознавать, как ты мне нужна. Ты для меня сейчас единственный человек. Самый близкий. Хочешь, Галя, тебе мои люди из Каирского музея украшения Клеопатры достанут.

— Ты мне лучше афганскую дубленку достань,— говорит жена. Слегка разворачивается.— Я в шубке мерзну.

— Достану, Галчонок. Я уже думал об этом. Обязательно достану.

— Ты все обещаешь-обещаешь. — Галя ложится на спину.— Я уверена: будь у Юрия Дмитриевича жена, она бы давно носила дубленку.

— О чем ты говоришь, дорогая?— генерал стягивает с жены одеяло. Задирает Галину ночную рубашку и становится между ее ног на коленки.— Причем здесь Юрий Дмитриевич?

Генерал вводит предмет. Его ноги подрагивают.

— Ой,— говорит Галя.— Изольда пришла!

Галя отодвигается от генерала, прикрывается рукой.

Плухов оборачивается. Видит в ногах свернувшуюся клубком собаку.

— Фу!— говорит он, спихивая Изольду с кровати.— Пошла отсюда!

Изольда опять запрыгивает на постель. Генерал бьет ее пяткой по голове. Собака визжит. Забивается под кровать. Генерал намеревается вернуться в прежнее положение, но ночная рубашка уже обтягивает Галины бедра. Плухов пробует снова ее задрать. Жена мешает.

— Не хочу,— говорит она.— Ты меня обманешь. Сначала дубленку достань, а потом будем разговаривать.

Звонит телефон.

— Сними трубку,— командует Галя. Генерал, держась одной рукой за предмет, подносит другой телефонную трубку к уху.

— Да... Это ты, Наташа? С ума сошла! Хоть ты и

дочь нам, но звонить в три часа ночи — это уже слишком!.. Что? Не тараторь. Говори спокойней... Понятно. Позвони завтра утром... Что?.. Да! Да! Хорошо. Позвони утром. Спокойной ночи.

Генерал бросает трубку на аппарат. С досадой обнаруживает, что в сжимавшей предмет руке ничего нет. Ложится и накрывается одеялом.

— Что случилось с Наташей? Почему ты с ней так грубо разговаривал?— спрашивает жена.

— А-а! Вечная история! С новым ее хахалем какие-то неприятности. Пока не знаю, какие... И когда это прекратится! Первый ее кандидат в женихи, художник, в казино для партийных и творческих работников драку затеял. Букмекерской загребалкой распорядителю глаз выбил. Выручил я его. Второй ее ухажер, церковный служака, тайком из часовенки по шинам маршрутных автобусов стрелял из духового ружья. Третий, дирижер из военного оркестра... Альбертом, кажется, звали... как не в настроении, выходил белым днем на улицу и просто бил морды прохожим. Предпоследний, Владимир ... хм... Вольфович — придурок-полутурок, на вечном огне с компанией на день рождения Муссолини шашлыки жарил... Будем надеяться, с этим балбесом у нее что-то получится. С Огаревым шестой раз придется завтра разговаривать!

— Ты все-таки отец, Петро. Должен о ребенке заботиться.

Генерал встает, надевает халат. Идет в кабинет допивать самогон. В дверях гостиной обнаруживает Изольду. Хватает ее и швыряет в стоящий посредине комнаты рояль.

— Говорить с вами буду откровенно, Пархоменко. — Майор Степанчук изучает меню.— Вы, очевидно, приятно удивлены, что наша беседа протекает на сей раз не в камере и даже не в моем кабинете. Оглядитесь,

Пархоменко: столики, скатерти, салфетки, официантки... — Не отрывая взглядя от меню, Степанчук указывает пальцем в иллюминатор:— Море. Чайки. Как в Сочи. Красиво, Пархоменко, не правда ли?.. Один из лучших ресторанов. Поплавок «Прибой»... А дышится как! А? Нет?

— Дышится так себе, Эдуард Иванович. — Собеседник майора вертит в руках спичечный коробок, достает спичку, рассматривает ее блеклыми водянистыми глазами, трет ею свои редкие светлые волосы и начинает ковырять в правом ухе.— И море, я бы отметил, ненатуральное. А этих ворон вы называете чайками? Спасибо, в общем-то, и на этом. Ясное дело, в камере хуже.

— Недолго осталось.— Степанчук обнажает зубы.— Еще один раз поможете нам, и будете на свободе. Прокуратура пойдет навстречу. Сможете снова забавляться со своими собачками. Вы, я так понимаю, с ними ужинаете в заведениях не чета этому... Вот что, мой вам совет: впредь будьте умнее, Пархоменко, приводите животных домой. В сквере нельзя. Сотни глаз.

— Учту, Эдуард Иванович.

— А все-таки мне непонятно. — Бульдोजья челюсть Степанчука подается вперед. — Какое вы в этом находите удовольствие. Столько симпатичных женщин вокруг, присмотритесь... Да и сами вы вроде бы не урод, не какой-нибудь Педичка Цитрусов. Нет, не понимаю я ваших наклонностей.

Пархоменко ухмыляется. Берет оставленное Степанчуком меню, листает.

— А вы попробуйте. Поймете.

— Но-но, Пархоменко. Что-то вас не туда заносит. Я таких шуточек не люблю. — Степанчук постукивает по столу вилкой.

— Эдуард Иванович, извините. А что вы собираетесь заказать?

— Эскалопы и сухое вино,— сухо отвечает майор.— Вас это устраивает?

Пархоменко кривит рот. Степанчук ищет взглядом официантку. Не находит, ворчит:

— Куда это наша Таиса Афинская подевалась? Как сквозь землю провалилась. Никогда не дождешься этих вертихвосток.

— Вот именно. А вы говорите: женщины. Женщины — сплошной вакуум. Другое дело наши четвероногие друзья.

— Хватит. Переключитесь. Мороженое будете?

У Пархоменко ломается спичка.

— Эдуард Иванович, я не мальчик. Прошу вас, не заказывайте сухого вина. Не надо мороженого. Мы же с вами русские люди!

— Нет. — Степанчук качает головой. — Водку вам пить сегодня нельзя. Через два часа мы едем в управление, и вы сразу приступаете к делу.

— Хотя бы сто грамм... А вот и ваша Таисия. Заказывайте скорее, пока ее та парочка не перехватила. Вон, видите, бугай своей тыковкой натрясывает.

За столиком у дверей сидит Евсюков. Он в темно-синем костюме, под подбородком у лейтенанта — атласная, в горошек, бабочка. Рядом с ним, поглядывая в зеркальце, пудрит нос девушка спортивного типа.

Официантка, извлекая из кармана мятого передника блокнот, приближается к Степанчуку и Пархоменко.

— Выбрали?

— Да,— говорит Степанчук.— Пожалуйста. Две порции эскалопа. Бутылку сухого вина. Мороженое.

— И все?— официантка поджимает губы.

— Все.

— Сухого нет. Берите водку,— заявляет официантка.

— Надо брать. — Водянистые глаза Пархоменко голубеют.— А то без обеда останемся, Эдуард Иванович.

Степанчук глядит на официантку, в меню, на Пархоменко.

— Ну, ладно. Несите водку. Маслины есть?

— Пишу рыбный салат,— говорит Таисия и отходит к столику Евсюкова. Оттуда слышится:

— Бутылку фруктового напитка и пирожные.

Официантка фыркает и покидает зал.

Пархоменко потирает руки.

— Водочка — это другое дело. Только бы она ее поменьше водой разбавила.

— Рано радуется,— предупреждает Степанчук.— Придется вас по прибытии в управление основательно прочистить... Ну, к делу. Запоминайте все, что я вам скажу.

Майор пристально смотрит в лицо своего собеседника.

— Вся ваша предыдущая работа, Пархоменко, не идет ни в какое сравнение с тем, что вас ожидает. Раньше вам попадались преступники различного плана, но все они были люди наши, советские... ну, пусть заблуждающиеся, запутавшиеся, обманутые, но все же не отпетые мерзавцы. Теперь готовьтесь к встрече с настоящими матерыми зверями.

Пархоменко берет новую спичку, проводит ею по волосам, принимается ковырять в левом ухе. Предполагает:

— Агенты иностранной разведки? Профессионалы?

— Вы на удивление проницательны... Ну, бояться вам ничего не надо, просто следует быть предельно внимательным и осмотрительным... Перестаньте ковырять в ухе... Предупреждаю: любая фальшь повлечет за собой провал, так что не выдумывайте и не несите всякую чушь. Побольше правды. Побольше говорите о себе, только забудьте о своей настоящей статье. Статью я вам предлагаю взять шестьдесят четвертую. Вы — жертва несправедливости, оговора, сомкнувшихся в цепь случайностей, но тюрьма сделала из вас настоящего борца, человека идеи. На этом и стойте — такой вариант легенды поможет вам в процессе налаживания контакта. Времени для работы у нас катастрофически мало — два дня...

Перед Степанчуком появляется салатник с нарядной резной луковицей, придавившей ко дну худенький ви-негрет. Рядом с салатником возникает тарелка, в которой картофель победил мясо. То же самое оказывается перед Пархоменко. Зато центр стола — во власти полного по самую макушку граненого графина. Пархоменко гладит руку Таисии.

— Спасибо, ластуля. Сервис на все сто.

Официантка, поигрывая бедрами, удаляется.

Прижав к груди руки и не отрывая взгляд от графина, Пархоменко читает молитву:

— Дядя наш. Иже еси на небеси! Да святится имя Твое, да прибудет Царствие Твое, да...

— Хватит валять дурака и слушайте дальше. — Разлив водку по рюмкам, ставит графин рядом со своей тарелкой Степанчук. — Подопечных у вас будет двое. Работают они под простых советских людей. Сыграйте на том, что вы из рабочей семьи. Вспомните волнения в нашем городе. Побольше и поизобретательней ругайте порядки, строй, органы, правительство, восхищайтесь западным образом жизни. Вообще, покажите себя человеком умным. Раскройте саму сущность нашей государственной системы, ее гнилую природу. Следите за лексикой. Не нужно витиеватостей, используйте поменьше сложных предложений. Обязательно расскажите о том периоде, когда вы работали санитаром в психиатрической клинике. Остальное — по ходу дела, на ваше усмотрение. В камере, как всегда, будут установлены микрофоны. Вернее, уже установлены. Организовано круглосуточное дежурство у динамиков. За стеной, на случай непредвиденного поворота событий, — ваши телохранители. Если понадобится нам для дачи дополнительных инструкций, — заберем вас из камеры. Якобы на допрос... Что непонятно? Какие вопросы?

— Девушка! Сколько можно? — негодует за столиком у дверей Евсюков. — Где наш заказ?

— А ты не хулигань! — охотно откликается официантка. — Что раскричался, руками размахался?!

— Вопросов нет,— говорит Пархоменко, пьет.

— Подумаешь, грозный какой!— продолжает Таисия.— Дома командуй! Мама тебе на кино, наверно, деньги дала, а ты с утра пораньше по ресторанам с девками шляешься! Такой большой, а без гармошки. Комсомолец, поди! Или пионер?

Пархоменко поворачивает голову, шутит:

— Да плюнь ты этому акселерату за воротник, ластуля.

— Перестаньте. Быстро же вы опьянели,— говорит майор.

Покрывшийся пятнами Евсюков сжимает кулаки.

— Дайте жалобную книгу! Я вам сейчас покажу! Комсомолец! Кино! Лимонад! Мама! Вы у меня попляшете под гармошку!

Степанчук отодвигает салат и принимается за эскалоп.

«Ну и баран!— думает он.— Действительно без гармошки».

— Повторим?— предлагает Пархоменко.

Степанчук берет графин.

«Капита-ально тебя прочистим, кот собачий».

— Вы когда-нибудь перестанете ковырять в ухе?

— Это у меня нервное, Эдуард Иванович. С армии. Подарок Гречко.

Бьют куранты. Первый секретарь обкома Борисов — высокий, ладно скроенный мужчина — открывает массивную дверь, ступает на красную ковровую дорожку. Чуть выставив кожаную папку, спрашивает с нотками уважения в бархатном голосе:

— Можно, Михаил Андреевич?

Сухощавый старик, сидящий за небольшим столом, поднимает глаза. Кашляет, трясая седой челкой.

— Проходите,— говорит он, прокашлявшись.— Садитесь на стул.

Борисов подходит ближе к столу. Садится, кладет папку на колени. Поправляет депутатский значок на лацкане пиджака. Старик опять принимается кашлять. Его восковое лицо покрывает испарина. Старик достает платок. Борисов вежливо отводит глаза. Глядит в окно на золоченые купола.

— У нас мало времени,— предупреждает хозяин кабинета.— Я имею в виду, что вам следует поторопиться. Говорите.

Борисов учтиво кивает, открывает рот. Гремит телефон. Старик сурово смотрит на Борисова. Берет трубку.

— Сурков вас слушает. Куда вы звоните? Мой номер два. Говорите.

Борисов теребит лежащую на коленях папку, разглядывает нависающий над Сурковым портрет. Ждет окончания телефонного разговора.

— Кто вам сказал, что с этим вопросом надо обращаться ко мне? Звоните по номеру три. Именно так. Но сначала вы мне ответите на заданный мной вопрос. О чем я вас спрашивал?— Сурков кладет трубку, идет к расположенному в углу комнаты холодильнику, возится с дверцей.— Кто мне ответит, почему не работает ключ?

Повозившись с минуту, Сурков возвращается за стол. Похрустывая костлявыми пальцами, напоминает Борисову:

— Покороче. Времени практически не осталось. Я помню, откуда вы, кто вы. Рассказывайте. Что у вас там творится? Почему вы в Москве?

Борисов открывает папку. Начинает:

— В нашем городе беспорядки, Михаил Андреевич. Вот уже третий день. А комитет с нами в прятки играет.

— Не время сейчас в пятнашки играть.— Сурков кашляет.

— Извините, в прятки, Михаил Андреевич.— Борисов незаметно стирает слюну со щеки.

— Тем более. — Сурков вытирает испарину. — Ведь наша задача состоит прежде всего в том, чтобы добиваться более глубокого и всестороннего понимания самыми широкими массами актуальных вопросов теории и политики партии.

Сурков заходится кашлем. Корябает пальцами стол. Борисов тихонько вздыхает.

— Разногласия начались давно, Михаил Андреевич. Когда в последний раз умирляли рабочих из числа незнательных элементов, я предлагал временно повысить заработную плату. Хотя бы на два месяца. А товарищ Плухов предпринял иные шаги, в результате которых было много жертв среди мирного населения. Благодаря усилиям наших партийных и профсоюзных организаций жизнь быстро вошла в нормальную колею, и до последнего момента никаких эксцессов не происходило. Но то, что творится в последние дни... В крайне серьезной ситуации, сложившейся в городе, товарищ Плухов явно не откровенен с руководящими партийными органами области. Единственный источник информации, позволяющий нам судить о направлении шагов, осуществляемых комитетом, — это майор Степанчук. Настоящий коммунист, глубоко сознающий свою ответственность перед партией и правительством...

— И народом, — дополняет Сурков. Утирает рот. — Да, товарищ секретарь обкома, недостаточно хорошо вы внедряете в жизнь решения наших съездов. Ведь это в вашем городе появилась та самая Лолитка — новое идеологическое оружие врага.

— Красная Шапочка, — уточняет Борисов.

— Вот-вот. Омерзительнейшее явление. Запад пытается развратить не только сердца и умы, но и... Что вы хотели?

Сурков смотрит мимо Борисова. Борисов слышит за своей спиной голос:

— Михаил Андреевич! Прилетел Жак Миттеран. Просится на прием.

— Миттеран... Миттеран,— припоминает Сурков.—
Эфиоп?

— Да нет. Из французских левых.

— Пусть подождет. Скажите, приму позднее... Каждый день кто-нибудь прилетает. Всем необходимо деньги подавать. Задумайтесь, товарищ секретарь горкома. Бюджет не резиновый.

— Обкома,— осторожно поправляет Борисов.

— Обкома, обкома. Задумайтесь, товарищ секретарь!

На лбу у Борисова образуется складка. В глазах — озабоченность в связи с ограниченными возможностями бюджета. Сурков встает, отправляется к холодильнику. Снова пытается отворить дверцу. На этот раз дверца открывается.

— Ну вот. Хорошо,— говорит Сурков. Достает из холодильника красное пасхальное яйцо. Вертит его в руке, хмурится, спрашивает у яйца:— Сын Дядин Воскрес?— Нюхает яйцо.— Ффуу!.. Воистину Воскрес!— Захлопывает дверцу, идет назад, садится. Пронзает Борисова взглядом.— Новое время. Новые условия борьбы. Новые враги. И новые задачи. На данном этапе мы разработали, например, следующий метод: перехватываем любое начинание Запада, любую их инициативу и с помощью мощного пропагандистского аппарата используем на благо нашей великой цели. Для наглядности: смехотворная буржуазная кампания в поддержку прав человека. Чего добилась эта кампания? Ничего. А нам она дала многое. У нас теперь гораздо лучше знают, как на Западе попираются права человека. Или же возьмем пресловутые призывы к бойкоту нашей Олимпиады. Запад и здесь сядет в калошу. Оттуда к нам играть все равно приедут. А вот к ним на следующую Олимпиаду полмира не приедет, это я вам обещаю.— Сурков выдвигает ящик стола, достает таблетку. Кладет в рот, сосет.— Одним словом, что бы наши враги не предпринимали, победа будет за нами. Потенция строителей коммунизма неиссякаема. Хотите пососать? Нет?.. Западные же политиканы слепы и беспомощ-

ны.— Сурков задвигает ящик.— Вы должны это твердо усвоить и никогда не теряться перед лицом проходящих трудностей.

— Понимаю, Михаил Андреевич. — Борисов потирает лоб.— А что вы посоветуете мне как первому секретарю обкома предпринять в сложившейся у нас конкретной ситуации?

— В первую очередь усиливайте популяризацию нашего великого учения в самых широких массах.

— Михаил Андреевич, я позволю себе... мне хотелось бы вам напомнить о поведении товарища Плухова... о недостойном коммуниста поведении.

— Сместим. Ждите решения Политбюро. — На впалых щеках Суркова вспыхивает по нездоровому розовому пятну.— Возвращайтесь к себе и работайте... Как вы сказали? Пухов?

— Плухов, Михаил Андреевич. Плухов.

— Сместим.

Борисов закрывает папку. Сурков встает, протягивает ему руку.

— Передайте от ЦэКа и от меня лично большой привет Виктору Вильямовичу Голицину, а также — мои наилучшие пожелания всем партийным работникам вашего города и области. Напоминаю, что дверь открывается на себя. Вам пора.

Борисов бережно пожимает старческую руку.

— Благодарю, Михаил Андреевич. Будьте уверены: сделаем все, что в наших силах.

Сурков кашляет. Борисов поворачивается, идет к двери. Тянет на себя ручку. Дверь неподвижна. Борисов тянет ручку сильнее. Слышит раздраженный голос Суркова:

— Я же предупреждал вас. Дверь открывается наружу. Это значит, что ее надо толкать от себя.

Эныч, заложив руки за спину, неторопливо прохаживается по камере, поглядывая время от времени на матово-тусклую зарешеченную лампочку. Лежащий на своей «шконке» Кувякин, следя за тенью Эныча, тихо насвистывает мелодию из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

— Что лежишь?— говорит ему Эныч.— Походи. Погуляй.

— Мы с тобой уже погуляли, гражданин Энов,— хмыкая, отзывается Коля.— Как вот теперь будем выкручиваться?

— А чего мне выкручиваться?— Эныч останавливается.— За мной вины нет. Пожарник — это твой знакомый.

— Да-а. — Коля плюет на пол. — Подложил нам свинью Константиныч. И что же теперь будет?

— Кофе с какао.

Эныч снова шагает по камере. Заметив ползущего по серой, цементноострой стене клопа, давит его большим пальцем. Отерев палец о брюки, замечает другого клопа и направляется к нему.

— Погоди давить,— просит Коля.— Я на него загадал. Если от тебя убежит, то...

Эныч давит клопа.

— Да, Эныч, вот видишь, как в жизни бывает,— переводя взгляд на окно, рассуждает Кувякин.— Вчера мы с тобой были господами, а сегодня — клопы. Вот зайдет сейчас дядя с пистолетом — и к ногтю нас!.. Константиныч, козел старый, не подумал ведь, что с нами будет. Отдувайся теперь за него, доказывай, что ты не верблюд...— Коля, морщась, потирает ногу.— Где справедливость, где братство, где правда? Что за безобразие, Эныч?.. Вот возьми меня — за всю свою жизнь ничего плохого не сделал: в детском саду воспитательниц не кусал, в школе учителей не калечил, в армии полевые кухни не загонял, на работе водозаборы не мазутил, и вот — награда за все это... Здорово!..

— Следователю будешь мозги канифолить,— говорит Эныч.

— Нет, Эныч,— сев на кровать, поджимает к груди колени Коля,— несправедливо все-таки устроена жизнь. Меня к награде представлять надо, а я здесь... Я — здесь, а всякие там Кулики и Михеичи на свободе разгуливают, ханку жрут...

— Пускай жрут,— говорит Эныч, подходя к унитазу, спускает брюки и садится.

— Послушай,— говорит Коля,— как ты думаешь, твоей жене уже сообщили о том, что мы здесь? Может, она передачку нам принесет?

— Держи карман шире.

Раздается всплеск воды.

— А что? Серьезно. Рита твоя могла бы принести передачку...

Лязгает засов. Приоткрывается дверь. В камеру влетает и проезжает лицом по цементному полу человек в разорванной цветастой рубашке. Дверь с грохотом хлопывается.

— Хороша передачка,— говорит Коля. Он встает и, подойдя к лежащему, разглядывает того. Человек поднимается, приглаживая редкие волосы, смахивает кровь с ободранной щеки и, обернувшись в сторону двери, гневно потрясает кулаками:

— Гады! Сволочи! Фашисты!

Склонив голову набок, Кувякин с любопытством наблюдает за действиями вновь прибывшего.

— Не ушибся, приятель?

— Ничего. Не впервой,— говорит новенький. Представляется:— Алик. Пархоменко Алик.

— Коля,— говорит Коля.— А это Эн Энович. Или просто — Эныч. Слушай, Алик, у тебя пожрать чего-нибудь не найдется?

Алик прислоняется к стенке, снимает ботинок и, достав из носка кусок черного хлеба, протягивает Кувякину.

— Жуйте, ребята.

— Эныч, а ты будешь?— Коля откусывает больше половины куска. Энергично жует. Откусывает еще. Эныч что-то бурчит и машет рукой.

— Ну как хочешь. — Коля доедает оставшееся.— Хозяин — барин. Эх, Алик, если б у тебя еще и выпить было...

— Чего нет — того нет,— разводит руками Пархоменко. Сняв другой ботинок, он достает спичку и проводит ею по волосам. Потом ковыряет в ухе.— Давно сидите?

— Давно,— говорит Коля.— Скоро сутки, наверно. Жуткая скучища. Совершенно нечем заняться. Особенно мне. Эныч вон нашел себе развлечение.

Эныч пускает громкого голубка.

— Так уж и нечем?— усмехается Пархоменко, вынимая спичку из уха.— Это дело исправимое. Запомнил силу звука? Сейчас мы с тобой сыграем. Кто из нас Эна Эновича перекроет, тот и выиграл.

— А победителю что?

— Победитель отвешивает проигравшему десять макаронин.

— А куда?

— Куда обычно. В лоб.

— А кто первый начнет?

— Если хочешь, давай начну я. У каждого из нас три попытки.

— А если никто Эныча не переплюнет?

— Ну что ж. Тогда никто и не выиграет.

— Ладно,— соглашается Коля.— Давай, начинай.

Пархоменко трижды издает средней силы звук.

— Слабовато у тебя, Алик, вышло,— отмечает Коля.

— Слабовато,— соглашается Пархоменко.— Теперь твоя очередь.

— Ну, с Дядей,— говорит себе Коля. Стартует. Звук получается очень тихий. Коля с надеждой смотрит на Пархоменко.

— Ну как, Алик?

— Никак,— говорит Пархоменко.— У тебя еще две попытки.

Вторая попытка Коле также не удастся.

— Мало каши ел,— посмеивается Пархоменко.

— Хорошо смеется тот, у кого всегда встает,— отшучивается Коля. Сосредоточившись, трясет кистями рук и набирает полную грудь воздуха.

— Ты прямо Давид Ригерт...— последние слова Пархоменко тонут в бурном звукоизвержении.

— Молодец, Коля,— хвалит Кувякина, отбрасывая сломанную спичку, Пархоменко.— Выиграл. Так тебя, глядишь, и на Олимпиаду в Москву могут послать.

Коля стоит с озадаченным видом. Смотрит в одну точку.

— Эныч! Ты скоро?

— Тебе-то что?— бросает Эныч с унитаза.

— Авария тут у меня маленькая.

— Это бывает,— похлопывает по спине Колю Пархоменко.— Не переживай. В Москве, в психушке, где я санитаром работал, один диссидент со зверской фамилией так обделался, что его потом до-олго отмыть не могли. Меня, кстати, там научили этой игре. Вся спецпалата, в которую известных на Западе диссидентов помещают, с утра до вечера этой игрой тешилась.

Отойдя к стене, Кувякин прислоняется к ней спиной. Заводит руку за спину.

— Что за студенты такие веселые?

— Да не студенты. Диссиденты.— Пархоменко ковыряет в ухе пальцем.— Ведь у меня как в жизни сложилось... Сам-то я местный. Из этого города. Пришел из армии, думаю: что делать? Поехал в столицу. Поступил в медицинский. Стал все больше и больше размышлять о нашей действительности. А тут еще практика такая: санитар в психиатрической клинике имени Хорватского. Там-то я и прозрел окончательно.— Лицо Пархоменко серьезнеет. Он перестает ковырять в ухе.— Столкнулся с новой для меня категорией

людей. Тот же Тюкин. Академик. Отец кислородной бомбы. Лауреат Нобелевской премии...

— Какой-какой премии?

— Нобелевской,— говорит Пархоменко.— Сто тысяч долларов отваливают тому, кто лучше всех за мир борется. Ох, и уважали Тюкина Всеслава! Как передача — так шоколадный торт. Он шоколадные торты до ужаса любит. Но только свежие чтобы были. Один раз, помню, торт администрация на полтора часа почему-то задержала, и тот ему черствым показался. Так он — вот что значит принципиальный человек!— бросил этот торт на пол и давай ногами топтать. Топчет и приговаривает: «Заявление. К мировой общественности. В нашей стране все больше и больше разворачивается деятельность репрессивного аппарата против лучших представителей русской интеллигенции». Язык у мужика, скажу я вам, подвешен что надо!

Пархоменко переходит в другой угол. К Энычу. Продолжает:

— А Ишманов!.. Тоже умный человек. Сознательно отказался от больших чинов. Всю жизнь провел возле мусорных бачков. В подвале. Там и родилась у него идея об избранности нашего народа-Дяденосца... Или Чумовских. Тот вообще хождение по мукам совершил. Сам он из Таганрога. Бывший редактор областной газеты «Спортсмен Приазовья». Допустил опечатку в шапке. Написал: «Планы партии. Точка. Планы народа». А нужно было поставить тире. Получилось, что у партии планы одни, а у народа — другие. Историю, конечно, замяли. Но он не успокоился. Начал в обком ходить. Доказывать, что ошибка допущена им неумышленно. В обком его пускать перестали. Тогда он — в Москву. В ЦэКа. Из приемной его прямиком в психушку отправили. В клинике и пришла к нему в голову мысль выпустить собственную самиздатовскую газету «Борец Приазовья». Ушлый был конспиратор. Чтобы никто не догадался о его планах на будущее, оформлял в отделении стенгазету «Больной, к коммунизму!»... Но боль-

ше всего я любил беседовать с юношей Пашей Каском. Тот все время Дядю искал. В себе. В людях. Во мне. Под подушкой. До психушки он по пивным ходил. Вел религиозную пропаганду. Утверждал, что Ленин — антихрист и немецкий ставленник...

— Ленина не трожь! — предупреждает Эныч. Шумно сопит.

— Да, Алик, — заводит вторую руку за спину Коля. — Ты это зря трогаешь... Эныч, ты скоро там?

— Пашу взяли, — продолжает невозмутимо Пархоменко. — В клинике он помимо меня общался со многими. Один террорист, который возле гостиницы «Полтава» трех шведов топором изрубил, проломил Каску голову табуреткой. Паша выжил, но стал почему-то злым, раздражительным и тайком в туалете ел кал. Я решил, — Пархоменко снова принимается ковырять в ухе, — помогать этим людям в их борьбе. Взял у Тюкина телефоны западных корреспондентов, чтобы ставить их в известность о судьбах этих мучеников. Стал звонить корам. Встречаться с ними. Поразила меня их бездушность и незаинтересованность в наших делах. Все, как один, интересуются только Всеславом Тюкиным. Спрашивают: как спал? как покушал? какое у него настроение? что он сказал утром? в обед и вечером? А когда про случай с черствым тортом узнали, страшно возмутились произволом администрации, восхитились мужеством узника совести и тут же всем скопом рванули к телефонам. Один американец — Биллис — зацепился за бетонную урну и головой пробил крыло своего «Фольксвагена»... А однажды пошел я на встречу с Колей Милетичем из «Франс Пресс». За мной, как всегда, пятеро или шестеро гэбистов увязались. Прихожу к Театру кукол и жучков на Садовом. Жду. Час, два. Зима, холод, я — на улице. Внутрь, в фойе, не захожу — боюсь проглядеть корреспондента за густым снегопадом. Вдруг вижу: Милетич стоит за стеклом, в фойе, с какой-то девицей и что-то ей рассказывает, показывая на меня пальцем. Я зашел. Гово-

рю: «В чем дело? Ты меня видел?» Он говорит: «Да». Спрашиваю: «Почему же ты сразу не вышел?» Он объясняет: «Приехала знакомая из Франции, которая живых диссидентов ни разу не видела, и ей интересно на них посмотреть». Ах, думаю, паразит. Развернулся и ушел. С тех пор с этой западной шушерой я дел не имел.

— Послушай, Эныч. — Коля ерзает у стены. — Совесть надо иметь. Целый час толчок оккупируешь, Ломоносов!

У Эныча урчит в животе.

— В диссидентах я, в конце концов, также разочаровался. — Пархоменко на время замолкает. Возле губ его появляются две скорбные складки. Невидящий взор упирается в стену. — Последней каплей стала для меня встреча с известным деятелем свободного профсоюзного движения Борисом Володиным. Он мне, брызжа слюной, внушал: «Становись смотовцем и делай, как мы. Утверждай, что за твоей спиной сотни и тысячи людей, что рабочее движение в стране ширится, что повсюду забастовки, а ты всем этим руководишь». Нет, думаю, мне с вами не по пути. Тут меня, кстати, из института поперли, и я вернулся в свой родной город. Пошел, как говорится, в народ.

Пархоменко перебирается от Эныча к Коле. Грызет грязный ноготь.

— Здесь моя новая деятельность тоже не осталась без внимания властей. Вызвали меня в горком. Разговаривали со мной двое: зав отделом агитации и пропаганды Кравчук и инструктор Сускевич. «Чего вы хотите? — говорят они мне. — Зачем вам это? Вы что, не знаете нашего народа? Это же чернь, быдло. А вы — умный человек. И мы видим, что вы болеете, переживаете за народ. Так давайте думать, находить решения, принимать участие в судьбах страны, народа сообща. А главное — живите как все. Не будьте бугром на ровном месте. Может быть, у вас с квартирным вопросом сложности? Или какие-нибудь другие проблемы? Так

мы вам поможем. Пишите диссертацию, если желаете. Защищайтесь. Никто вам в этом препятствовать не будет». И все в таком же духе в течение трех часов,— Пархоменко прикасается к ссадине на щеке.— Я, конечно, не поддался на уговоры этих самодовольных чучел. Пошел к проходной завода и стал раздавать рабочим труд Карнеги — Кастро «Как стать богатым и не плакать». Меня сами рабочие повязали, и я получил шестьдесят четвертую статью. Измена Родине.

— И правильно сделали.— Коля отодвигается от Пархоменко.— Я бы тебя без суда расстрелял.

Эныч встает. Натягивает штаны. Пархоменко пожимает плечами, улыбается. Ковыряет в ухе.

— Зря ты так, Николай. Я к вам со всей правдою...

— Родину продал?— говорит Эныч.— СУКА ты шелудивая!

В четвертый раз, поминутно вытирая потные ладони о край стола, майор Степанчук прослушивает магнитофонную запись.

«Родину продал?!— рывкает магнитофон.— Сука ты шелудивая!»

Магнитофон гавкает, скулит, повизгивает. Взволнованным голосом Кувякина сообщает: «Все. Белая горячка. Хана мне».

Перебегая с предмета на предмет, глаза майора возвращаются к крутящейся бобине «Филипса». Челюсть подрагивает. Нажав на клавишу, Степанчук подпирает руками челюсть и закрывает глаза. Появляются, нарастают, впиваются в мозг цветные круги. Степанчук трясет головой, открывает глаза. Фиксирует взгляд на лежащей рядом с магнитофоном зажигалке. Несколько успокаивается. Протянув к зажигалке руку и ощутив кончиками пальцев легкий холодок, прикладывает зажигалку к пульсирующей на виске вене.

«Сука. Сука. Су-ка. Эс-ука,— майор облизывает

пересохшие губы.— Обыкновенная псина, вот только в струпьях... Ну, хорошо, а куда тогда Пархоменко подевался?.. Камеру проверял. Стены, пол, потолок простукивали. В парашу? Чушь. Дежурный надзиратель — пособник? А остальные? Как пройти через восемь постов?.. Гипноз? А телевизионные камеры?! И почему исчезли не Энов и Кувякин, а мой агент? Зачем, в конце концов, понадобилась собака?.. Ничего не понимаю. Не превратился же этот скотоложец в предмет своего обожания!»

Откинувшись на спинку стула, Степанчук отнимает зажигалку от виска, разглядывает ее и мнет в ладони.

«И повадки-то у суки такие же, как у этого извращенца! Постоянно чешет лапой свои дурацкие уши... Так. Попробуем сопоставить факты».

Майор придвигается ближе к столу, берет чистый лист бумаги, ручку. Посредине листка рисует большой кружок, сбоку к нему пририсовывает кружок поменьше. В большом кружке пишет «Энов», в маленьком — «Кувякин». От кружков Степанчук отводит несколько стрелок, на концах которых образует квадратики. «Чугунолитейный завод», — пишет Степанчук в одном из квадратиков. В другом появляется: «Скульптура. Исполнитель — Тульский». Третий квадрат заполняет надпись: «Детский сад». Таким образом Степанчук разрисовывает весь лист. В последнем квадратике его рука выводит: «Превращение Пархоменко».

«Что?!— удивляется Степанчук.— Почему Превращение?»

Майор встает, подходит к окну, распахивает его и глубоко дышит. Вернувшись к столу и склонившись над схемой, поскрипывает зубами.

Звонит телефон. Приподняв трубку, Степанчук возвращает ее на рычаг. Телефон звонит снова. Майор трижды продельывает операцию с трубкой, потом подносит ее к щеке и говорит раздраженно:

— Слушаю.

— Кто у телефона? Эдуард Иванович, вы?— Степанчук узнает голос Борисова.

— Я, Василий Мартынович.

— Подъедьте ко мне на полчаса.

— Василий Мартынович, а по телефону нельзя? Дел по горло.

В трубке потрескивает.

— Разговор не телефонный. И очень важный.

— Хорошо. Буду через двадцать минут.

Степанчук складывает листок со схемой. Убирает в карман. «Подумаю в машине. Возможно, новости Борисова помогут разобраться во всей этой фантазмагории».

Майор нажимает кнопку внутреннего селектора. Приказывает:

— Собаку накормите. И не спускать с нее глаз.

...Генерал Плухов поднимается по лестнице управления. Доходит до площадки. Приостанавливается и, переводя дыхание, идет дальше. Не добравшись до конца следующего пролета, он снова останавливается и, усевшись на ступеньку, обмахивает лицо вынутым из кармана удостоверением.

«Да. Годы летят. Размяться решил! Понесло пешком по этой чертовой лестнице! Не-ет, пить по два дня кряду нельзя. А как не пить? Надо вот что: если напился, используй лифт».

Генерал с трудом поднимается на ноги. Преодолевает оставшиеся ступеньки. Идя по коридору к своему кабинету, замечает уборщицу. Та, выжимая тряпку, осуждающе покачивает головой.

— Хороши же вы, Петр Сергеевич, сегодня. Где это вы, милостивый государь, так назююкались?

— Лизавета-Лизавета, не брани меня за это!— генерал пытается обхватить уборщицу за талию. Опрокидывает ногой ведро с грязной водой. Отступает.

— Вот спасибо-то!— уборщица кланяется генералу в пояс.— Всегда так делайте! Послал Дядя помощника!

— Не серчай, Лизавета. Я тебе к празднику пятнадцать рублей премиальных выпишу. — Генерал, стараясь

не ступать в воду, идет к кабинету. Поскальзывается. Мгновенно появившийся невесть откуда прапорщик поддерживает генерала. Провожает до двери, открывает ее. Останавливается на пороге. Закрывает за Плуховым дверь.

— Ты брось, Елизавета, генералу под ноги ведра подставлять. Выйдут тебе когда-нибудь боком твои премиальные, хе-хе!

Войдя в кабинет, Плухов направляется к телефону. Набирает, прищурив глаз, домашний номер. Несколько раз палец срывается с диска. Придерживая палец второй рукой, генерал накручивает нужные цифры. Увидев, что трубка лежит на рычаге, снимает ее. Возвращается к диску. Слышит голос жены:

— Аллоу.

— Галочка, это я,— говорит генерал.— Звоню тебе с работы.

— Ты выполнил Наташину просьбу?

— Только что с Огаревым разговаривал и с Курносовым. Представляешь, этот негодяй увидел из окна свою первую учительницу, выскочил с базуккой на набережную, дал выстрел и повредил мост.

— Кто?!— удивляется жена.— Прокурор?

— Какая ты глу-упая. Наташин будущий муж. Он...

— Ты все уладил?— нетерпеливо перебивает Галя.

— Да. Но в последний раз,— говорит генерал, пошевеливая пальцами ног в мокрых ботинках. Суровым голосом добавляет:— И пусть он теперь только попробует не жениться на нашей девочке!

Положив трубку, генерал присаживается на подлокотник кресла. Похлопывая по карманам, ищет портсигар. Неожиданно находит его на сиденье. Раскрывает и закуривает скрюченную сигарету. Думает о дочери. О жене. О Юрии Дмитриевиче. О Степанчуке. «Чем, интересно, занимается сейчас этот вурдалак? Сколько выпил, мерзавец, плуховской кровушки!..»

Звонит телефон.

— Да,— говорит генерал.

Телефон продолжает звонить. Плухов снимает трубку.

— Товарищ генерал! Докладывает лейтенант Евсюков. Около десяти минут назад майор Степанчук разговаривал по телефону с только что вернувшимся из Москвы секретарем обкома Борисовым. Борисов вызвал его к себе. Сказал, что имеет сообщить нечто важное.

— Ты откуда звонишь?

— Из управления. Из подвала.

Генерал свирепеет.

— Дубина. Немедленно найти Сычева и вместе с ним — на чердак! К обкому!

У выхода из парка «Освобожденный труд» стоят пьяные Семен, Михеич и две девицы — Ивонна и Люсьен. Выпятив грудь и размахивая пачкой индийских презервативов, Семен весело смотрит на подружек. Недовольно сведя брови у переносицы, Михеич обеими руками пытается поймать Семена за рукав пиджака. Порывистый ветер задирает у хохочущих девиц подола платьев.

— Это, девочки, не про вашу честь. Обойдетесь, конечно. — Семен отталкивает руки Михеича. — Ты, Михеич, тоже губы не раскатывай. Я, понимаете ли, эти гондоны для высшего света приберег.

— Перестань, Сема, — просит Михеич. — Люди ведь кругом.

— Вот и хорошо. — Семен, пританцовывая, делает оборот вокруг оси. — Пусть смотрят. Завидуют. Я — гражданин Советского Союза. Девушки, любите классиков?

Одна из девиц хрипло смеется.

— Не пробовала.

— Сема! Хватит куролесить, — пищит Михеич. — Девушкам пива хочется. Так ведь, красавицы?

— Хотим! Хотим!— подтверждают подруги.— С сушками.

Семен рассекает рукой воздух.

— Отдать швартовы! — Обхватывает обеих девиц.— Полный вперед! Курс Нах Дрангх Остен!

Компания трогается с места. Следует вдоль ограды. Шагах в двадцати позади нее идут, покачиваясь, трое — два рослых молодых человека в спортивных штанах и низенький Волохонский в потертом берете.

— Не тойопитесь,— шепчет спутникам старший лейтенант.— Дейжитесь яскованней. Ясслабьте тьехглавые мышцы. Вы, Саша, пееигьвиваете! Не задевайте плечом огьяду!

— Есть, товарищ старший лейтенант!— Молодой человек в синей нейлоновой рубашке прижимается локтем к плечу Волохонского.

— Сколько можно повтоять!— сердится старший.— Не называйте меня лейтенантом! Я для вас дядя Лука. А вы, Евгений, незаметно глаза юками натьите, а то они совейшенно тьезвые. И пеестаньте наступать мне на ноги.

— Есть, дядя Лука. — Молодой человек в клетчатом пиджаке подносит руку к виску.

— Кошмай!— Волохонский хватается за голову.— Чему вас только в высшей школе учат!.. Так. Тепей пьибьизимся. Послушаем, о чем они говоят.

Лейтенант и его подопечные ускоряют шаг.

— Вот так, Сосьетик. Отличная штучка,— слышен голос Семена.— А с польским методом ты знакома?

— Это на одной ноге что ли?— догадывается Ивонна.

— Эх, Ивонночка! Мало ты образованна. — Семен крепче прижимает к себе девиц.— Позиция выбирается произвольная. По вкусу. Но когда, понимаешь ли, чувствуешь, что забирает, вставляешь указательный пальчик в одно място. То же самое делает твой напарник. Польша этим уже тысячу лет занимается. Главное тут не ошибиться: палец вставляется не в свою, а в чужую попу.

Девицы хохочут. Михеич укоряет приятеля:

— У тебя одни смешки на уме. А я, между прочим, ногу натер. Ты бы хоть под руку меня взял. Пожилого человека.

Компания выходит на проспект. Останавливается на краю тротуара возле переходной дорожки. Натуженно урча, мимо медленно проходит колонна грузовиков, переполненных круглолицыми милиционерами. Вслед за грузовиками движутся бронетранспортеры. За бронетранспортерами — снова грузовики. На этот раз с солдатами. Солдаты свистят, сексуально жестикулируют. Кричат:

— Девахи! Давай сюда! Прыгай в машину! Вместе на Олимпиаду поедем!

— На довольствие вас поставим!— обещают ефрейторы.— Если с огоньком подмигнете!

Колонна удаляется. Семен, девицы и Михеич ступают на проезжую часть. Отшатываются. Перед их носами проносится облупленный «ЗИМ» с огромной куклой на радиаторе. В салоне Семен успевает рассмотреть развевающуюся фату. Свадебную машину сопровождает несколько автомобилей разных марок. Последним идет, пофыркивая, битком набитый «Икарус».

— Торжественная сдача чи-чи в эксплуатацию,— говорит Семен. Ласково щиплет плечо Михеича.— Пора и тебе, старина, семейным очагом обзавестись. Только гляди, чтоб человек хороший попался. И выходи без расчета, по большой любви.

Михеич передергивает плечами.

— Я, Сема, без твоих советов обойдусь. — Он быстрыми шагами переходит улицу. Дождется Семена и семенящих девиц на другой стороне.

— Система наблюдения, йебята, состоит из нескольких компонентов,— наставляет своих питомцев Волохонский.— Пейвейший из них — конспиративность действий самого наблюдателя. Скажите, Саша, как нам осуществить пееход в данной ситуации, не вызвав подозрений у вяга?

Визжат тормоза. Волохонский оказывается перед капотом ассенизаторной машины. Выскочивший шофер с размаху бьет лейтенанта по шее. Возвращается за руль и уезжает.

— Дядя Лука!— кричат воспитанники. Подбегают к Волохонскому, лежащему на решетке сточного колодца.— Дядя Лука!

— Пьявильно еягиюете.— Волохонский, кряхтя, встает на четвереньки. Поправляет берет.— Объятили внимание на естественность пьеизошедшего? Дайте-ка юку. Тепей никто не заподозьит, что мы сотьюдники ойганов. Евгений, отойвите-ка себе вейхнюю пуговицу на пиджаке.

...У пивной, как всегда, толпится народ. Образуя при помощи локтя живой коридор, Семен пробирается к входу. Тащит за собой девиц. Последним, лавируя меж пивных кружек, спин и физиономий, движется Михеич.

— О, Михеич! Погоди, Михеич! Михеич!— несется с разных сторон. Потомственный рабочий не обращает внимания на призывы. Торопится за Семеном. В пивной Семен оставляет девиц у вздутой пахучей стенки. Берет у Михеича деньги и говорит ему:

— Постереги невест у причала. А я пиво по-быстро-му сделаю.

Он угрем входит в штурмующую маяки-автоматы стихию.

— Михеич! Ты чего не отзываешься? Забурел?— к Михеичу прибивает двоих. На одном из них запачканный краской рабочий комбинезон, на другом — серый от цементной пыли ватник.— Чего на заводе не появляешься? Слышал, какие дела творятся?

В то время как Семен добывает пиво, а Михеич неохотно отвечает на вопросы знакомых, старший лейтенант Волохонский, расположившись на корточках за кучей мусора вместе со своими помощниками, дает им очередные указания.

— Ясполагаемся тьеугольником. Осуществляем кью-

говой обзой. Вы, Евгений, отпьявляетесь напьяво и пьесите двадцать копеек на пиво. А вам, Александй, необходимо действовать слева. Пееходите от гьюппы к гьюппе. Делайте вид, что кого-то ищите. Напьемей, какого-нибудь Леньку Селезня. Я буду йядом с наблюдаемыми.— Волохонский водит вытащенным из мусора прутиком перед застывшими в напряжении лицами курсантов.— Задача ясна?

Курсанты дружно кивают. Воткнув прутик в кучу, лейтенант жестом предлагает воспитанникам придвинуться поближе.

— Тепей я поделюсь с вами маленькими секьетами пьёфессионального мастейства. Никогда не огьяничивайтесь одной поставленной пейед вами задачей. Ставьте пейед собой дополнительные. Наньемей, в данном случае постаяйтесь выяснить, как еягиует найод на последние события в гойоде. Я буду заниматься тем же. Затем мы с вами все пьёанализируем, составим подъебнейший отчет и тем самым заслужим благоданность юководства. Как говойили мудрие йимляне, *nil volenti diffisile est*, что означает: ничего нет тьюдного, если хойошенько захотеть. И еще одно. Последнее. Если мне удастся установить контакт с наблюдаемыми и я отпьявлюсь куда-либо вместе с ними, то следуйте за нами на ястоянии двадцати-тьидцати метйов. Инфоймируйте упьявление, если я подам условный сигнал. Сигналом послужит следующее — я снимаю бейет и вытияю им лицо. Пьи сообщении в упьявление подчейкните, что контакт пьеизведен по моей личной инициативе ввиду ойганично создавшихся условий... Я вижу цель! По местам!

Толпа, собравшаяся у пивной, исторгает распаренного Семена с четырьмя полными кружками, затем растрепанных Ивонну и Ширинкину, орущего что-то Михеича с двумя кружками и его знакомых рабочих — тоже с пивом. Все направляются к одинокой березке, ставят кружки на прилаженную к ней широкую доску.

— Голь на выдумки хитра. — Михеич рассматривает

конструкцию импровизированной стойки.— Но я для прочности ножку посередке приделал бы.

— Ты слушай дальше, Михеич,— говорит рабочий в комбинезоне. Отбрасывает со лба прядь сальных волос.— Третьи сутки без передыху вкальваем. Измотались, как веники. Обещают нам уплатить сверхурочные. Обма-анут!

— Верно. Совсем нас заездили,— вступает в разговор рабочий в ватнике, причмокивая сомьими губами.— Работаем-работаем, а завод все стоит. То отвод завалит, то еще что. Никак запустить не можем. Говорят: ройте. Роем. Говорят: стройте. Строим. Говорят...

— Говорят, быка доят,— прерывает сомьегубого Семен.— Ну что заладил? Вот ведь дурацкая русская натура! На работе — о бабах, а в пивной — о работе. Вы лучше послушайте, что я вам расскажу...

Семен ловит на себе подозрительный взгляд Михеича.

— Ты пей пиво, Михеич. Не о тебе пойдет речь. А ты, Сосочка, оторвься-ка от кружечки. Не торопись. Второй не будет. Так вот, понимаете ли...

За Семеном и его друзьями внимательно следит с расстояния пяти-шести метров старший лейтенант Волохонский. Время от времени наблюдаемый объект заслоняет кружка соседа. Волохонский вынужден приподниматься на цыпочках.

— Товайищ,— просит лейтенант,— вы не могли бы отвести вашу кьюжку в стойону? Я жду стайого дьюга и...

— Ты говори. Говори дальше, това-а-айищ... — Усач с забинтованной головой придвигает свою кружку к самому носу Волохонского. Лейтенант отступает на шаг. Кружка следует за его носом.

— Послушайте, гьяжданин. — Волохонский старается сдерживать себя и говорить спокойно. — Почему вы меня тейоизикуете? Что я вам сделал плохого? Я только попьёсил вас немного убьять вашу кьюжку...

— Кьюжку?— начинает закипать усач.— Убьять?! Нет, ты мне сначала ответь, Семь Сорокович, почему в магазинах нет мяса? А-а?

Волохонский, стреляя глазами в сторону Семена и Михеича, пробует утихомирить усача:

— Я к мясу, товайищ, ёвным счетом никакого отношения не имею. Я вегетайанец.

— Ёвным?! Счетом?!— расходится усач.— Не заливай, курятник. Одной травой такое брюхо не сделаешь!

Волохонский замечает, что освобождается более удобное место для наблюдения.

— Извините, товайищ. Вы во многом пьявы. Но мне пойя. Очень пьятно было познакомиться. — Обогнув усача, Волохонский занимает освободившийся участок. Делает вид, что ждет товарища, который должен принести пиво. Удостоверившись, что в компании Семена изменений не произошло, поправляет берет и ищет глазами курсанта Евгения.

Евгений, поймав взгляд «дяди Луки», принимается энергично курсировать от группы к группе. Следуя «дядиным» инструкциям, спрашивает, но не двадцать, а тридцать копеек у пьющих пиво граждан. На это отвечают:

— Рад бы помочь, да нечем. Сам еле наскреб... С удовольствием, парень, но только что последние отдал... И не совестно побираться в такие годы? Я в твоём возрасте хрып ломал!.. Допей, сынок, вот тут осталось... А елду, дружочек, примешь? Примешь за тридцать копеек елду?..

Евгений упирается в стену пивного бара. Идет назад. Видит лейтенанта. Тот смотрит не на него, а в другую сторону. В ту, где действует курсант Александр.

Пристроившийся к компании, распивающей из горлышка розовый вермут, Саша вслушивается в разговор:

— Нет, парни, вы не правы. Наверху, наверно, не глупее нас с вами сидят. Им виднее, куда футболистов посылать, — к нам в захоlustье или в Болгарию на

Золотые Пески. Там «Спартак» натаскают как надо, а потом сделают костяком сборной и, считай, золото у нас в кармане... Эй, Гвоздь, хорош! Полбутылки уже заглотил под шумок, Шопингауэр!— Слепой бородач в темных очках рукоятью трости подталкивает очень высокого худого мужчину с перебитым носом. Тот, поперхнувшись, отрывает бутылку ото рта.

— Ты что, обалдел?— возмущается он.— Я трех глотков еще не сделал!

— Хватит с тебя. — Слепой забирает бутылку, прикладывается. Мужчина с перебитым носом обращается к вихрастому подростку:

— Ну-ка, Олежек, пошарь в бауле, достань-ка еще красницкого. Да расскажи нам заодно, что ты вчера в «Партизане» видел.

Курсант Саша вытягивает шею. Касается щекой плеча мужчины с перебитым носом.

— Да ну тебя, Гвоздь! Сколько можно рассказывать!— Подросток достает из сумки бутылку, открывает, делает несколько глотков и передает Гвоздю.— Все равно вы не верите. Вам бы только поржать. А я бэ буду, если вру!

Подросток стучит себя в грудь.

— Не будем. Не будем смеяться,— обещает слепой.

— Ну, прихожу я в кинушник,— неохотно начинает подросток.— Сажусь на первый ряд. Потягиваю себе спокойненько «Иверию»... Сначала муть всякую показывали, а потом Волк говорит Красной Шапочке: «Давай-ка, мой светик, снимай свои причиндалы». Поставил ее по Тарковскому, и пошло дело.

Дружный хохот прерывает рассказчика. Слепой трясет бородой, снимает очки и утирает слезы. Обнажив крупные желтые зубы, Гвоздь запрокидывает голову, попадая затылком в бровь Саше. Хохот длится минуту. Потом Гвоздь заявляет:

— Фантазер же ты, Олежка. Ну прямо как братья Стругацкие! Богатое имеешь воображение. Тебе бы не в ПэТэУ учиться, а романы писать! Сочинял бы про

революцию, про войну, про комсомольские стройки, и никаких тебе забот.

— Проспал, наверно, весь сеанс. А с винченцио и не такая кадриль приснится!— говорит слепой.

Достав из кармана бронзовый служебный жетон в форме щита, Саша прикладывает его к ушибленному месту. Слышит за спиной:

— Вчера прихожу в детсад за своими чебурашками, а мне их не отдают. Говорят, у детей свинка. Карантин, стало быть. Вот лафа! И заболевание неопасное, и отдохнем мы, наконец, с моей Настей. По-человечески перепахнуться можно. Комната у нас, сам знаешь, одна, и та не наша; то Игорек проснется, то Иринка пописать захочет, и все не вовремя!

— Во-от в чем дело! Каранти-ин! То-то нас с Михалком Никитой погнали сегодня из «муравейника»!

Новый взрыв смеха опять привлекает Шашино внимание к распивающим вермут. Саша видит, что компания пополнилась толстяком в штормовке и болотных сапогах. За плечами у толстяка рюкзак.

— Еще один капитан Врунгель выискался!— восклицает Гвоздь.

— Куда-куда?— слепой старается сдержать смех.— Головой? И прямо на площади?

— Точно вам говорю. — Толстяк прижимает к животу кружку.— Я как раз вчера на делянку в Перестройкино к себе собрался. Спешу с утра пораньше на вокзал. Прямо передо мной идет женщина. Приличная, с зонтиком, на Мордюкову похожа. Тут налетает на нее старикашка, валит на ступеньки памятника и — в нее по самые плечи.

Хохот возобновляется.

— Ну, как хотите. Не верите и не надо.— Толстяк подносит кружку к губам, сдувает несуществующую пену.

— Ты со своей Перестройкой самое интересное пропустил,— вдоволь насмеявшись, говорит Гвоздь, чеша нос. Принимает от подростка следующую бутылку.—

Не видел, как жестянка горела. Приятное было зрелище! Весь город на балконы повывлазил. Говорят, ихняя заводская администрация случайно, по-пьяни, попробовала свои консервы, и у них всех шарики за ролики закатились. Директор самолично сиганул с горящим окурком в цистерну с солярой.

— Хорошо, коли так. Консервов этих мы в глаза не видели. — Толстяк поглядывает на бутылку, содержимое которой исчезает во рту Гвоздя. — Пусть теперь и другие почмекают... Оставь плотнуть-то!

— Послушайте, мужички, — обращается к компании Александр, — вы не видели Леньку Бурбулиса?

— Кого?! — переспрашивает слепой. — Бурбулиса?! Бежим, ребята!!

Слепой, размахивая тростью, врывается в толпу. За ним устремляются Гвоздь и подросток. Толстяк секунду мешкает, потом бросает кружку и также срывается с места.

Саша с недоумением смотрит вслед исчезнувшим любителям вермута. Оглядывается в поисках старшего лейтенанта.

Примостившись на перевернутом ящике, старший лейтенант Волохонский листает мятый журнал. Перелистнув очередную страницу, задирает штанину, почесывает шерстяную икру. Лицо Волохонского — сама рассеянность. Лейтенант внимательно слушает разглагольствования Семена.

— Подходит для этого дела лучше всего солидная дама, типа Дорониной. Ты с ней ложишься, конечно, но перед этим, понимаешь ли, вы плотно отужинываете в Доме кино. В процессе вашего спального общения выбираешь момент, углубляешься до упора, шепчешь ей на ухо ласковое словечко и быстро вынимаешь, одновременно резко надавливая на дамин живот. Результат: удивительное выражение ее лица и загаженная постель. Ты встаешь, закуливаешь сигарету и говоришь: «Ах, какое несчастье, мадам! Что же это такое?.. Опять Ефремов попутал...» Подходишь к окну. Смот-

ришь на звезды. Добавляешь: «Какая нерасторжимая связь... Природа и мы...»

Перед носом у Волохонского снова появляется кружка. Над ней — бинты.

— Давай знакомиться, вегетарианец. Я — Федор. А тебя как звать? Бери пиво, пей. Я мириться пришел.

Лейтенант опускает штанину.

— Лукой,— нехотя отвечает он.

— Бери. Не сомневайся, Лука,— уговаривает Федор.— Ты уж меня извини за грубеж. Погорячился я.

— А я и не сомневаюсь. — Волохонский принимает кружку, разглядывает подозрительного цвета жидкость.— Но при любых обстоятельствах себя контьёить вать надо, Федой.

— Знаю я. Сам из-за своего характера мучаюсь,— хоронит взор Федор,— а ничего не могу. Судьба...

Он снова смотрит на Волохонского:

— И все-таки, вот ей Дя, а не могу я понять, почему все только тем и занимаются, что защищают босых? Вот ты — босой?

— Я укьяинец. — Волохонский ставит кружку на землю, закрывает журнал, скручивает его и постукивает по коленке.— Но это язве игъет какую-то ёль?

— Малорус, выходит,— оживает голос Федора.— Ты подвинься, брат-галушка, а то мне неудобно на согнутых сидеть...

Волохонский освобождает кусочек ящика. Усач присаживается, пододвигает к ногам кружки с пивом.

— А я грешным делом подумал, Лука, что ты босой. Внешность у тебя, извини, такая... И со спины, и в профиль — типичный босяк. «Эр» не выговариваешь. И вообще...

— Мало ли кто «эй» не выговаривает. Ленин тоже кайтавил, но не все же у него в семье босые были. Только одна бабушка по матери. Ну и что?

Глаза Федора округляются.

— Как?!

— А вот так,— говорит Волохонский, вздергивая подбородок.— Или Кай Майкс? Основоположник.

— Маркс — ладно. Хрен с ним, с бородой. Но насчет Ленина, сознайся, ты тюлю гонишь. Чтобы Ленин — и босой?!

— Босой-босой,— заверяет собеседника Волохонский.— Не ожидали, Федой? А вы, оказывается, необязованный человек! Стыдно не знать элементарных вещей. Вот если бы не босые в семнадцатом, то жили бы вы тепей под игом импейиалистов. А скоее всего, и не жили бы вовсе. Не выносила бы вас мама под сейдцем. А как вы думали?

— А никак — дядек тебя растак!— переходит в контратаку Федор.— Полощи мозги кому-нибудь другому. Нашел дурака. Тебя послушать, так выходит, что без босых вообще бы мир не стоял. Так что ли?

— Хм... А знаете, Федой,— кивает своему оппоненту старший лейтенант, снова беря и рассматривая кружку,— вы на пьывильном пути. Хотя и сами об этом не догадываетесь. Давайте-ка вместе пьёйдемся по историческим вехам нашей цивилизации. Итак, человеческое общество на зайе. Вайвайство, беспорядки, хаос... Кто, по-вашему, бейет инициативу в свои юки? Ну?..

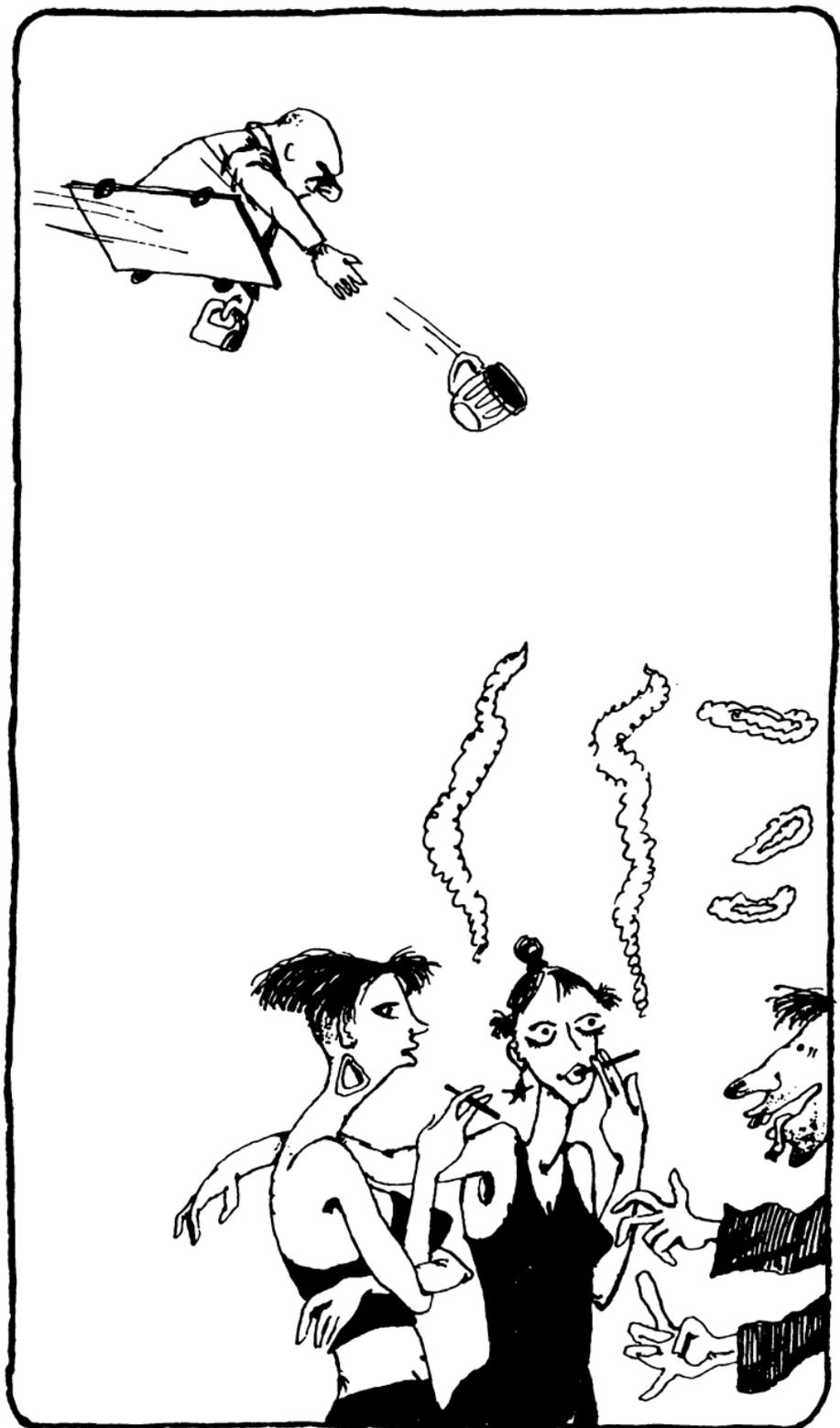
— Э-э-э... М-э-э...— чешет затылок Федор.

— Вот-вот,— с грустью покачивает головой Волохонский,— так оно и было, и по всему свету — ни бэ, ни мэ, ни кукаеку. И пьёдолжалось все это до тех пой, пока не появился на нашей земле найод-дяделюбец, найод-пийоней — босые. Отквившие людям наиглавнейший, наидуховнейший ойиентий, сцементиевавший весь смысл их жизни земной — истинного и неделимого Дядю. Знаете, когда и где это было, Федой?

Федор морщит лоб, затем пожимает плечами.

— Да на кой ляд мне эта мура нада? Что от этого изменится — в магазинах мясо появится, или пиво бесплатное будут давать?

— Ну, что это у вас, Федой, не голова, а один

гастьяном с пустыми полками,— укоризненно смотрит на марлевую голову соседа лейтенант.— Надо хоть иногда и о душе позаботиться. А душа без Дяди, Федой, как склад без товайя, — какой пьек от него. Откьейте Ветхий Завет или Евангелие, и вы, кьеме исторически-доставейных фактов и событий, подчейпнете в них для себя, много ценного и необходимого вам матейала для пьавильного и надежного постьееения своего внутьенного духовного мийа. Узнаете о пьёисхождении и язвитии яннего человеческого общества, его пути и напьавления, основные Законы и пьедписания, ёль и место Дяди, а главное поймете, почему найод, давший дьюгим найодам единоядие и полюбленный и избьянный за это откьитие самим Дядей, был так пьеследуем и гоним.

— В гробу я видел такого Дядю!— зло поправляя бинты, не смиряется Федор.— Если б он на самом деле был, то не позволил бы босым своим любимым людям на шею запрыгивать, верхом на них кататься и кровушку из них ведрами пить... Тоже мне — Дядя дядьков!..

— Не дядахульствуйте, Федой,— так и не отпив пива, отставляет кружку лейтенант Волохонский.— С таким отношением к Дяде и найоду его, многотейпцу, вы сами себе могилу ёете. Знайте, Федой — все на Земле, чьез Него, Дядю, стало быть, и ничего на Земле не стало быть, что, стало быть, не чьез Него. Вот так вот, дойгой мой, а вы говойите... Ну да Дядя с вами. У вас все еще впееди... Ну, а тепей,— лейтенант прочищает направленное в сторону Семена и его компании ухо,— пеейдем в сьедние века. Кто становится во главе общественно-политического язвития?

Федор задумывается.

— Иван Калита?.. Ян Гус?.. Минин и Пожарский?..

— Не совсем пьавильно, молодой человек, но пьимейно так... Хойошо... А они кто были, по-вашему? Не догадываетесь?

— Дядя...— пораженный Федор опрокидывает ногой

кружку, отставленную Волохонским.— Неужели босые?

— Именно,— торжествующим скипетром поднимает журнал Волохонский.— А дьюгие? Все остальные великие? Хотя бы наши современники? Напьемей, президент Фьянции Жискай де Стен, космонавт Леонов, Мама Тейеза, Папа Войтыла, а также кинорежиссёр Гайдай... Как вам галилейка? Хойоша?..

— Вот черт!— восклицает Федор.— Надо же! И не подумаешь... Послушай, Лука, а Юрий Никулин, получается, тоже босой?.. Или все-таки...

— Поймите, Федой, дойгой мой колеблющийся дьюг, дело совсем не в том, кто вы, — белоус, укьяинец или амейканец... бедный или богатый, тонкий или толстый, злой или добрый, в лаптях или босой...

— А если вы горбаты и слюнявы,— доносятся до Волохонского слова Семена,— то я предлагаю такой вариант... Берется шкаф...

— Нет,— Федор залпом выпивает кружку. Резко утирает рот.— Насчет Ленина ты все-таки неправ. Что подбосятником он был — это да, было, но на босого он совсем не похож...

— Мало ли кто на что не похож! Вы тоже не похожи. А если копнуть? Копните... Как говойится, *posce te ipsum*... Познай самого себя...

— Надо подумать,— сдается Федор.— Здесь что-то есть... И все же, почему, скажи мне, Лука, в магазинах ну ни гу-гу нету?

— Покупаешь какую-нибудь дядню в томатном соусе,— рассказывает находящийся в двух метрах от Волохонского Семен.— Горючее покупаешь, конечно... Приводишь подружек домой и за разговором ненароком открываешь дверцу. В шкафу, понимаете ли, висят два крупнокалиберных кителя — полковника и подполковника авиации. Китель достать, сам знаешь, пара пустяков. У того же Володьки-солдата за червонец. Небрежно дверцу закрываешь, как будто ничего не случилось. Девки, конечно, понимаешь ли, рты поразевают, глаз-

ками заблестят... Бери — не хочу. Будь ты плешивым, вшивым, безногим...

— Вот что, Семен,— заявляет мрачный Михеич.— На тебе свет клином не сошелся. Ты меня еще не знаешь. Или — или. Выбирай. Либо ты сейчас же идешь со мной, либо...

Семен обнимает Ивонну и Люсьен.

— А девочек на кого оставить? Это не по-джентльменски!

— Сотри ты свой прыщ этими мочалками!— Михеич плюет в кружку Семену. Затяжелевшим голосом заключает:— А еще мужик называется!

Он разворачивается и жестко шагает прочь.

— Погодите секундочку, Федой,— ориентируется в обстановке лейтенант Волохонский.— Поохъяняйте ящичек. Я по малой нужде.

— Любовь втроем,— объясняет Семен девицам, бросая кивок вслед Михеичу и отстраняя рукой рабочих в комбинезоне и телогрейке,— требует ограниченного числа участников...

Лейтенант догоняет Михеича возле мусорной кучи.

— Пьястите, папаша! У вас огоньку не найдется?

Михеич останавливается, упирается глазами в Волохонского.

— Что ж тебе жена-то на спички денег не выдает? Набедокурил?

— Холостой я,— застенчиво улыбается лейтенант.

— Один живешь?— интересуется Михеич.

— Из общежития я.

— А работаешь где?

— Въеменно не яботаю.

— Понятно,— говорит Михеич.— С работой могу помочь. Пойдешь ко мне в бригаду? Колеса лить для комбайнов. А жить у меня будешь.

— Неплохо бы это дело хойошенько обговорить.

— Так что же мы время теряем?!— Взгляд Михеича залипает на ляжках Волохонского.— Давай отойдем за пивную. Там кусты подходящие. Густые. Выпить хочешь?

— Не пьётив. — Волохонский снимает берет, вытирает лицо. — Только с деньгами у меня туговато.

— Это не беда. Угощу безо всякого. Ты, я гляжу, стоящий паренек.

Через минуту из-за пивной доносится пронзительный крик Волохонского:

— О-о-о! Еюшала-а-а-айм!..

Сбивая с ног посетителей пивной, на крик устремляются Александр и Евгений. Евгению преграждает путь коренастая коляска инвалида. Он с ходу перепрыгивает через нее. Инвалид запускает в клетчатую спину Евгения пустой кружкой.

— Смотри-ка. Опять брелок навесили, — говорит Сычев, ставя чемоданчик на пол. — Финский, с секретом. А я как раз фомку не взял.

— Начинается! — Евсюков, дернув замок, быстрым взглядом окидывает дверь, отступает на шаг. — Давай, Сыч, помогай.

Отступив на пару шагов и разбежавшись, сотрудники госбезопасности таранят дверь. После трех-четырех ударов она с шумом падает. Евсюков и Сычев падают на нее.

— Порядок, — говорит, потирая плечо, Евсюков. — Скорее к окну. Технику не забудь.

Подбежав к рабочему месту, лейтенанты находят свое окошко забитым досками.

— Что ты будешь делать! — злится Евсюков. Начинает руками отдиирать доски. — Степанчук, зараза... Кхх... Его штучки! Что б ему, дядьку протезевому, штырей необработанных понатыкали!.. Кхх... Гвозди-то какие засобачили! Не успеем ведь!..

Последняя доска, завывая, рассекает воздух и приземляется где-то в углу чердака.

— Действуй, Сыч! Налаживай свою пушку!

Сычев, соединив приклад со стволом прибора, опу-

скается на колени и, наставив антенну на строгое квадратнокирпичное здание областного комитета партии, наводит ее на окно первого секретаря.

На стволе загорается красная индикаторная лампочка. Слышится тихое протяжное посвистывание, затем звуковой фон забивается плотным хрипящим потоком.

Лейтенант рисует антенной несколько кругов. К хрипу добавляется шипение.

— Ну что, что такое?— трясет его за плечо Евсюков.— Почему не работает?

— А до самого не доходит?— Сычев откладывает оружие, выставляет голову в окошко, чешет ботинок ботинком.

— Берушей понатыкали, сволочи, вот луч и отфутболивает.

Он возвращается в исходное положение и отключает прибор. Евсюков принимается, покусывая кулак, бегать по чердаку.

— Да ты, Сыч, понимаешь, что нам с тобой будет?! Генерал с нас обоих скальп сдерет! Сделай же что-нибудь!

— Не бойсь,— говорит Сычев.— Ничего не будет.

Он открывает чемодан, достает длинный плоский пенал, вытряхивает на ладонь маленькие серые пульки, показывает товарищу.

— Сюрприз для Эдуарда.— Он ссыпает пульки обратно. Одну, прилипшую к подушке пальца, показательно мнет.— Посылка из Тайваня. Пилюли «А мы тебя все равно услышим». Вчера доставили.

Сычев нацеливает пенал на карниз борисовского окна, нажимает кнопку под потай. Убирает пенал, берет антенну...

— К сожалению, это тоже входит в правила игры,— слышат лейтенанты.— А теперь, Эдуард Иванович, хочу вас порадовать. В Москве меня принял Сурков. В приватной беседе он мне пообещал, что в ближайшее время Плухов будет смещен. Так что бронируйте бан-

кетный зал. Отметим... Да вы, я смотрю, не особенно рады...

— Что вы, Василий Мартыныч. Рад. Работы просто через край. Третьи сутки глаз не смыкаю.

— Понимаю. Вам бы отдохнуть...

— Нет, Василий Мартыныч. Обстоятельства требуют моего круглосуточного присутствия в управлении.

— Что ж, не буду вас задерживать...

Спустя пять минут распахиваются парадные двери, и Евсюков с Сычевым видят направляющегося к машине Степанчука.

— Сыч!— шепчет побледневший Евсюков.— Ты слышал? Летим к генералу!

8

— Пустяки все это, Эдик. Не стоит внимания. Жизнь, в принципе, не такая уж плохая штука, при условии, если ты ее держишь за хвост, как птицу какаду. Ну, да ладно, оставим сии сентенции. Так сколько еще тебе от Молекулы понадобилось для своей лавочки?

На открытой широкой террасе старинного особняка с видом на заботливо ухоженную зелень небольшого английского парка, в центре которого тихо шумит и переливается вокруг солнцелосверкающих скульптур Аполлона и Дафны радужный водяной букет розовокаменного фонтана, сидят за круглым, из сандалового дерева столиком в креслах-качалках одетый в серошерстяной с яркой эмблемой спортивный костюм, лет пятидесяти, загорелый, с внимательным взглядом на сухощавом лице хозяин особняка и майор комитета государственной безопасности Эдуард Иванович Степанчук.

— Спасибо, Виктор Вильямович. Пока не надо.

Вполне достаточно того, что вы нам уже выделили,— пригубляет майор из маленькой золотисто-зеленой чашечки юсуповского сервиза кофе «по-турецки».— Я ведь только на секунду к вам заскочил. Поделиться этой, так сказать, горячей новостью.

Неторопливо запустив руку в находящийся посреди столика ящичек из слоновой кости и вынув продолговатое темно-коричневое тело «Ла Coronы», Виктор Вильямович отрезает миниатюрными ножницами ее кончик и закуривает от услужливо протянутой ему Степанчуком зажигалки.

— Эта новость уже подостыла, Эдик,— выпустив облако дыма, смотрит за игрой фонтанных струй хозяин.— Я еще вчера был в курсе разговора Суркова с Борисовым. Советую тебе на сей счет особенно не обольщаться. Глупо всерьез полагаться на заверения этого пронафталиненного придурка — его давно уже нет, а ему все еще до сих пор не решаются об этом сказать.— Он переводит взгляд на майора.— Нет, Эдик, вся эта возня в кремлевской ступе тебя не особенно должна волновать. Незачем. Надо исходить из того, что дни этой системы уже сочтены, и мы все это знаем. Осталось только дожидаться официальной кончины наших Главных Динозавров, а там уж пойдут дела потоком бурным — демократия, гласность, свободный рынок и прочая необходимая атрибутика... Так что уже сегодня советую тебе подумать о будущей работе в области менеджмента. Место я тебе гарантирую, можешь быть спокоен. Будешь для начала руководителем какого-нибудь совместного с западниками предприятия, ну, хотя бы,— в темно-матовых глазах Виктора Вильямовича появляются точки-смешинки,— президентом ассоциации по продаже похоронных принадлежностей. Ну, а далее — главой собственной фирмы, и вперед — на международные просторы, завоевывать себе имя, вес, положение, зеленые. Но предупреждаю, Эдик, работать придется по-настоящему: засучив рукава и в поте лица своего, как Дядя Сава-

оф со своим земным материалом. Это тебе не всякие там дела о диверсиях стряпать и мыльные пузыри пускать. Бизнес. Кстати,— рассматривает он янтарную головку своей горящей сигары,— зачем тебе с Плуховым понадобилось без моего ведома такую вакханалию вокруг Энова устраивать, да еще чуть ли не военное положение вводить?.. Напрасно, мой друг, напрасно. Консервный завод, который вы так блестяще с Петром Сергеевичем угрохали, напрямую входил в сферу моих экономических интересов... Эх, Эдик, Эдик,— холодная ты голова, горячие руки,— согласовывать такие вещи надобно.

Выпустив очередной заряд сигарного дыма, Виктор Вильямович осуждающе покачивается в качалке.

— Не все так просто,— устало вытерев глаз, покорябывает борт своего серого костюма майор.— Здесь мы на самом деле столкнулись с еще недостаточно понятной нам силой, которая последовательно и методично наносит свои удары, как по экономическим, так и по психологическим структурам города и области: бесследно исчезают люди, производятся разновекторные, на сексуально-патологической основе, вредительства... И все эти события, так или иначе, но всеми своими лучами ведут и сходятся на фигуре рабочего чугунолитейного завода — Энова. И это — не наши с Плуховым игры, Виктор Вильямович, это — факт. Ну, а сам Энов...— Степанчук, повертев зажигалкой, чешет ею свой подбородок, — дебил-дебилом, обычное парножвачнокопытное, классический тип советского прола, живой шарж на антиагента. Однако есть в нем что-то такое, чего отказывается понимать разум...

Степанчук разводит руками и поводит головой.

— Чудесно,— улыбается, продолжая покачивание, Виктор Вильямович.— Судя по всему, Эдик, у этого экземпляра имеются все необходимые данные для поступления в мою новую экстрасенскую школу в Жатыбае. По крайней мере, проходной балл налицо,—

пустые мозги и внешняя таинственность,— что еще надо! Отправляй его туда и не задерживай. Пускай подутрет своими суперфокусами носы всем нашим выпускникам-отличникам: Джуне, Кандыбе, Руцко, Кашпировскому, Лонго... Самое там для него подходящее место.

Виктор Вильямович останавливает качанье, стряхивает в ажурную, выполненную из северского фарфора пепельницу-рапан пепел и, упразднив на лице улыбку, продолжает:

— Ну, а теперь перейдем на серьезные темы. Час тому назад у меня были люди от Хаммера. Ему пара сотен тяжелых танков срочно понадобилась. Он у нашего дружка в Африке, мастера Бокассо, что-то для себя откопал полезное, дядек маринованный,— не то нефть, не то алмазы. А у них там, понимаешь ли, все время под ногами какой-то фронт собачий путается и нормально людям работать не дает. Ну, пока Сенат раскачается, куча времени уйдет. Вот наша техника ему позарез и потребовалась — быстро, дешево и сердито. Проконтролируй, пожалуйста, сам заявку на танковый. И еще. Сообщи своим коллегам из Новороссийска, чтоб готовились принять в порт четыре греческих контейнеровоза для загрузки их черной икрой в банках из-под частика и отправки в ЮАР и Чили.— Виктор Вильямович смотрит на свои ручные платиновые часы.— Ты меня понял, Эдик?

Степанчук встает, поправляет пиджак.

— Ясно, Виктор Вильямович. Будет сделано.

Он откланивается хозяину и идет к выходу.

— Да, Эдик,— останавливает его Виктор Вильямович,— чуть не забыл. Завтра у меня день открытого театра. Убери своих гавриков из старого парка и вокруг него — мне нужно чистое поле творчества. Я там буду под Парусами свое сценическое хобби совершенствовать, душу свою согревать.

Эдуард Иванович Степанчук притормаживает машину у светофора. Постукивая костяшками пальцев по нижнему ряду зубов, прислушивается к доносящимся из радиоприемника сигналам точного времени. «А ведь прав Борисов,— думает Степанчук. Выключает приемник. Опускает голову на руль.— Действительно нет радости... Столько времени я ждал этого момента, дождался, а душа чего-то молчит. Странно...»

Степанчук вздрагивает: сзади раздается рев автомобильных сигналов. Отпустив сцепление, майор трогает машину, набирает скорость. «Так. Подумаем еще раз о деле Энова. Что нужно предпринять здесь в первую очередь? Еще раз послушать запись. Отдать собаку на экспертизу. Повторно снять показания с надзирателя... Что еще?.. Пора провести допрос. Начать с Кувякина. Тот вроде пожиже. Перед допросом выслушать наблюдателей, пасущих тех, кто имел контакт с Чугуном».

Повернув висящее над лобовым стеклом зеркальце, Степанчук бросает взгляд на свое отражение. Видит чудовищные мешки под глазами. «Вот ведь жизнь. За самое больное место ухватил Молекула,— находит гнетущая мысль.— И ничего не поделаешь, в самую точку попал... Столько отдано сил, нервов, пота — а для чего?.. Ну, получу еще пару звездочек — а что дальше? Разве в этом весь смысл жизни?.. Каждого подозревай, никому не верь, всех подсиживай, лицемерь, вынюхивай, лижи зад... А ведь мечталось совсем о другом...»

Степанчук пытается обогнать заляпанный грязью скотовоз, но мешают встречные машины. Сквозь деревянную решетку глядят на майора грустные костлявые коровы. Мигает кровавым глазом однорогий бык. Оставив тщетные попытки обойти скотовоз, Степанчук останавливает взгляд на животных.

«Эх, и ко всему-то мы привыкаем. Ни о чем настоящему не задумываемся,— думает майор. С раздражением давит на клаксон.— Какая же, мать твою так, бесхозяйственность! Велено же было перевозить

мясо в крытых машинах, чтобы не дразнить двуногих скотов!»

Бык лениво колет. рогом стоящую рядом с ним корову. Та протяжно мычит. Остальные подхватывают. Бык отворачивается. Роняет с губы желтоватую пену.

«Кругом бардак,— Степанчук щелчком сбивает с рукава крупную зеленую муху.— Сплошной идиотизм. Вечная русская расхлябанность. Вот у кого был, к примеру, порядок, так это у немцев. При Гитлере. В гестапо всегда все было ясно. Ни тебе словоблудия, ни ханжества. Делай свою работу хорошо, по совести, и результат налицо. Почет. Уважение. Простор для творческой мысли... Или еще лучше. Коммунизм Пол Пота и Сари,— майор вздыхает шутке. Смотрит на часы.— Ну, снимут Плухова. Пришлют другого Плухова. Такого же непроходимого. Опять его выживай. Придет третий Плухов. Да и причем здесь Плухов! Что — Плухов? Сама система — Плухов. Когда еще последние Динозавры вымрут — жди! Не страна, а болото».

— В этом я с вами согласен,— слышит майор Степанчук.— Выйдешь бывало...

«Бо-ло-то. А живет в болоте загадочная русская душа,— Степанчук криво улыбается.— Нажрется, сволочь, лежит да хрюкает. Вонь до небес. Взять бы параноика Достоевского и харей во всю эту дерьмовую загадочность...»

— И говоришь сам себе,— слышит майор,— не торопись, Филя. Все мы там будем. Не так ли, товарищ майор?

— Не морочьте мне голову,— говорит Степанчук.— Без вас тошно.

Эдуард Иванович обращает внимание на эвкалипты, вытянувшиеся стройными рядами по обеим сторонам дороги.

«Борисовские штучки. Померзнут ведь зимой».

— Ну ладно, бывай, Эдя.

Майор видит, что идущий перед ним скотовоз сво-

рачивает направо и въезжает в ворота Дворца Счастья. Прощально мигает пунцовый бычий глаз. Из-за ворот несется разухабистая народная песня:

*Мы не сеем и не пашем,
А валяем дурака.
С колокольни дядьком машем —
Разгоняем облака.*

Песня исполняется под аккомпанемент отчаянного коровьего мычания.

«Странно. А где же палатка приема стеклопосуды? Где трамвайные рельсы? И куда я, в конце концов, еду?» — удивляется Степанчук.

Машина мчит по незнакомым извилистым переулкам. Вслед ей с тротуаров летят камни и арбузные корки. Выскочивший на проезжую часть молодой голый негр запускает в лобовое стекло ананасом.

— Белая свинья! — кричит негр. — Я, Гоги и Фрунзик твою маму имели! Америка — только для черных!

«Арбузы откуда-то... Ананасы... Мне в этом районе что-то не приходилось раньше бывать. Сегодня же подам рапорт на имя Фаермана-Бжезинского о разбазаривании народных фруктов из спецхранилищ для номенклатурных работников».

Кадиллак Степанчука выезжает на берег бескрайнего голубого залива. Останавливается возле скульптурной группы, изображающей трех стоящих, довольно нагруженных мужчин, держащих в своих вытянутых снегоуборочных конечностях тонкую латунную пластиночку с выбитым на ней — «500 дней». Внизу надпись: «От благодарного американского народа Абалкину, Шаталину, Явлинскому — отцам-основателям новой Российской экономической политики». Рядом с памятником приютился белый домик с колоннами и куполообразной крышей. Перед домиком толпятся демонстранты с плакатом: «Гуманитарная помощь и повышение пенсионного обеспечения каждому марсианину — участ-

нику конфликта в галактике Зеленого Упыря». Раздаются гневные выкрики: «А!», «О!», «У!», «Ы!». Выкрикам аккомпанирует грохот бубнов и тамбуринов — группы дефилирующих меж демонстрантов наголоподстриженных долговязых молодых людей в желтом одеянии монотонно вытягивающих из своих недр заветную маха-мантру: «Харе Дядя, Харе Дядя, Дядя Дядя, Харе Харе!».

Эдуард Иванович снимает широкополую стэтсоновскую шляпу, вытирает шелковым платком лоб, поправляет на груди шерифскую звезду. «Где-то здесь должен быть мост». Он оглядывается. Окликает обнаженную фиолетовогрудую девицу в кирзовых сапогах:

— Эй, Мадонна! Подойди-ка поближе!

— Не виновата я, Эдуард Иванович! — оправдывается, дергаясь всем телом, девица. — Не бейте! У меня благодаря экзерсистерскому комплексу который год месячные не прекращаются. А Бруклинский мост указом Президиума Верховного Совета к вашему приезду отменили.

— Скидывай сапоги, — командует Степанчук. Девица повинуется. Майор надевает акваланг, маску и, шаркая сапогами по гальке, идет к воде. Заходит в воду по колено, разворачивается и бросается спиной навстречу набегающей волне. Парит в воздухе. Видит под собой рыболовецкий траулер. Замечает на палубе старика Волохонского, облаченного в рыбацкую робу.

— Как дела, лейтенант? — кричит Степанчук.

— Вы обознались, сэй. Я пьестой амейиканский йибак.

— Ну и хрен с тобой! — Майор запускает в Волохонского сапогом. Продолжает свой путь. В районе Бермудского треугольника настигает «Конкорд». Задевает полями шляпы крыло. Шляпа слетает. Крыло отваливается. Самолет, сорвавшись в штопор, камнем падает в океан. Шляпа, раскрутившись в полете, врезается в многопалубный пассажирский лайнер. Раскалывает его пополам. Степанчук, покружившись над местом ка-

гастрофы, берет курс к туманному Альбиону. Из тумана выныривают мохнатые окровавленные кулаки.

«Протестанты с католиками тусуются. Никак Дядю не поделят, придурки. Кому Голову, кому Ноги... Ну, погодите. Мы у вас наведем порядок».

— С вами хорошо, ребята,— говорит Степанчук,— но полечу-ка я, пожалуй, дальше. Надо.

Мгновение — и майор сидит на Стене Плача. Стена колеблется от рыданий. Майор свешивает ноги. Глядит вниз. Среди плачущих узнает Салмана Рушди, Ясира Арафата и почему-то лейтенанта Евсюкова. Все трое, как и остальные, рвут на себе одежды, царапают лица и посыпают головы песком. Затем появляется группа эстрадных исполнителей — иммигрантов из СССР. Исполнители выстраиваются шеренгой и по команде размахивающего париком здоровяка принимаются причитывать.

— Дядя Яхве! Дядя Яхве!— запекает старший.

— Отпусти нас в СССР!— подхватывают исполнители.

— Дядя Яхве! Дядя Яхве!— басит командир.

— Возврати нас в Москонцерт!— поют иммигранты.

— Три! Четыре!— дирижирует богатырь париком. Шеренга разгоняется и дружно бьет лбами в стену. Степанчук едва удерживается наверху. Из стены вываливается несколько камней. К рыданиям примешиваются стоны раздавленных паломников. Вибрация стены и испытанный майором кратковременный испуг вызывают у него непреодолимое желание оправиться по-большому. Удовлетворяя естественную потребность организма, Эдуард Иванович наблюдает, как у берегов Нила люди-точки перетаскивают с места на место нарумяненные пирамиды. Обратив взгляд в другую сторону, видит, что на Аравийском полуострове кривыми зазубренными мечами рубят головы полудюжине принцесс — от шестилетнего до восьмидесятилетнего возраста. «Славные национальные традиции»,— думает Степанчук, потирая шею.

Застегивая на лету брюки, работник органов безопасности планирует на Иран. Посредине Ирана он видит сад, а посредине сада — мраморное ложе. На ложе, закутанный в черношелковые одеяния возлегает сумрачнолицый двенадцатый законный имам. Одной рукой приемник пророка упирается в раскрытый Коран, в другой — держит большие овечьи ножницы. Перед имамом поставлены на колени с полсотни американских дипломатов-заложников, которым он, назидаая: «Дядя над всякой вещью мощен — вкусите ж сладостного наказания», обрезает носы, языки, уши, губы, а также ножницами выкалывает глаза. Сад окружен морем совершающих торжественный намаз суконносогбенных единоверцев, выbleивающих многомиллионным хором: «Дядя акба-ар!» и «Нет Дяди кроме Дяди и Магомет — пророк Его!»

Подвигав челюстью, Эдуард Иванович направляется к афганской границе. Пересекает ее. Майора встречает рев работающих двигателей, разрывы снарядов, стрельба. Внизу, по ущелью, бегут запыхавшийся старик с деревянной ногой и мальчик с зажатой в кулачке рогаткой. Их преследуют: танковый корпус, батарея самоходных орудий, бригада бронетранспортеров, полк вертолетов, три звена истребителей-бомбардировщиков и дивизия парашютно-десантных войск.

— Сюда, орлы! — кричит Степанчук. — Сюда, кантемировцы! Эти бандиты вон в той расщелине спрятались.

Ущелье заполняется огнем от сброшенных напалмовых бомб. Скрывается в клубах ядовитого газа. Майор кашляет, чихает, разбрызгивает слюну и слезы, роняет зубы и волосы. Уходит в стратосферу. Затем — в космическое пространство.

В космосе, придя в себя, Эдуард Иванович наблюдает прохождение космического поезда. Поезд состоит из паровоза, на котором весело смеется миру нарисованная мелом широкоокая задница, и цепочки мрачных маленьких вагончиков различных форм и размеров. На них разноцветными мелками выведено: «Сча-

сть», «Братство», «Любовь», «Любовь II», «Бескорыстие», «Честность», «Доверие», «Искренность», «Нравственность», «Чистота», «Преданность», «Любовь III», «Доверчивость», «Дружба», «Свобода», «Равенство», «Доброта», «Верность», «Альтруизм», «Эстетика», «Благотворительность», «Филантропия», «Совесь II», «Якобизм», «Любовь IV», «Этика»... Затем идут вагоны с замалеванными надписями, к последнему из которых привязан веревкой за шею каменный истукан, напоминающий майору в фас капитана Дельцина. Состав украшен флажками, гирляндами, фонариками, воздушными шарами. На самом большом и красивом шаре, прикрепленном к тендеру паровоза, радужными буквами выведено: «Дядилэнд».

— Ну и ну,— хмыкает криво Степанчук.— От души добра насобирали.

Проводив взглядом болтающегося в хвосте поезда истукана, он спускается к Земле и оказывается над дельтой реки Меконг.

Вьетнам встречает майора улыбкой, от которой у Эдуарда Ивановича холодеют пятки. По спине бегут мурашки. На всякий случай он поднимается метров на сто повыше. Проверяет наличие партийного билета.

Под путешественником расстилается ровная гладь полей. Трудолюбивые крестьяне, не разгибая спин, выращивают на них колючую проволоку. Желтый маленький «кукурузник» распыляет удобрения. В кратковременных паузах, отведенных для принятия пищи, труженики, выявив в коллективе очередного контрреволюционера, забивают его мотыгами и подкрепляются теплым мясом врага.

Эдуард Иванович, подтянув сапог, продолжает кругосветный вояж. На территории Китая замечает большую крытую повозку, в которую впряжен однорогий бык. Вместе с повозкой движется, располагаясь перед ней, за ней и по сторонам от нее, миллиард возбужденных китайцев. Заинтересовавшись, Степанчук спускается ближе к земле.

— Что, Эдя? Любопытствуешь?

— Любопытствую. Что ты везешь, бык?

— Оружие. Страшное. Только я не бык, а дракон.

— Конечно, дракон,— соглашается Эдуард Иванович.— А какое оружие? Почему страшное?

Повозка останавливается. Бык сгоняет с тощего хребта слепней. Китайцы колотят его палками по бокам. Бык поводит рогом и, трогаясь с места, поясняет:

— Рисовую бомбу везу. Вот сейчас доведу до Пекина, и всем вам придет хана от Поднебесной. И русским, и американцам, и вьетнамским предателям. Не жди спасения ни стар, ни млад. Мы ее пятьсот лет растили. И вырастили.

— Ладно. Я с вами в управлении поговорю,— скрипит зубами майор.— Ждите. Вас вызовут.

Степанчук покидает быкодракона, повозку, китайцев. Оставляет позади Великую Китайскую стену. Приближается к Амуру.

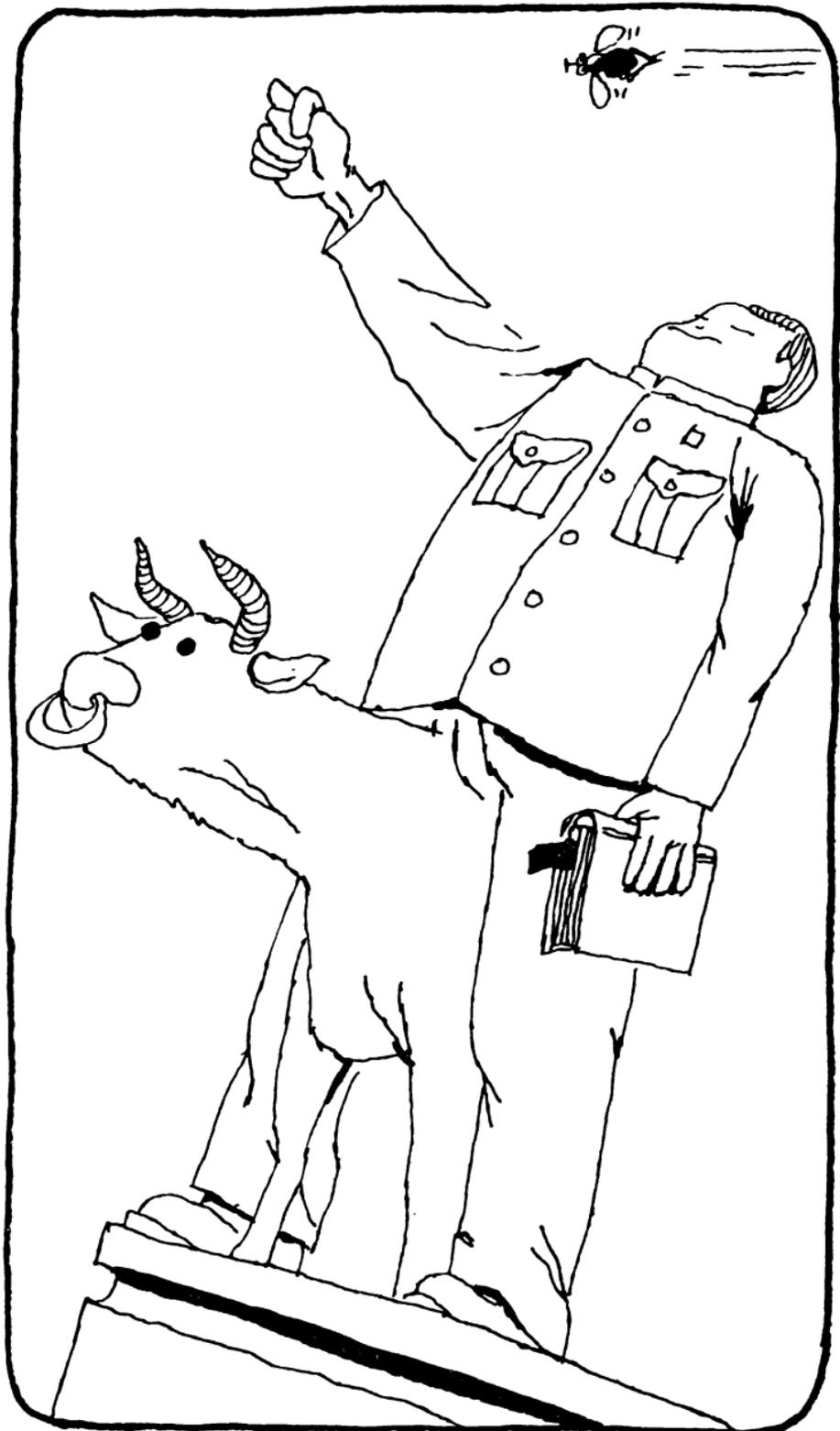
«Вот я и дома,— думает Эдуард Иванович.— Приму ванну и вздремну пару часиков».

— Здравствуй, Родина-мать!— кричит он.

Родина встречает майора тучей серебристых ракет типа «Земля-Воздух». Степанчук шарахается в сторону. Ракеты устремляются за ним. Майор набирает скорость, закладывает крутой вираж и едва не врежется в двухсотметровую статую Ким Ир Сена. Обогнув статую, Эдуард Иванович снимает сапог и швыряет его в небо с первой космической скоростью. Ракеты на миг останавливаются, затем бросаются в погоню за сапогом.

Степанчук садится на квадратную голову полковника, вождя и учителя, основавшего за четырнадцать лет до своего рождения Корейскую коммунистическую партию. Переводит дух. Чешет голую пятку, обозревает Северную Корею.

Из уха великого Ким Ир Сена выбирается охранник с винтовкой, влезает на голову статуи и ползет к майору, стараясь оставаться незамеченным. Подкравшись, вскакивает и наставляет винтовку на Эдуарда Ивановича.

— Руки вверх!

Степанчук, ослабившись, указывает пальцем на грудь охранника.

— А где твой партийный значок, товарищ? Потерял?

Кореец бледнеет. С ужасом смотрит на пустой лацкан мундира. Его начинает бить крупная дрожь. Винтовка падает.

— Потеря-ял,— улыбается Степанчук.— Когда из уха вылезал, тогда и обронил. Эх ты, Аника-воин!

Кореец срывается с места и прыгает вниз. Майор, перебравшись на край головы, следит за тем, как совершает приземление незадачливый сын гениального Кима. Видит, что тот исчезает в люке у основания статуи. Туда же выстроившиеся в очередь женщины кидают младенцев.

«Наливай, маманя, шей,— думает Степанчук. Ощущает, что статуя растет.— Вот это подкормка! С такой любовью к хозяину никакого коммунизма строить не надо. И десяти минут не сию, а уже метров на пятнадцать подвырос».

Майор обращает взор на восток. Там раскинулись острова Страны Восходящего Солнца. У подножия бирюзовой горы Фудзияма на широком лугу стоит пень. Он служит сиденьем для доктора Ока. Вокруг доктора расположилось пятьсот тысяч слушателей. Для остальных не хватило места. С вершины горы Фудзияма на доктора Ока и его последователей нацелено девятьсот телевизионных камер. Доктор Ока поднимает руку. Опускает. Произносит:

— Ом.

— Ом,— доносится до Степанчука многотысячное эхо.

Доктор Ока опускает голову. Поднимает. Говорит:

— Омм.

— Омм,— повторяют последователи.

— Оммм,— говорит доктор.

Степанчук пожимает плечами. Смотрит в сторону

Окинавцы. Там в акватории порта ремонтируется советская атомная подводная лодка. Ветерок доносит до Степанчука:

— Тюрю, подай ведро. Тут реактор протекает. Надо эту дрянь за борт слить.

На пирсе в смиренных позах застыли представители местной префектуры.

— Пазалуста, господина капитана, уберите васа заметательная лотка другой места. Есть очень красивый лагуна — Пила-Хаборе.

— Пошел ты,— вяло отвечает механик.— Тюрю, дядек ты соленый, ну где же ведро? Все нижние отсеки уже затопило.

— Оммммммм,— слышит Степанчук.

— Оммммммм.

«А что же, интересно, творится в Австралии?»— думает Степанчук. Глядит на юг. Видит Австралию. На дальнем краю Зеленого континента группа энтузиастов поедает фабрику по обогащению урановой руды. Зрители, расположившиеся в сумках у кенгуру, покуривают сигары, потягивают виски, позевывают.

«Совсем с жиру сбесилась Австралопитекия. Сначала бритвенные лезвия жрала, потом автомобили, а теперь на фабрики перешла. Послать бы этим овечникам каждому по летающему дядьку, вмиг бы зевать перестали».

— Оммммммммммммммммммммм,— говорит доктор Ока. Майор встает, разминается.

«Ну, что ж. Через Амур не пускают. Полечу через Балтийское море. Если уж там всякие шведы за женами изменников Родины проскакивают, то я и подавно проскочу».

Степанчук снимается с места. Над Фудзиямой ему в спину бьет звуковая волна.

— ...мммммммммммммммммммммммммммммм...

Эдуард Иванович теряет сознание.

...Что-то больно давит майору в живот. Затем следует удар по голове.

— Эт-то еще что такое?!— Степанчук открывает глаза. Получает второй удар. Обеими руками хватается сучковатый посох, принадлежащий высокобородому старику в лохмотьях и резко дергает. Старик с воплем падает на грудь Степанчуку. Перебросив тело через себя, майор встает на ноги. Старик, оказавшись в горизонтальном положении, с ненавистью глядит на Эдуарда Ивановича. Хватает горсть песка и бросает ему в лицо. Майор успевает отклонить голову. Приказывает лежащему:

— Не шевелиться. Быстро отвечать на вопросы. Фамилия, имя, отчество, место жительства, род занятий?

— Степанчук,— отвечает старик, сверля майора прокрустовыми глазками.— Эдуард Иванович. Советский Союз. Палач.

— Ты брось свои штучки, Тимон.— Степанчук выдвигает челюсть.— У меня не Афины. В подвалах сгною.

— А это видел?— Рука старика вытягивается. Под носом у майора появляется фи́га, состоящая из грязного большого пальца и костистого сухонького кулака. Майор, отступив, возвращает на место челюсть. Старик, убрав руку, встает, ворчит, поднимая посох:

— Разбудил слепня на свою выю. Как будто эту падаль человеческую не знаю. Верблюд я полоумный. Две тыщи лет с гаком прошло, а все никак не привыкну к мерзостям твари людской.

Старик замолкает. Уходит. Степанчук, глядя ему вслед, кричит:

— Стой! Ты куда?

— Тебе-то какое дело, гнус египетский?

Старик, пройдя несколько метров, останавливается. Оборачивается. Угрюмо смотрит на майора.

— Степанчук! Ты когда-нибудь задумывался над тем, Что ты есть? Что? Шевелил ли ты хоть раз над этим вопросом своими куриными мозгами? Пытался ли осознать свое место и назначение в этом мире? Искал ли смысл жизни? Или ты только набивал свой

желудок, спал, размножался и калечил себе подобных? Ты дрянь, Степанчук.

Старик продолжает свой путь. Майор растерянно провожает взглядом сутулую спину Тимона. Лезет несуразная мысль: «Надо же, как старикана согнуло. Не спина, а столик. Можно выпить, закусить и еще место где посадить вертолет останется».

— Идем со мной. Чего выставился?— не оглядываясь, произносит старый афинянин. Эдуард Иванович следует за Тимоном.

Путники движутся по беграничной равнине. Нещадно палит белое солнце. Высоко в небе кружат, издавая отрывистые гортанные звуки, черные птицы. Ноги майора по щиколотку погружаются в сухой горячий песок.

— Насчет палача ты неправ, — поравнявшись со стариком, говорит Степанчук.— Тут ты напутал. Я...

— Будешь много болтать, брошу тебя здесь одного, червь паскудный,— грозит Тимон. Сморкается в лохмотья. Теревит бороду.— Ты не у себя в кабинете, крокодилово семя.

Степанчук надувается. Моргает белесыми ресницами.

— Ты все-таки выбирай выражения. Я...

— Молча-ать!— беснуется старик. Стучит посохом по песку. Топают ногами. Мотает головой.— Ублюдок! Отребье! Гнида! Диссидент!— Успокаивается. Продолжает путь. Добавляет:— Пес смердящий. Демократ. Гнусный шакал. Откуда ты взял это слово: «Я»?! Забудь его навсегда, ничтожество. Для тебя не существует понятия «я». Твоя жалкая брэнная плоть, каракуртоголовый,— всего лишь капля мочи в океане нечистот человеческой сути. Иди на расстоянии двенадцати шагов от меня и не смей приближаться.

«Вот ведь старый большевик, сволочь!— думает Степанчук.— Ему когда-то там до нашей эры дружки-собутельники долги не вернули, а он теперь на людей кидается, Малюта! Какой только черт меня занес в эту духовку? Печет, как в «фаларидовом бычке». В горле

все пересохло. Ситуа-ация. И никуда не денешься... Как бы к этому пауку сушеному насчет воды получше обратиться?»

— Тимон,— неуверенным голосом начинает майор.— Удивляюсь твоей выносливости. Такая жарница, а тебе хоть бы что. Неужели не хочешь пить? Вон, гляжу, птицы летают. Ты не знаешь, где они воду достают?

— Они пьют человечесью кровь,— отвечает Тимон. Остановливается. Поворачивается к Степанчуку. Кашляет. Майор замечает в его глазах нездоровый блеск. Откашлявшись, старик говорит:

— Пить хотите? Напомните мне вашу фамилию. Откуда вы и зачем? Сейчас же дайте торжественное обещание члена Всемирного Человеческого Движения за рост и развитие интеллектуально-нравственного уровня и всеобщее содействие и сотрудничество всех людей планеты в деле совместного преодоления нависших над человечеством глобальных угроз и поиска космического самосознания. Повторяйте за мной. У нас мало времени.

У Степанчука отвисает челюсть.

— Я,— произносит старик.— Ну, что ж вы молчите? Я. Я. Ну же. Я.

— Я,— выдавливает майор.

— Фамилия. Имя,— каркает Тимон.

— Фамилия. Имя,— повторяет Эдуард Иванович.

— Вступая в ряды Всемирного Человеческого Движения имени Марихуана Опиумова перед лицом своих товарищей... — Тимон буравит взглядом Степанчука. Тем же каркающим голосом продолжает: — Торжественно обещаю горячо любить свою Планету-Мать, жить, учиться и бороться, как завещал нам великий Марихуан Гашишевич, как учит нас интеллектуально-духовная Партия — всегда выполнять Законы ВЧД.

— ВЧД,— эхом откликается Степанчук.

— От себя хочу добавить, что за нарушение этого

вашего торжественного обещания вы будете лишены партийного билета и бесплатной поездки по линии нашего движения на планеты Вайкхунти. Подойдите сюда. Становитесь на колени. Целуйте знамя.

Старик тычет свои лохмотья в лицо Степанчуку. Майор вдыхает тяжелый запах. Касается материи губами.

— Вставайте,— говорит Тимон.— Теперь вы не мальчик.

Степанчук поднимается с колен. Облизывает пересохшие губы. Вытирает ладонью лоб.

— Не забывайте о том, что наша Планета-Мать окружена плотным кольцом черных планет-врагов. Помните: с развитием интеллектуально-нравственного и космического самосознания, участником которого вы теперь становитесь, обостряется внутренняя и внешняя борьба самосознаний. В связи с вышесказанным вы должны учиться преодолевать трудности.

— А вода? Где же вода?— спрашивает майор.

— В настоящее время,— поясняет Тимон,— на Планете, наряду с нехваткой продовольствия и гуманитарной помощи, наблюдается отсутствие водных ресурсов. Вы свободны.

Старик кашляет. Разворачивается и идет, опираясь на посох. Степанчук кидается ему вслед.

— Да ты что, сдурел, дядькоплет старый? Что за шутки? Я...

— Мра-азь!— орет Тимон.— Опять «я»! Оставь свое «я» в хлеву, скотское отродье! Еще одно «я», и я обломаю о тебя, пакость, свой посох!

«Не-ет,— думает Эдуард Иванович,— это ни в какие ворота не лезет. Что за тип?.. То он, вроде, Тимон, то несет ахиною, как обычный партийный дятел. Ну ничего. Пусть меня только из пустыни выведет, а там я ему покажу кузькину мать».

— Безликое существо,— бормочет афинянин.— Лучше бы ты родился ослицей. Тогда мешок с человеческими мерзостями был бы хоть немного полегче. Ка-

кое великое счастье я испытал бы, если б на земле остались жить одни дикие кони и клопы.

— Тимон!— Майор стаскивает и сбрасывает мокрую от пота рубашку.— Клопы — это хорошо. Ты обещал напоить меня...

— Гиена зловонная! За всю свою жизнь ты не заслужил и глотка воды. Пойми, безмозглая вошь, что если уж тебе удалось обмануть природу и появиться на свет, то это не дает тебе права все пожирать и выпивать вокруг. О, гадкий человеческий род! Вместо того, чтобы думать о пище духовной, он, погрязая в творимом им дерьме, которое зовется материальными благами, уничтожает мироздание! Вот основной смысл существования! Вот его природа! С чем я могу сравнить столь нелепое гнусное создание? Ни с кем и ни с чем. Своими плотоядными подошвами, Степанчук, ты оскверняешь песок в этом райском непорочном уголке. Хоть это ты понимаешь?

«О, Дядя!— думает майор тоскливо.— Избавь меня от мучений! Сколько можно терпеть!»

Внезапно старик исчезает. Степанчук беспомощно озирается. Находит Тимона у себя за спиной сидящим на стуле.

— Присаживайтесь. — Старик указывает рукой на песок. Кашляет. На его впалых щеках выступают красные пятна. Лоб покрывает испарина.

Степанчук опускается на песок. Вытягивает уставшие ноги.

— Сядьте как следует,— говорит Тимон.— Вы, насколько я понял, обучаетесь в университете. Какой у вас курс? Третий? Поздновато вы к нам пришли. Слабо в вашем университете поставлена работа по проведению благотворительных мероприятий и организации гуманитарной помощи. Так о чем желаете сообщить? О ком? Какие настроения царят на вашем факультете? Что говорят профессора? О чем толкуют студенты в курилках? А это что у вас там лежит? Подайте-ка сюда.

Степанчук обнаруживает рядом с собой кожаную почтальонскую сумку. Подает ее старику.

— Я так и знал!— Тимон достает из сумки стопку бледно-голубоватых предвыборных плакатиков с изображением патисоновыгнутого земного шара. Гневно глядит на майора.— Вы хотите на мое место? Какая мерзость! Вы что, босой? Нет, вы не босой: по ногам вижу. Так почему же вы хотите меня заменить? Вам Мать-Планета дает жизнь. Кормит. Поит. Воспитывает. Обувает. Бесплатно обучает и лечит. А вы ее предаете. Откуда такая черная неблагодарность? Такой босизм?.. Не понимаю. Мои дети, к примеру, никогда и никуда не баллотировались и думать об этом не желают. Подумайте об этом! ...Так, значит, вы твердо решили? А есть ли у вас рекомендации от ассоциаций, корпораций, концернов, ВПК, бирж, банков, СП, страховых компаний, акционерных обществ, малых предприятий? Пригласите их к нам на собеседование, и я уверен, что все они, как рядовые патриоты Планеты, откажут вам в своей поддержке. Ведь на нашей Планете не существует общенародных выборов. И не может существовать. И даже проблемы такой нет. Это — фикция. Происходит лишь естественный отбор. И вы это должны понимать. Так что, молодой человек, если у вас действительно есть подобные намерения, то пусть ваши спонсоры заходят к нам. Милости просим.— Тимон пристально смотрит в бегающие глаза Степанчука. Покашливает.— Ну, ладно. Мы вас возьмем на заметку. Только... Готовы ли вы делиться?

— Послушай, Тимон. Я... Мне,— взмаливается Степанчук.

— Как вы со мной разговариваете? Я — Михаил Андреевич! Мой номер — два!— Старик потрясает посохом.— Я — главный идеолог Всемирного Человеческого Движения! Расчетный счет в Инкохрумплюодобанке! Дверь открывается на себя!

Тимон встает и быстрыми шагами удаляется.

— Тимон! Михаил Сергеевич!— зовет Степанчук.— О, черт! Андреевич!.. Мы же только что оттуда! Нам в другую сторону!

Старик приостанавливается.

— Молодой человек, вам следует правильно понять свою задачу. Не надо думать. Надо верить. За вас и о вас думает ВЧД. А если вам с нами не по пути, то вы будете наказаны в соответствии с суровыми законами военного времени.

Степанчук устремляется вслед за идеологом.

— Простите! Я больше не буду!

Зацепившись за одинокий куст черного саксаула, Эдуард Иванович теряет штаны. Старик бросает гневный взгляд на майорово хозяйство. Торжествующе произносит:

— Вот корень раковой опухоли на здоровом теле природы. Вот причина разрушения гармонии и равновесия. Вот истоки гибели вселенной. Спрячь своего божка, насекомое!— Тимон продолжает путь. Ступает, с силой вдавливая посох в песок.— Известно ли тебе, Степанчук, что ты и тебе подобные бактерии во все века создавали, создаете и будете создавать для себя всевозможных идолов. Вам все равно — будь то фаллос, будь то любой кумир, будь то идея. Вы стремитесь уйти от истинного, от реальных поисков хоть каких-то заложенных в вас природой возможностей. И к чему вы приходите? Тьфу!— Тимон рассекает посохом воздух.— Сластолюбивые тупицы! Индолово племя! Гадящее стадо свиней!

— Я дальше не пойду,— чуть слышно говорит Степанчук. С трудом переставляет ноги.— Я больше не могу.

— Все идут, и вы пойдете,— заявляет Тимон.— Коллектив — это великая движущая сила духовного и нравственного прогресса.

Тимон кашляет. Майор замирает. Безумными глазами оглядывает мертвый горизонт.

— Ведь наша задача состоит прежде всего в том,

чтобы добиваться более глубокого и всестороннего понимания массами космического само...

Степанчук с диким воем бежит, не разбирая пути. Падает, путаясь в штанах, встает, бежит, снова падает. Песок забивает глаза, рот, уши. Эдуард Иванович плачет, бьет кулаками оземь. Куда-то проваливается.

...Майор чувствует, что висит в воздухе. Воздух пахнет свежей смолой. Майор не решается открыть глаза. Прислушивается. Слышит гудение. Похоже, гудит шмель. Щебечут птицы. Журчит вода.

«Вода!»— Степанчук размыкает веки. Внизу, в трех-четырёх метрах от него, с камня на камень весело перепрыгивает ручеек. Эдуард Иванович изгибается всем телом и смотрит вверх. Над ним нависает лапчатая сосновая ветка. Сквозь нее проступает голубизна. Майор догадывается, что, падая, зацепился брючным ремнем за сук. Дергается. Сук трещит. Степанчук оказывается в воде. Погружает лицо в ручей, жадно и долго пьет. Никак не может напиться. Ложится на спину прямо в воду. Отдыхает, потирая ушибленную коленную чашечку. Смотрит в небо. Над майором проплывает череда светящихся облаков. Плавно покачиваются верхушки сосен. Гуляет в воздухе невесомая искристая паутинка. Затем все это заслоняет склонившаяся над Степанчуком голова оленя. В его больших бархатистых глазах удивление. Майор улыбается. Олень фыркает и уходит. Эдуард Иванович садится и осматривается. Он в сосновом бору.

«Приро-ода,— думает Степанчук.— Тишина. Уединение. Душевный покой. Часто ли доводилось мне бывать наедине с деревьями, облаками, ручьями... С самим собой».

Ручеек, огибая Эдуарда Ивановича, бежит меж мшистых валунов, прячется за стволами сосен. Степанчук встает и, прихрамывая, идет по ручью.

«Ну что ж, пойдем вместе, приятель,— думает он.— Побродим, побеседуем. Да. Как же я раньше не

замечал этакой красоты... Чувствуешь себя каким-то иным, переродившимся, новым».

Майор нагибается. Выловив из ручья крупную пахучую шишку, разглядывает ее, подбрасывает на ладони. Аккуратно опускает обратно в воду.

Вскоре ручей выводит Степанчука на просторную поляну, залитую солнцем. У Эдуарда Ивановича перехватывает дыхание. Он с восхищением взирает на кланяющиеся ему пестрые головки цветов. Сразу две бабочки опускаются на плечи майора — махаон и павлиний глаз. Эдуард Иванович застывает. Старается не дышать, боясь спугнуть чудные создания.

«Эх, Эдуард, Эдуард, какой же ты все-таки дуралей. Тебе без малого сорок лет, а ты только сейчас прозревать начинаешь... Зачем тебе кабинет, зачем тебе управление, зачем тебе все эти волки и лисицы, зачем тебе вся эта суета... Почему ты не живешь здесь, рядом с тем, что тебе по-настоящему дорого, рядом с тем, что по-настоящему твое... Ты когда-нибудь заглядывал в себя, Эдуард? Нет? Так загляни сейчас. Кто знает, будет ли еще такая возможность...»

Бабочки, вспорхнув с плеч майора, кружатся в беззаботном танце над яркими лепестками.

«А заглянув в себя, Эдуард, ты поймешь, что счастье перед тобой, — вот оно. Оно в простоте и естественности. Ты видишь просто траву. Просто цветы. Просто небо. Просто деревья. Ты видишь просто бабочек, Эдуард. Эдуард, ты счастлив. Что тебе еще надо? Глупый, глупый Эдуард, чем ты занимался все эти годы? На что растратил драгоценные минуты бытия?..»

Навстречу Степанчуку по траве и цветам неторопливо идут мальчик-пастушонок и бык. Мальчик держит быка за единственный рог. У пастушонка светлое открытое лицо. Ветерок треплет золотистые локоны. Бык срысывает губами травинки. На голове у него венчик из ромашек и васильков.

«Совсем как ангел,— умиляется Степанчук. Делает

несколько шагов и гладит мальчика по шелковистым волосам.— Какой сегодня чудесный день. Какое чудесное превращение произошло со мной. Какое чудесное превращение...»

Бык поднимает голову и розовым шершавым языком облизывает майору лицо.

...Машина Эдуарда Ивановича Степанчука стоит возле управления. Провожая взглядом удаляющийся грузовик со скотом, он достает платок и вытирает лицо. Открыв дверцу, идет ко входу в управление.

«Превращение... Почему Превращение? Не мог же этот подлец и в самом деле превратиться в собаку... Какое к чертовой матери превращение!— размышляет майор.— Сейчас спущусь с Эновым в "кричалку" и выбью из него все, что мне надо. Нечего антимионии разводить».

9

— Недавно сотрудница нашего европейского бюро Леонелла Вандалова провела интервью с молодым рабочим Николаем Аверюшкиным, выехавшим год назад из Советского Союза. Сейчас он работает в Нью-Йорке на кожевенной фабрике. Вот что Николай сказал нам в интервью...

Генерал осушает рюмку.

— Та-ак. Бывший солист Большого театра. Из семи букв. На «Г».— Плухов вертит в руке карандаш.— Четвертая «У». А что у нас по горизонтали? Та-ак. Величайший виолончелист нашего времени, устроивший в Париже бесплатный концерт в честь известного борца за права человека.

Генерал вспоминает фотографию из «Нового русского слова».

— Растропович!— Он ударяет карандашом по жур-

налу.— Подходит, хрыч корявый. Молодец. Значит, вторая «о». Та-ак. А что у нас еще по горизонтали расположилось? Большая открытая посуда с рыльцем, употребляемая в русском флоте для вина.

Плухов задумывается.

— Недавно я переселился в комнату в Южном Бронксе, неподалеку от места работы,— вещает радиоприемник.— Комната недорогая, пятьдесят тысяч долларов в неделю. Живу хорошо. Встаю в два часа утра. Завтракаю. Завтрак у меня солидный: два-три чипса в крутую, пара кукурузных хлопьев в смятку и полчашки кипятка. Нет, я ем так не потому, что не могу себе позволить истратить лишний доллар. Просто я привыкаю к американскому образу жизни. А что касается моей заработной платы, то здесь я не могу пожаловаться. Судите сами: одна минута, проведенная у станка, приносит мне килограмм винограда или одну небольшую курицу. Две минуты — две курицы или один довольно солидный гусь. Пять минут — индейка. Час — баран. Я, должен признаться, хотел бы покушать баранину. Особенно бабикью. Это... как бы вам объяснить... э-э... Баранья туша, зажаренная целиком на свежем воздухе. Заметьте, мя-мя, именно на свежем...

— Ага. Ендова. Выходит, пятая буква «н». Кто тут еще по горизонтали? Русский поэт, замученный в сталинских застенках. Интересно.— Генерал почесывает карандашом за ухом. Другой рукой наливает в рюмку коньяк.

— Я присмотрел себе машину в Бруклине на кладбище подержанных автомобилей,— рассказывает Николай Аверюшкин.— Думаю через пятнадцать-двадцать лет внести свой первый взнос... Хочу поделиться с вами своим сокровенным желанием. Мечтаю в будущем открыть собственное дело: наладить выпуск хороших медных ремней с шипами для Гарлема и Бронкса. Тогда-то мне и пригодится этот автомобиль. И еще я хочу рассказать о своем хобби. В свободное от работы время

я сочиняю слова на собственную музыку и исполняю все это на гитаре. Сейчас прозвучит одна из моих песен — «Баллада о туалетной бумаге»...

— Этого еще не хватало,— ворчит генерал и крутит ручку настройки радиоприемника.— «Голос Америки» в своем репертуаре... Ладно, поэтов пока отложим. Возьмем вот что. Один из основателей НТС, член редколлегии нашего журнала... Ну-у, друг, шалишь. Тебя-то я знаю как облупленного. Не слабо мы с тобой и твоим братцем Барабаном попили и поели по Европам.

Генерал слюнявит карандаш и вписывает буквы в квадратики. Приемник издает посвистывания, похрюкивания, чваканье. Плухов осушает рюмку.

— Что у нас получилось? «Го-унов». Какой же здесь не хватает буквы? Кто у нас плясал в Большом театре? Годунов? Госунов? Горунов? Гошунов? Азербайджанец получается. Уже и азербайджанцы на Запад поперли. Детишек пугать.— Плухов отбрасывает журнал.— Вечно в этот «Посев» всякие отбросы собирают. Толкового кроссворда придумать не могут.

Генерал продолжает крутить ручку настройки.

— ...часов тридцать минут. Говорит «Радио "Россия"». Слушайте выпуск последних известий. Президент транснациональной корпорации «Ай-Би-Эм — Экорамбурс» Виктор Молекула-Голицин послал на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций телеграмму протеста против ввода войск ООН в Центрально-Африканскую Республику. В телеграмме указывается, что если в трехдневный срок требования президента не будут удовлетворены, то корпорация прекращает финансирование всех административных органов, структур, отделений и штаб-квартир ООН.

— Правильно.— Плухов выпивает еще одну рюмку коньяка.— Побольше надо таких телеграмм посылать. Замажем Западу глаза и прикончим его.

Стучат. В дверь просовывается скошенный бюст лейтенанта Евсюкова.

— Товарищ генерал, позвольте все-таки...

— Опять ты? Надоел. Не видишь, я занят? Иди отсюда! — Генерал, прицелившись, бросает рюмку.—
Есть!

— Есть!

Дверь закрывается. Плухов вертит ручку приемника.

— Это позволяет надеяться,— дребезжит голос обозревателя «Би-Би-Си» Лейкина-Кохановского,— что проведение ежедневных Тюкинских слушаний, семинаров, симпозиумов, конференций, конгрессов, съездов, фестивалей, олимпиад, благотворительных марафонов, всемирных маршей, а в будущем и прямых космических мостов с инопланетными цивилизациями, откроет новые горизонты в ходе трудных поисков человеческого счастья и процветания. На этом наша передача заканчивается. Спасибо за внимание.

— Твое здоровье, Толя. — Генерал отхлебывает из горлышка и, сладко потянувшись, разваливается в кресле.— А теперь давай музыку!

— А теперь, дорогие радиослушатели, мы предлагаем вашему вниманию выступление Лондонского камерного оркестра. Бетховен. Колыбельная.

Кабинет Плухова наполняет тихая ласковая музыка. Поначалу она приятна генералу, потом надоедает и, наконец, вызывает у него раздражение. Генерал выключает приемник и, пошатываясь, принимается разгуливать по кабинету. В голову лезут мысли о секретаре обкома Борисове. Вспоминается первый конфликт из-за того, что в спецраспределитель пришел только один бразильский гарнитур «Палобарачо». Негодяй Борисов успел захватить то, что по праву должно было принадлежать не ему. Дело, разумеется, не в гарнитуре. Дорог принцип. Пришлось послать взвод автоматчиков в борисовские угодья, чтобы те перестреляли там всех лосей. Обкомовская шкура нанес после этого удар ниже пояса: написал в Москву не только о том, что дедушка генерала служил жандар-

мом и лично преследовал Ленина, а бабушка, будучи гимназисткой, дружила с Каплан, но и о том, что сам генерал, верующий в Дядю, тайно, пешком, ходит в секту скопцов-трясунов-пятидесятников. Факты, к счастью, подтвердились только наполовину. Ничего не оставалось, как сфотографировать секретаря обкома и его ближайших захребетников с ведущей актрисой Театра мимики и жеста во время их совместных половых объятий в ее уборной, кои фотографии и были посланы в ЦэКа. С тех пор из года в год война разгоралась... Что же этот подлый кабан делал в Москве? Каких ждать последствий?

Генерал закуривает. Засовывает руки в карманы.

«Ну, хорошо. В отношении Борисова многое скоро прояснится. Следует подумать о текущих делах... Что там Энов? Подвалил этот артист мне работы. Сроду ничего похожего не случалось. Сами дела придумывали, чтобы фонды не пропадали. Степанчук, надо признаться, мастер на эти штуки. Специалист. И вообще он парень неплохой, просто по молодости кулаками машет. Поживет с мое — поймет, что все везде давно распределено и выше головы не прыгнешь».

У Плухова выпадает изо рта сигарета. Он поднимает ее, вставляет обратно, идет к сейфу. Открыв сейф, генерал достает еще одну бутылку коньяка. Закрывает дверцу, не замечая, что защемляет рукав пиджака. Делает шаг. Пиджак трещит, рукав отрывается. Плухов тупо смотрит на отделенную часть пиджака. Потом улыбается.

«Ловко. Одним движением. Есть еще сила».

Генерал сгибает руку в локте. Любуется бицепсом.

«Природный наш богатырский дух. Плуховский. Дед, рассказывали, ударом кулака в ухо убивал лошадь из породы вологодских тяжеловозов и одним мизинцем поднимал колесо груженной телеги, а один раз, на Нижегородской ярмарке, свалил слона. Слыл грозой всей округи. В кулачном бою однажды искалечил двух двенадцатипудовых братьев татар — Ри-

фа и Рафа из Бугульмы, которых специально привозили сразиться с дедушкой в его родную деревню Немчиновку».

Генерал идет к встроенному в стену шкафу переодеваться. Снимает остатки пиджака, рубашку, ботинки, брюки, трусы. Достает из шкафа мундир.

В помещение вторгается решительный Евсюков.

— Евсюков, хочешь в рожу?— говорит генерал.— Чтобы знал, как без стука входить.

— Убейте, товарищ генерал, но выслушайте сообщение. Очень важные новости.

Плухов в одних носках переходит от шкафа к окну. Чистит одежной щеткой сверкающий чистотой мундир.

— Да? А не врешь? Ну, что ж. Выкладывай.

— Неожид...— Торопливо доставая из внутреннего кармана магнитофон, Евсюков едва не роняет его.

— Неожид? Какой неожид? Говори толком.

— Дело в том, товарищ генерал, что...

— Это что-то новое.— Плухов кладет мундир на подоконник, ходит по кабинету.— Неожид!.. Неонацизм знаю. Небольшевизм тоже. О неокOLONIALИЗМЕ слышал. А с неожидовством впервые сталкиваюсь. Это кто? Смирнов-Осташвили что ли? Где ты его откопал?

— Тут дело в другом. Борисов!

Евсюков включает магнитофон. Генерал слушает. Багровеет. Сжимает кулаки.

— Сместить? Меня? Банкетный зал?.. Ну, это мы еще посмотрим.— Плухов бьет кулаком по краю стола. Ломается ножка.— Где Степанчук?

— У себя, товарищ генерал. Допрашивает Энова.

Плухов кидается к двери.

— Товарищ генерал!— вскрикивает Евсюков.— Вы же... не одеты.

Генерал прекращает движение. Берется за трусы.

— Мундир. Быстро.

Откинувшись в кресле и скрестив на груди руки, майор Степанчук обращается к сидящему через стол Энову:

— Так вы, значит, утверждаете, что все эти дни просто ходили по улицам и просто пили? Так?

— Так,— угрюмо отвечает Эныч.

— И, стало быть, своей соседке Осиповой инъекции никакой не делали? Так?

— Так.

— И никакого Тульского вы не знаете?

— Так,— говорит Эн Энович.

— Так,— продолжает Степанчук. Достает зажигалку. Поигрывает ею.— Ну а детишек из «Огонька» вы и в глаза не видели?

— Каких детишек?

— Из «Огонька». Ну... возле вашего любимого «муравейника». Неподалеку от аэродрома.

— Детишек видел.— Эныч слегка пошевеливает головой.

— Но вы, конечно, к ним и пальцем не прикасались?

— Одному лопатку подал.

— Лопатку? Подали? И все?

— Все.

— Та-а-ак.— Степанчук принимается переключать зажигалку с ладони на ладонь.— И Тульского ни на что не сажали? И стелу ничем не украшали? И консервный завод потом не взрывали?.. Да вы просто ангел.

Эныч посапывает. Степанчук встает.

— Я вам сочувствую, Энов. В таком безнадежном положении как ваше, сложно что-либо отрицать. Состав преступления налицо. Улики, факты, свидетельства — все против вас. Да, между прочим, ваш сообщник Кувякин уже во всем сознался и чистосердечно покаялся, что, кстати говоря, судом будет учтено... Интересная деталь. Кувякин утверждает, что именно вы, Энов, являетесь главой вражеской группировки и имен-

но вами были организованы все диверсии, осуществленные в городе. — Майор выходит из-за стола, шагает по кабинету за спиной Эна Эновича. — Не буду вас вводить в заблуждение. Жизнь я вам гарантировать не могу. Это буду решать не я. Что же касается меня, то я бы с удовольствием — подчеркиваю, с удовольствием — расстрелял бы вас лично и сейчас же.

Эн Энович скрипит стулом. Смотрит исподлобья на портрет Дзержинского.

— Я понимаю вас, Энов. Мне неоднократно приходилось наблюдать подобную душевную драму, — смягчает интонацию Степанчук. — Должен сказать вам, что каждый, решившийся в конце концов на полное искреннее признание, испытывает огромное внутреннее облегчение. Да и суд в таком случае будет разбираться в ваших преступлениях абсолютно объективно. Абсолютно!

Степанчук резко останавливается и, наклонившись к Энычу, кричит:

— Кто стоит за твоей спиной?!!

Эныч вздрагивает. Робко отвечает:

— Вы-ы.

— Ах, вот как... — Степанчук, заложив руки за спину, возобновляет хождение. — Пофиглярствовать решил, жаба? Хорошо... Мне следовало бы сразу догадаться, что с человеческими мерками к тебе подходить нельзя.

Проходя мимо Энова, майор с размаху бьет его ребром ладони по печени. Эныч, согнувшись, стонет. Степанчук идет к окну. Стучит пальцами по бронированному стеклу. Присаживается на подоконник и, поскрипывая зубами, продолжает:

— Через несколько минут, голубчик, мы с тобой спустимся в маленькую уютную комнатку. Стены этой комнатки обиты крупповским железом. С потолка свисают, мелодично позвякивая, изящные американские никелированные цепи и крючья. Они с нетерпением ожидают встречи с твоим цветущим, пышущим здо-

ровьем телом. В углу, пощипывая травку, сучает по тебе всегда готовый обогреть дорогого гостя «фаларидов бычок». Знаешь, что это такое, друг мой милый?

Степанчук сползает с подоконника. Неторопливо приближается к Энычу. Голова Эна Эновича невольно вытягивается в плечи.

— Но это еще не все,— ободряет собеседника майор.— Тебя, как большого любителя осуществления половых акций, поджидает приятный сюрприз. В противоположном углу комнатки стоит скромный стеклянный шкафчик, в котором разместились замечательные хирургические инструменты. Мы произведем трансплантацию детородного конца. Твойотрежем, а на его место пришьем другой. Выбирай по вкусу. Хочешь — петушиный, хочешь — крысиный, хочешь — кабаный. Рекомендую выбрать кабаный. Он с винтом.

Степанчук размахивается и ударяет Эна Эновича по почкам. Орет:

— Кто тебя послал?! На кого ты работаешь?! Явки, адреса, пароли! Говори!

Майор смотрит на часы. Прикладывает их к уху, прислушивается. Направляется неспешным шагом к подоконнику. Распахивается дверь. На пороге стоит, покачиваясь, разъяренный Плухов. Степанчук оборачивается на звук.

— Провожу допрос, товарищ генерал.

— Продолжайте, продолжайте.— Плухов закрывает за собой дверь. Прячет за спиной руки, сжимающиеся в кулаки.

— Говори!!!— продолжает допрос майор.

Эныч, обхватив бока, тяжело дышит. Шевелит по синевшими губами, пытаясь что-то произнести. Степанчук, скрестив на груди руки, выставив вперед челюсть и правую ногу, ждет.

— ДЯДЕК тебе в лоб,— хрипит Эныч.

В воздухе мелькает нечто, похожее на рыбу-молот, и с фантастической силой бьет Эдуарда Ивановича Степанчука между глаз. Тело майора, взметнувшись

над полом, дважды перевертывается и врезается в оконную раму. Выбивает ее и вместе с оргалитами-осколками летит во внутренний двор управления. Слышен глухой удар об асфальт.

Генерал подскакивает к окну, высовывается наружу, смотрит вниз несколько секунд, потом слезает с подоконника и поворачивается к Энычу. Нащупывает под мышкой рукоять пистолета. Эныч сидит в прежней позе. Его подбородок прижат к груди. В кабинет вбегают вооруженные прапорщики, выжидающе смотрят на генерала. Плухов потирает висок. Взгляд его прикован к Эну Эновичу.

— Энов,— говорит генерал.

— Да,— отзывается Эныч. Поднимает голову.

— Энов, вы что?

— Ничего.

Плухов обращается к прапорщикам:

— Обыщите его... Ну? Как? Ничего? Подождите в коридоре. Не отходите от двери.

Прапорщики выходят.

— Энов,— говорит генерал,— что сейчас было?

— Не знаю,— говорит Эн Энович.

Генерал, не спуская глаз с Эныча, передвигается ближе к столу.

— Положите руки на колени. Отвечайте. Как. Вы. Это сделали?

— Что сделал?

— Это, Энов. Это.— Плухов тычет большим пальцем в сторону окна.— Отвечайте.

— Да ничего я не сделал.— Эныч пожимает плечами.— Сказал только ему...

— Стоп.— Генерал в задумчивости трет висок. Обогнув стол, садится напротив Эныча. Выдвигает ящик, достает початую бутылку коньяка и два стаканчика. Наливает. Пододвигает один из стаканчиков к Эну Эновичу.— Пейте.

Эныч и генерал выпивают.

— Вы сейчас будете отвечать на мои вопросы слова-

ми «да» или «нет». И ни одного другого звука. Вы поняли?

Эныч кивает.

— Хотите еще стаканчик?

— Да.

— Вас хорошо сегодня накормили?

— Да.

Генерал наливает. Эныч пьет.

— Вы сказали майору «дядек тебе в лоб». Вы ему это сказали?

— Да,— Эныч утирает рот.

— Он вас бил?

— Да.

— Вы что-нибудь кинули в него?

— Нет.

— В кабинете до моего прихода кроме вас и майора был кто-нибудь?

— Нет.

— Может быть, птица какая-нибудь залетела?

— Нет.

— Майор был пьян?

— Нет.

Генерал тяжело вздыхает. Достает портсигар и закуривает.

— Ну что ж, остается только одно: провести следственный эксперимент.

Плухов нажимает кнопку. Появляется прапорщик.

— Вы мне нужны, Голоденко,— говорит генерал.

Из коридора через приоткрытую дверь доносятся звуки словесной перепалки. Плухов хмурится.

— Что там такое еще? Что за базар?

— Да опять Елизавета...— говорит, не спуская глаз с Эныча, Голоденко.— Уборщица.

— Вот.— Плухов выбрасывает вперед палец.— Позовите-ка ее сюда. А сами будьте в коридоре.

В кабинет с ведром и шваброй протискивается бочком уборщица.

— Петр Сергеевич,— с порога жалуется она,— эти

обормоты убираться не дают. Сгрудились, как жеребцы, посредине коридора и...

— Хорошо, Лизавета. Разберемся. — Генерал встает. — Не расстраивайся. Я тебя вот о чем попрошу. Ты поставь ведро и швабру сюда, в уголок, а сама становись вот так. — Плухов подводит уборщицу ближе к окну и показывает, как нужно стоять. — Ногу подальше, подальше выставь... А я стоял здесь... Теперь, Лизавета, ты по моему сигналу крикнешь слово «говори», да погромче. Вы, Энов, в ответ на ее крик произнесете то, что сказали майору. Итак, начинаем. Энов, без шуток.

Генерал достает пистолет. Кивает Лизавете.

— Говори-и-и-и! — визжит уборщица.

Эныч почесывает колено.

— ДЯДЕК тебе в лоб.

В ресторане «Кристалл» шумно. Разместившийся на эстраде вокально-инструментальный ансамбль «От сердца к сердцу» исполняет «Яблони в цвету». Перед эстрадой кружатся в танце несколько пар. Между столиками снуют, гремя посудой и деревянными счетами, официанты. За столиками, покрытыми пятнистыми скатертями, ерзают, крича и жестикулируя, посетители. Под потолком угрожающе раскачивается, позванивая псевдохрустальными сосульками, гигантская люстра.

Музыка смолкает. Музыканты, побросав инструменты, торопятся к своему столику у эстрады. Залпом выпивают по два-три фужера. Давясь, закусывают. Пауза позволяет расслышать отдельные выкрики посетителей.

— Я командировочный! Третий день поесть не могу!.. Почему вы берете с меня за водку? Я пил нарзан!.. Что вы принесли?! Они же синие! И воняют!.. Смотрите! У меня в супе нечеловеческие волосы!!.

Музыканты, спотыкаясь, запрыгивают на эстраду. Хватают инструменты, ударяют по струнам. Выкрики съедаются разудалой «Коробушкой».

Вдоль одной из стен зала, на высоте пяти-шести метров, тянется галерея. Она занавешена легкими шторами. На галерее располагаются отдельные кабинеты. В кабинете, находящемся ближе к эстраде, ужинает компания из пяти человек во главе с первым секретарем обкома Борисовым.

— Ну, как Москва, Василий Мартынович?— спрашивает председатель Горпотребсоюза Новиков, полный мужчина с крючковатым носом.

— Откровенно говоря, Марк Захарович, я ее в этот раз почти и не видел. Дела закрутили... Подай мне хренка, пожалуйста. Хорош хренок! Насквозь продирает... А ты что же, Виктор Валентинович? Не уважаешь хрен?

Лысоватый мужчина в очках нервно дергает верхней губой.

— Ты же знаешь, Василий Мартынович. У меня желудок. Всякий раз ты меня своим хренком поддеваешь. — Главный редактор газеты «Областная Правда» Коронич подкладывает к себе в тарелку немного овощного салата.— Лучше расскажи: там, в Москве, не встречал ты этого закомплексованного идиота?

— Боровикова-Арбаткина что-ли? — Борисов разрывает пополам перепелку. — Нет. Он опять в Нью-Йорк умотал. А зачем он тебе?

— Из АПН нам прислали его статью. Такой, я тебе скажу, бред! Он, видно, совсем в маразм впал в своем институте. Править мы эту статью боимся, а без правки тоже опасаемся давать.

— Так совсем не давайте,— советует Борисов. Тянется за бутылкой темного баварского пива.

— Ты, пожалуй, насоветуешь. Сам же потом на ковер поставишь.

— Что-то прокурор у нас совсем приуныл,— говорит большеголовый, с крупными чертами лица, пред-

седатель горисполкома Лупачев.— Наверняка сегодня ни одного смертного приговора не утвердил. Так ведь, Валерий Алексеевич? Не унывай, выпей-ка джина с тоником. Главное в жизни — чтобы деньги были, да дядек стоял!

Борисов, Новиков, Коронич и пошутивший смеются. Живот Марка Захаровича влезает на стол, едва не опрокидывая хрустальный кувшин с гранатовым соком.

— Не понимаю глупых шуток. — Прокурор Курносов не спеша ест фаршированную щуку.— И джин не люблю. Люблю водку. А смертного приговора я действительно сегодня не утверждал. И давно уже не утверждал. Последний раз месяц назад расстреляли по разнарядке группу рабочих, и все. И вообще, с чего вы взяли, что я унываю?

— Га-а-ады!— доносится снизу душераздирающий вопль.— Отравители! Ешьте эту тухлятину сами!.. Не троньте меня! Где же Советская власть?!

Борисов слегка раздвигает шторы и выглядывает в зал. Трое официантов вяжут рушниками худого, как стружка, гражданина. Опрокидывая стулья, валится стол. Извивающийся гражданин не желает стихать. На эстраде ударник ансамбля «От сердца к сердцу» творит чудеса. Посетители усиленно работают ножами, вилками и челюстями. Официанты затаскивают бунтаря за эстраду, бросают на пол и принимаются топтать ногами. Борисов задвигает штору.

— Уррраа!!— кричат в соседнем кабинете.

— Что-то в последнее время у нас в городе происходят непонятные вещи,— говорит Борисов.

— Бунтует народишко.— Марк Захарович отламывает кусок индюшатины.— Зажрались.

— Верно Герцен подметил,— соглашается, поклевывая салат, Коронич.— Русский мужик, этот закомплексованный идиот, задним умом крепок. Что в него ни вали, все как в бездонную бочку.

— В городе, Василий Мартынович, готовится рево-

люция, — шутит Лупачев. — Скоро нас всех низложат. На твое место посадят слесаря из путевых мастерских, на место Коронича — грузчика из вторсырья, вместо Марка Захаровича — чистильщика обуви, а прокурора заменит живодер из Горсанинспекции. Тогда каждая домохозяйка, как говорится, сможет управлять государством.

Все, кроме прокурора, смеются.

— А кто тебе на смену придет? — трясет животом председатель Горпотребсоюза.

— Я не в счет. Меня скоро на пенсию, в ЮНЕСКО. Прокурор наливает в рюмку водку.

— Никакой революции у нас быть не может. Если же вы всерьез допускаете такую возможность, то я не понимаю вашего веселья. И почему вы так уверены, что меня подменит именно живодер из Горсанинспекции? Если подозреваете кого-либо конкретно, то намекните хотя бы. — Курносов выпивает водку и продолжает. — А о происходящем в городе мне известно. Я видел статистическую сводку. На консервном заводе погибло триста десять человек, и еще шестьсот двадцать находятся с тяжелыми травмами в различных моргах города.

— Меньше народу — больше кислорода, — говорит председатель горисполкома. — Частично отпадает проблема с жилплощадью.

— Да! Василий Мартынович! — Коронич салфеткой промокает верхнюю губу. — Как раз по этому поводу мы готовим статью с выступлением доктора сейсмологических наук, этого закомплексованного идиота Шишигина-Израеляна, в которой объясняем случившееся небольшим естественным подземным толчком, вызвавшим разрушение подземных коммуникаций и, как следствие этого, пожар. Замлетрясение было предсказано сейсмологическим институтом еще пять лет назад, благодаря чему удалось избежать человеческих жертв.

— Верно, — говорит Борисов. — Запускайте статью.

Только объясните еще и то, почему завод не был благовременно переведен на другое место.

— А что случилось на чугунолитейном, Василий Мартынович?— ослабляя ремень, интересуется Новиков. Поглаживает живот.

— Об этом надо спросить у Плухова. Я уверен: это его штучки. Блефует. Фонды выколачивает.

— В той же сводке, предназначенной для Виктора Вильямовича, я прочитал, что один день простоя чугунолитейного завода обходится ему в три миллиона рублей убытка,— говорит прокурор.

— Ну, для Молекулы эта потеря,— замечает, придвигая к себе большое фарфоровое блюдо с заливной осетриной, Марк Захарович,— что слону дробина...

— Уррраа!!— кричат за стеной.— За ирано-иракский конфликт! За переворот в Турции! За войну в космосе!

— Что за дебилы!— возмущается Борисов.— Разве можно о таких вещах орать на весь ресторан? Опять, наверно, комендант со своими дубами куролесит.

Внезапно гаснет свет. Обрывается музыка. Внизу, в зале, становится относительно тихо. Слышны какие-то шорохи. Изредка раздаются испуганные женские возгласы. За стеной, в кабинете, какое-то время молчат, потом множество ног дружно топает по полу. Соседи Борисова и его компании свистят и сыпят угрозами:

— Свет давай, крысы цивильные! Разнесем щас к едрене фене всю вашу лавочку! Через минуту начинаем стрелять! Где мой шмайссер, Алкинсон? Шапошников — огнемет!

Галерея содрогается.

— И впрямь спалят.— Голос Марка Захаровича дрожит.— От этих солдафонов все что угодно ожидать можно. Не пора ли нам по домам?

Зажигается свет.

— Га-а-ады!!— орут снизу несколько голосов. Борисов раздвигает шторы и видит мечущихся по наполови-

ну опустевшему залу официантов.— Разбежа-ались! Серега, кончай сосать из графина! Держи тех двоих! Они нам за всех заплатят!

— Ну вот и славно,— говорит Борисов.— Так на чем мы остановились?

— Мы говорили об обергруппенфюрере СД и СС фон Плухофе,— вновь шутит Лупачев, выпивая фужер джина.— Твоим лучшим другом.

В кабинет всовывается зеркальная лысина директора ресторана Автандила Тариэловича.

— Можно?— Автандил Тариэлович входит.— Извини, Василий Мартынович. Извините, дорогие гости. Небольшая техническая неисправность. Не очень беспокоились?

— Уррраа!!— вопят за стеной. Поют:— Этот день Победы порохом пропах!..

— Это комендант?— спрашивает Борисов.

— Он. Он,— шепотом отвечает директор.— Я туда боюсь заходить. Они меня заставляют кушать горчицу с солью.

— Полезно для пищеварения,— замечает Лупачев.

— И с кем же он там?— спрашивает Автандила Тариэловича Борисов.

Автандил Тариэлович морщит лоб.

— С начальником военного училища и каким-то офицером из контрразведки.

— Еще с кем?

— Больше ни с кем. Их трое.

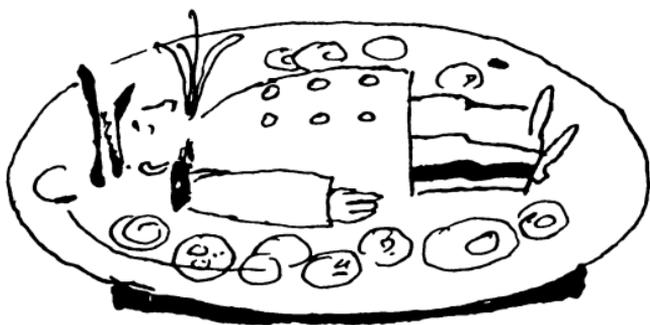
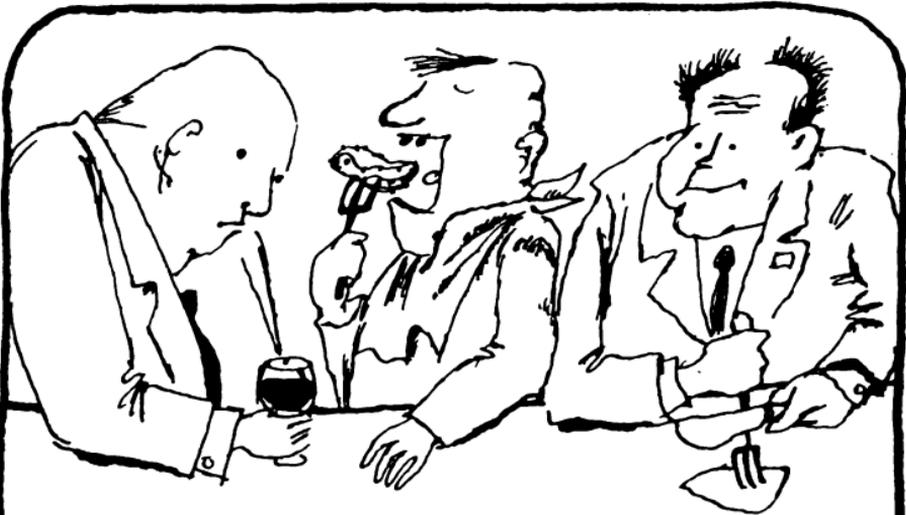
— Трое?!— в один голос восклицает пораженная компания.

— Уррраа!!!— грохочет за стеной.— Да здравствует великий генералиссимус!! По Нью-Йорку, по Вашингтону — пли!!

Разражается неистовый топот.

Директор ресторана подвигается ближе к столу.

— В следующем кабинете, за ними, ужинают: начальник ГОВЭДэ, три его заместителя и народный судья. Последний кабинет только что заняли ректор

Духовной академии отец Алексей и три директора: фирменного универмага, плодоовощной базы, Театра мимики и жеста, а также ведущая актриса того же театра.

— Весталко здесь?

Встрепенувшийся было Борисов осекается, поймав на себе ехидный взгляд председателя горисполкома.

Звонит телефон.

— Это меня. — Живот Марка Захаровича проезжает по заливной осетрине. Председатель Горпотребсоюза торопится к аппарату. Снимает трубку. Слушает. Прикрывает трубку рукой. — Тебя, Василий Мартынович. Плухов. Легок на помине. Ты — здесь?

— Здесь. — Борисов поднимается из-за стола, чуть усмехается. — Сейчас побеседую с нашим приятелем, а потом кое-что действительно сообщу вам о маленькой революции. На десерт. Не хотелось раньше времени, да придется уж...

Борисов принимает трубку из рук Марка Захаровича.

— Слушаю.

— Василий Мартынович, отдыхаешь? — звучит голос Плухова.

— Отдыхаю, Петр Сергеевич. А что случилось?

— Ничего особенного. С кем ты там?

— Ты в своем амплуа, Петр Сергеевич. Все тебе надо знать... Угадай, раз не доложили. Ведь ты у нас Мегрэ. — Борисов подмигивает Марку Захаровичу. Тот растягивает губы.

— Ты с ним полегче! — предупреждает Борисова Лупачев. — А то он тебя намажет твоим любимым хренком и съест.

— Ну, — улыбается Борисов в трубку, — покажи-ка класс.

— Сейчас попробую, — тихо говорит Плухов. — Прокурор там?

— Угадал.

— Лупачев там?

— Здесь.

— Корониц, наверно.

— Правильно.

— Полагаю, и Новиков рядом с тобой.

— Да ты и впрямь Мегрэ.— Борисов смеется.— Только не назвал еще одного нашего общего знакомого.

— Подскажи, Василий Мартыныч. Сделай милость. Сдаюсь.

Странные интонации в голосе Плухова пробуждают в Борисове неясную тревогу.

— Ладно,— говорит он.— Автандил Тариелович заглянул. Вот... привет тебе передает.

Директор ресторана «Кристалл», часто кивая блестящей лысиной, машет руками как крыльями, словно желая взлететь.

— Спасибо,— благодарит генерал.— Погоди минуту. Трубку не убирай. Сейчас услышишь нечто очень важное.

Борисов чуть пожимает плечами. Плотнее притискивает трубку к уху.

В трубке щелкает, и незнакомый Борисову мужской голос произносит:

— ДЯДЕК вам всем в лоб.

...У выхода из ресторана лейтенант Евсюков, облаченный в белый халат и милицейскую фуражку, руководит погрузкой тел в машину «Спецмедслужбы».

— Четвертый,— считает лейтенант.— Пятый... Каждый вечер пьянь из этого вертепа вывозим!— громко говорит он, как бы призывая в свидетели толпу зевак.— Совсем народ распоясался.

«Санитары», пытая и тяжело переставляя полусогнутые ноги, несут шестую «жертву алкоголя». Впихивают в «Уазик».

— Чем только живот набил?— ворчат они, отдуваясь.— Кирпичей что ли наглотался?

— Все. Закрывай!— командует лейтенант.

Из ресторана трое официантов выволакивают и бросают на мостовую безжизненное худое тело «бунтаря».

— Эй, хозрасчет! Еще одного дядька примите! Нарезался, как свинья на праздник, и спать за эстрадой залегся.

Евсюков окидывает взглядом брошенное.

— Это нам не нужно.

Лейтенант садится в кабину. Под звуки «Казачка» автомобиль отъезжает от ресторана «Кристалл».

10

Раннее утро. Дача генерала Плухова окутана туманной дымкой. Кукует кукушка. Перекликаются петухи. В бассейне, выложенном голубой ширазской плиткой,— генерал. Фыркающая сивучом, он плавает по периметру. Из-за кустов сирени спрашивают:

— Петр Сергеич! Может быть, все-таки подогреть воду? Простудитесь!

— Не надо.— Плухов ныряет. Снова появившись на поверхности, велит:— Принеси-ка лучше еще коньячку, Сидор.

Генерал стилем «брасс» пересекает бассейн, взбирается на край, тянется к стоящему в полуметре столику, берет портсигар. Закуривает, поглядывая на часы.

Меж кустов, на песчаной дорожке, ведущей к бассейну, появляется Евсюков, в шортах и сетчатой майке. Плухов глубоко затягивается. Лейтенант, шурша подошвами спортивных туфель, приближается. Генерал выпускает дым.

— Ну, что?

— Задание выполнено, товарищ генерал.— Евсюков останавливается возле столика.— Мы с вашим личным шофером Васей отвезли тела в Серебряный бор. Остановились около пионерского лагеря «Павлик Морозов». Те же ребята из спецгруппы, которые были со мной в

«Кристалле», вырыли четырехметровую яму. Потом мы приготовили необходимый раствор и наполнили им яму до половины. Двуручными пилами расчленили тела. Двое еще дышали. Автандила Тариевича распилили дышащим, а Борисова я добил саперной лопаткой, потому что он начал нехорошо ругаться. Куски мы побросали в яму. Долили раствора.. Через час я проверил щупом. Все растворилось. Перед тем как сжечь санитарную машину, Вася угостил ребят водкой с психогенным препаратом «Винни Пух», и они сами попрыгали в яму, а потом Вася оступился. На пятьдесят втором километре Нововоскресенского шоссе я сел на заранее подготовленный велосипед и маршрутом варианта «четыре» прибыл сюда. Будут ли следующие указания?

Генерал возвращается в воду, заплывает на середину бассейна, ложится на спину.

— Молодец. Иди в дом — тебя там накормят. Потом отдыхай.

Евсюков уходит. Возникший на краю бассейна Скдор ставит на столик бутылку коньяка и исчезает. Генерал закрывает глаза.

«Не поторопился ли? Ведь обратно пути не будет. Впрочем, уже нет. Операция «Удар» удалась на все сто. Теперь не до сомнений. Теперь как раз следует торопиться. Допустим, этих дармоедов хватятся не скоро. Подумают, либо в борисовских лесах охотятся, либо еще где-нибудь пьянствуют. Но ведь завтра прилетает Барабан. К делу автоматически подключается Москва... Может быть, с Барабаном скооперироваться? Это, конечно, мысль. Вдвоем легче. Один могу не потянуть. Но... Ладно. Об этом после».

Плухов открывает глаза. Плывет, оставаясь на спине, к голубой стенке бассейна. Вылезает. Налив стопку коньяка, выпивает. Тщательно вытерев тело розовым махровым полотенцем, надевает трусы и купальный халат с вышитыми на нем золотыми драконами. Опускается в кресло-качалку и, раскачиваясь, продолжает думать.

«Что же такое, в конце концов, Энов? Как объяснить это явление с позиции научного материализма?.. Давай рассуждать так: без ничего ничего не бывает. Значит, что-то есть. И если я не нахожу чему-либо объяснения, то это не значит, что объяснения не существует. Вот красугольный камень. От сего и надлежит отталкиваться. Окажись сейчас Энов в руках ученой шушеры, они тут же его феномен раскусят. Но это ни к чему. Главное, использовать феномен, а не понимать его. Итак, несомненно одно: в лице Энова я имею реальную, с научной точки зрения объяснимую, небывалую силу. Первоочередная задача — детальное изучение ее возможностей. Изучение и поможет сконкретизировать планы на будущее».

Плухов прекращает раскачиваться. Кладет ногу на ногу.

— Сидор! Принеси пистолет. И две обоймы.

Генерал снова закрывает глаза.

«Смешно думать о том, что Энов шпион. Если бы он был вражеским диверсантом, от нас давно бы ничего не осталось. Он простой мужик. Святая простота. Обыкновенный дурак. Но, пожалуй, тут-то и кроется для меня опасность. Возьмет, болван, и ляпнет что-нибудь непредусмотренное. Вон чего в городе понатворил... Необходимо обезопасить себя всеми возможными средствами. А это прежде всего тонкая игра на слабостях Энова, вызывающая у него ко мне теплые дружеские чувства, и постоянное внимательное наблюдение за ним, позволяющее предугадывать его действия в ближайшие и последующие минуты. Да. Только так. Впрочем, Энов — вполне нормальный советский человек, и, значит, еще в детстве ему в голову были вбиты определенные готовые стереотипы. Благодаря этому нетрудно предсказать его поведение, а также практически сведена на нет опасность посягательства на мою персону, поскольку я как представитель высшей власти являюсь для него непререкаемым авторитетом... Всегда буду при Энове в генеральской форме... Ладно. А Ку-

вякин? Не исключено, что он тоже обладает аналогичными эновским способностями. Тогда придется одного из них законсервировать. Иметь дело сразу с двумя кудесниками — не дело... Сейчас же надо будет позвонить в город Волохонскому. Пусть контролирует разговоры и поведение городского стада касательно исчезновения местной верхушки, а затем, вечером, заберет Кувякина и привезет его сюда, ко мне на дачу. Я проверю Кувякина на наличие феномена...»

— Сидор! Черт тебя задерит! Где пистолет?

— Виноват, Петр Сергееч. — Кусты сирени шевелятся. — Склероз. Сейчас принесу.

— Старешь, Сидор. Частенько стал плошать. Не служил бы ты в личной охране Сталина, я тебя давно бы на свалку выкинул. А так, вроде, реликвия. Принесешь пистолет к тире. — Генерал встает и, прихватив бутылку коньяка и стопку, идет по дорожке.

Дымка, нависавшая над землей, рассеялась. Чирикают, свистят, верещат птицы. Где-то неподалеку постукивает дятел. По дорожке гуляют солнечные блики. Генерал с удовольствием вдыхает ароматы сада. Сбавляя шаг, наполняет стопку и выпивает.

«Да-а-а... Хорошо, что так все сложилось. А ведь могло быть иначе. Степанчук находился в шаге от разгадки способностей Энова. Лишь случайность помогла мне. Но это закономерная случайность. Все равно бы Степанчук все испортил. Даже со мной не смог бы толком расправиться... Ладно, Эдик, спи. Плохо о покойниках вспоминать нехорошо. Ну, а тебе, Василий Мартыныч, что сказать? Сам виноват. Обижаться не на кого. Впрочем, тебе не так уж и не повезло. Не один лежишь, а с компанией. Пусть земля вам будет пухом...»

Плухов подходит к тире. Берет подготовленный Сидором парабеллум. Стреляет. Смотрит в бинокль.

— Девятка... Черт! Снова девятка... Так с Барабаном или без Барабана?.. Десятка... Десятка... Девятка... С Барабаном или без Барабана?.. Десятка... Опять де-

вятка!.. А что я гадаю? Сделаю вот как. По-русски. Стреляю три раза, и если выбиваю три десятки, то сдюжу один. Без Барабана. А если не выбиваю... Что ж... Десятка... Десятка...

В обойме кончаются патроны. Плухов вставляет новую, старательно целится. Стреляет, смотрит в бинокль. Уходит из тира.

Он идет по стриженому газону к дому. Взгляд его натывается на флюгер-кораблик, слегка подрагивающий от дуновений ветерка. Внезапно тело становится легким, грудь наполняет и расширяет неизведанное до сей поры чувство. Кружится голова. Хочется петь, кричать, плакать. Генерал осторожно подходит к окну, встает на цыпочки и заглядывает внутрь. В комнате, на просторной кровати, под стеганым одеялом, спит, положив голову на белоснежную подушку, Эн Энович.

— Ну как? Ничего? Понравилось?— генерал радушно улыбается Энэну. Эн Эныч утирает рот рукавом новой, подаренной Плуховым, рубашки. Берет двумя пальцами с тарелки сардинку и, проглотив ее, говорит:

— Ничего. Нормально. Понравилось. Только я стаканами привык.

— Это дело поправимое... Сидор! Два граненых!— распоряжается генерал.— Молодец, Энэв. Ты настоящий русский мужик. Широкая душа. Я сам стаканами люблю. Знаешь, давай на «ты». Я тебя — Энэв, ты меня — Петром.

— Давай,— соглашается Эныч.— Только меня все Энычем зовут.

— Еще лучше!— Плухов хлопает ладонью по столу.— Ты — Эныч. Я — Сергеич. Лады?

— Лады.— Эныч вытирает пальцы о скатерть. Сидор доставляет стаканы. Генерал, наклоня бутылку, спрашивает:

— По половине, Эныч?

— По полной,— говорит Эныч.

— Это не просто коньяк. Французский. — Генерал разливает.— «Камю» называется. Мне его прямо из Парижа самолетом шлют. Я его в особо торжественных случаях выставляю. Для самых дорогих и желанных гостей.

— А мне все равно,— признается Эныч.— Лишь бы градус побольше был.

— И тут я с тобой согласен!— Генерал поднимает стакан.— Градус — сила. Не все это, к сожалению, понимают. Растеряли чувство ответственности перед русским могучим духом. Выпьем за градус, Эныч! За нашу богатырскую русскую душу!

Генерал пьет. Его лицо покрывается пятнами. Поставив стакан, Плухов незаметно смахивает выступившую слезу. Эн Энович большими глотками выпивает свою порцию. Тянется за сардинкой. Генерал жует салями.

— С войны не доводилось коньяк стаканами пить. Совсем себя иначе чувствуешь... Ты, я вижу, ничего не ешь. Не стесняйся. Будь как у себя дома. Вот колбаса, вот сыр. Мажь хлеб гусиным паштетом. Виноград, персики ешь. Хорошая еда и русский человек — неразделимы. Как говорится в народе, большому куску и рот радуется.

Генерал стряхивает с мундира крошки, поправляет галстук, откашливается. Встает из-за стола.

— Сиди, сиди, Эныч.

Прогуливаясь по комнате, Плухов начинает:

— Ты, наверно, нечасто мысленно связывал свою жизнь, Эныч, с жизнью всего народа, всей страны, с судьбами человечества. Я не сомневаюсь, разумеется, в том, что для тебя ясна наша общая главная цель — светлое будущее, то есть коммунизм — счастье всех и каждого взятого в отдельности человека. Однако сознаемся: твой личный вклад в осуществление этой благородной и сложной задачи был до сих пор очень мал.

В данный момент тебе предоставляется возможность исправить эту ошибку. Для этого, Эныч, от тебя требуется немного: делать то, что я говорю... Работа предстоит большая. Тяжелая. Но в ней ты сможешь полностью раскрыть свою яркую, одаренную личность, присущую тебе, как и каждому советскому человеку. Все наши с тобой последующие совместные действия будут глубоко пронизаны духом и идеями научного коммунизма... Встань, Эныч.

Эныч, кряхтя и шумно двигая стулом, подымается. Генерал вплотную подходит к нему, кладет на плечо руку и внимательно смотрит в глаза. Видит в расширенном зрачке Эныча отражение Сидора.

— Сидор!— командует Плухов.— Еще бутылку!.. Эныч! Мы сейчас с тобой по чутку добавим и сразу к делу.

...Генерал и Эныч идут вдоль трехполовинойметрового забора, отделяющего дачу от внешнего мира. Навстречу им марширует солдат с автоматом. Не доходя до генерала пяти шагов, он отдает честь, вытягивается и замирает.

— Здорово, братец,— говорит Плухов, приблизившись к солдату.— Вольно. Как служба?

— Отлично, товарищ генерал.— Веснушчатое лицо солдата розовеет.

— Давно служишь?

— Скоро два года.

— Соскучился, наверно, по дому? Кто у тебя там?

— Мать, отец, дедушка...

— Дедушка — это хорошо. А братья, сестры есть?

— Сестренка.

— Любишь сестренку?

— Люблю, товарищ генерал.

— Молодец. А невеста есть?

— Есть. Приеду — распишемся.

— На свадьбу-то пригласишь?— Генерал улыбается, подмигивает Энычу. Лицо солдата делается пунцовым.

— А как же, товарищ генерал. Вся родня была бы рада. Я о вас часто домой в письмах писал.

— Знаю-знаю.— Плухов отечески похлопывает солдата по синему погону.— Давай, Эныч.

— Дуб ты ДЯДЬКОВ,— говорит Эныч. На месте солдата появляется молодой развесистый дубок. Его ветви согнулись от тяжести крупных рдяных плодов. Ближе к верхушке, покачиваясь, висит автомат. Погоны и фуражка завершают картину.

Отступивший к забору генерал окидывает дерево восхищенным взглядом. Достает из кармана фляжку и подает ее Энову.

— Глотни-ка, и пойдем дальше.

...Вскоре сад наполняется неведомыми животными, растениями и сооружениями фантастической формы.

...Плотно поужинав, Плухов и Эныч устраиваются перед телевизором. Генерал рассеянно глядит на экран, курит.

«Трудно поверить... Неужели это сидящее рядом со мной животное никак не реагирует на все им же самим творимые превращения? Ему, очевидно, кажется, что это естественный жизненный процесс, такой же закономерный, как, например, еда или сон. То есть он вообще не осознает самого факта превращения... А если он прикидывается?.. Но какой смысл?.. Или все-таки он понимает, что превращения — дело его рук? Вернее слов... Нет. Как же можно, понимая такое, не придавать этому никакого значения? Он просто ничего не замечает, и все. Он слабоумный!»

— Эныч! Ты как себя чувствуешь?

— Нормально.

Эныч созерцает происходящее на экране.

— Тебе нравится у меня на даче?

— Нравится. Хорошая дача.

— Послушай, Эныч, ты видел сегодня, как часовой превратился в дуб?

— Да. Видел. А что?

— Так... Ничего.

Начинает ныть лопатка. Генерал морщится.

«Нет, он не слабоумный. Обыкновенная скотина. Такая же, как и все двести пятьдесят миллионов... Такая же, как и все четыре миллиарда... Стоп. Вот о чем я еще не подумал. Может быть, разгадка лежит на поверхности, а я просто не вижу ее? Может быть, и я обладаю таким же даром, только не подозреваю об этом?»

Генерал вскакивает, отходит в угол.

— Надо проверить,— говорит он себе возбужденно.— Надо проверить.

Развернувшись, Плухов вонзает взгляд в затылок Эныча. Делая страшное лицо, шепчет:

— Дядек тебе в лоб, дуб ты дядьков... Дядек тебе в лоб, дуб ты дядьков... Дзу-дза с ушами!.. Болдобел!..

Не добившись результата, генерал меняет тактику. Он переходит в другой угол и оттуда во весь голос кричит:

— Эныч, ты дяде-е-ек!.. Дзу-дза-а-а!

— Что?— не понимает Эныч. Крутит головой, оторвавшись от телевизора.

— Да нет, все нормально. Считалку одну вспомнил,— говорит огорченный генерал.— Выпить хочешь?

— Хочу.

— Тебе коньяк не надоел?— Плухов открывает дверцу стенного бара.— У меня тут выбор богатый... А хочешь, я тебе коктейль сделаю? Будешь коктейль?

— Буду.

Генерал колдует над стаканами.

«А может быть, дар Энова — действительно естественное явление, вызванное эволюцией? Ведь появилось когда-то из неживого — живое. Стала же когда-то обезьяна человеком... Человечество, развиваясь в своей истории, вероятно, подготовило и осуществило появление требуемого ему нового экземпляра, который, являясь наиболее типичным представителем масс, обладает к тому же способностью преобразовать мир, основываясь при этом на вековых чаяниях людей. Этот экземп-

ляр — Энов. Мне же выпала честь направить его творческую энергию в самое верное и необходимое человечеству, как воздух, русло... Фу-у, даже вспотел. Нельзя так мозги напрягать...»

Закончив приготовление коктейля, генерал подходит к Эну Эновичу и протягивает ему стакан. Открывается дверь.

— Можно, товайищ генейял? Пъивез. Вот он.

Старший лейтенант Волохонский вталкивает в комнату перепуганного Кувякина. Тот падает перед Плуховым на колени.

— Товарищ генерал! Гражданин начальник! Я не виноват! Это все он! Он!— Коля тычет дрожащим пальцем в сторону Эныча.— Он и Константиныча убил, и завод поджег, и ограду сломал! А я не при чем! Учтите мое чистосердечное признание!

— Не волнуйся, сынок,— говорит Плухов.— Разберемся. Тебя пока ни в чем не обвиняют. Можешь подняться с колен.

Коля встает. По его лицу текут крупные слезы.

— Успокойся. Будет тебе. Прими стаканчик.— Плухов подводит Кувякина к бару. Наполнив стакан, протягивает ему.

— Спасибо,— всхлипывает Коля, размазывая кулаком слезы по щекам.

— Лейтенант!— обращается генерал к Волохонскому.— Вы один его привезли?

— Со мной двое куйсантов. Они в машине.

— А зачем тогда Кувякина так перекачали? Подстраховывайтесь, лейтенант, но в меру.

— Нет-нет, Петъй Сейгеевич! Только два кубика!

— Ну, ладно. Что в городе? Тихо?

— Об отсутствии пайтийной вейхушки гойода в найоде ничего не говорят. Я звонил в обком и в гойисполком, секъетайши Бойисова и Лупачева сказали, что начальство уехало по делам и неизвестно, когда вейнется.

— Что еще?

— Задейжанный мной вчєя опасный йецидивист и сексуальный маньяк по кличке «Михеич» сегодня в четыйнадцатъ тьидцать по местному ъземени покончил с собой в камейе пьи попытке к бегству.

— Ну и черт с ним,— говорит Плухов.— Это меня мало интересуєт. Сами-то как? Задница не тревожит?

— Товайищ генейял! Ну почему надо мной все упьявление смеєтся? Ведь ничего не было! Я его сязу скьютил!

— Ладно.— Плухов потираєт ухо.— Верю. Подойдите-ка поближе... Николай! Как дела, оклемался?

— Спасибочки, товарищ генерал.— Коля прикладыєт к груди ладонь.— Ожил.

— Хочешь обратно в камеру?

Коля в испуге отшатывается.

— Не надо!

— А если не хочешь, говори следующее: Волохонский, пошел в дзу-дзу.

Коля неуверенно хихикаєт. У Волохонского открываєтся рот.

— Говори!— командует генерал.

— Волохонский,— просит Коля,— идите, пожалуйста, в дзу-дзу.

Плухов десяток секунд выжидающе смотрит на Волохонского. Тот переступаєт с ноги на ногу.

— Товайищ генейял. Опять вы шутите. Мне пьявда надо куда-то пойти? Если надо, то я готов, вы знаете.

Плухов, наливая Кувякину второй стакан, смеєтся. Коля, глядя то на генерала, то на стакан, дребезжащим смешком вторит Плухову. Волохонский криво улыбаєтся. Эныч, не отрываясь от телеэкрана, попиваєт коктейль.

— Посмеялись, и будєт. — Генерал прекращаєт смєх.— Лейтенант! Идите-ка разбудите Евсюкова и скажите ему, чтобы ехал в аэропорт ждать прилета Юрия Дмитриевича. Как только тот прибудєт — а это может случиться в любой момент, — пускай везет его

сюда. Сами ужинайте и ложитесь спать. Утром возьмете рацию и поедете в город. Заберете с собой Кувякина. Задание прежнее. Дополнительные указания получите по ходу действия.

— Есть, товайищ генейял.— Волохонский уходит.

— А ты, Николай, располагайся вот здесь.— Генерал открывает одну из дверей. Подталкивает Кувякина.— Вон на ту кровать ложись. Раздевайся и под одеяло.

— Товарищ генерал!— обращается к Плухову Коля.— Я же еще с Энычем не поздоровался!.. Эныч! Привет! Как дела?

— Потом. Потом поговоришь.— Плухов закрывает за Колей дверь.

— Здорово,— говорит Эныч.— Нормально.

Генерал, захватив из бара бутылку рома, усаживается в кресло.

— Ну, что нового показывают? Что в мире?

— Ничего,— отвечает Эныч. Продолжает смотреть на экран.

— Так уж прямо и ничего? Послушаем... Хлебни-ка рома. Ямайского. Ну вот. Диктор утверждает, что в Африке неспокойно. Бурлит, волнуется черный континент. Смотри-ка, опять в ЮАР кому-то горящую шину на голову нахлобучили... А вот представители молодых, только что образовавшихся с нашей помощью республик, на приеме в Кремле... Вышло новое собрание сочинений... Кого-о? Михаила Андреевича?!. Переработанное?.. Дополненное?.. Стоп. Ты-то мне и нужен, дядек чахоточный. Кто обещал меня сместить? Та-а-ак. Ну, держись, Кощей Бессмертный!.. Эныч, скажи-ка: Сурков, засунь себе в задницу все свое дополненное собрание сочинений.

Эныч выполняет указание генерала. Довольный Плухов опрокидывает в себя рюмку рома и откидывается в кресле.

Перед носом черной «Волги» раздвигаются ворота плуховской дачи. Машина въезжает на территорию. За рулем — Евсюков. Рядом с ним Джугашхурдия. На заднем сиденье — Ландсгербис и Юрий Дмитриевич.

— Так вот оно в чем дело!— Юрий Дмитриевич с удивлением обозревает диковинный интерьер генеральского сада.— Вот для чего он меня сюда затащил! Ах, Сергеич! Ах, хитрец! Похвастать решил! И где он только такого Татлина-Корбюзье отыскал?.. Послушайте, лейтенант, когда же Петр Сергеевич успел переоборудовать дачу? Я был здесь месяца три назад — ничего подобного не было.

Евсюков пожимает плечами.

— Не знаю.

— Ландсгербис, вы помните?.. Мы, когда были в Швеции, видели в Стокгольме, на площади перед кафедральным собором, половой орган. У вас не записана фамилия скульптора?

Ландсгербис листает книжечку.

— Записана, Юрий Дмитриевич. Это...

— Но половой орган — это слишком просто,— Юрий Дмитриевич разглядывает фигурные ветви проплывающего дуба.— Здесь же проглядывает более смелый и глубокий замысел. Вы согласны, Ландсгербис?

— Согласен,— тихо говорит Ландсгербис.— Чувствуется, что автор хотел сказать многое. Однако, будет нежелательный резонанс, если эту экспозицию зафиксируют западные космические спутники. Тогда придется давать опровержение, а это будет связано с определенными сложностями.

— Вот ымэно,— взволнованно произносит ерзающий на переднем сиденье Джугашхурдия.— Пуст этэ нэ угрожаэт государствэнэм ынтерэсам страны, но тэм нэ мэнээ, я считаю, что подобным проызвэдэным ыскуства в кавычках нэ мэсто на нашэй свяшэнной зэмлэ. Я лычно нэ могу спокойно смотрэт на этот гадост! Тфу!

Джугашхурдия плюет в окошко.

— Приехали,— говорит Евсюков, останавливая машину. Все четверо, выбравшись из нее, направляются к дому. У крыльца их ожидает, широко улыбаясь, гостеприимный хозяин.

...На скамейке под большим сиреневым кустом беседуют Юрий Дмитриевич и Плухов. Плухов с удовольствием затягивается сигаретой. Блаженно вытянувший ноги Юрий Дмитриевич пожевывает шпажку-зубочистку.

— Да. Все-таки хорошо устроена жизнь,— говорит он.

— Жить бы да жить,— соглашается Плухов, прислушиваясь к доносящимся со стороны дачи звукам скрипки.— А хорошо играет. Кто это? Твоя Курляндия?..

— Он самый,— благодушно кивает Юрий Дмитриевич.— Для него скрипка — отдохновение. Вивальди, «Времена года»... Да, как это приятно: после дальней и трудной дороги,— продолжает он,— вкусно и сытно поесть, отдохнуть и поговорить со старым, добрым другом-товарищем... Как твоя жена, Сергеич? Как дочь?

— Спасибо, Дмитрич. Все в порядке. Ты лучше расскажи, как сам. Как твоя поездка? С чем возвращаешься?

— Что рассказывать, Сергеич? Везде, скажу я тебе, одно и то же. Везде по стране нашей матушке взрываются, ломаются, горят и падают заводы, рушатся мосты, заваливаются шахты, разбиваются пассажирские самолеты, гниет урожай... Найдешь козла отпущения, стрелочника... а-а, сам знаешь... Надоело... Устал.

— Не хочешь ли сказать, что пора на покой?

— Покой? Да нет, Сергеич. Он нам только снится — покой... Ну, рассказывай, как твои успехи? Как Чугун? Не раскололся? Новых диверсий в городе не было?

— Чугун не раскололся. Крепкий орешек. Об него Степанчук все зубы пообломал. Диверсий новых не было, здесь все спокойно.

— Ясно. В Москве мы с Чугуном твоим найдем общий язык... Да, садик, конечно, ты себе неплохой отстрипал. Вкусы у тебя интересные появились. Признавайся, чьих рук дело. Сколько времени ушло на работы?

— Времени ушло немного. Всего один день. А насчет мастера я хотел бы с тобой чуть позже поговорить... Может быть, прогуляемся?

— Ну что ж, давай пройдемся.— Юрий Дмитриевич встает. — А то разморит, а днем спать — разврат.

Встает, погасив сигарету о край скамейки, и генерал. Друзья не спеша идут по дорожке.

— Я вот о чем хотел с тобой поговорить, Дмитрич... Тебе никогда не приходила в голову мысль свергнуть наших кремлевских мумий и взять власть в свои руки?

— Что это с тобой, Сергеич?— Юрий Дмитриевич смеется.— Ты никак белены объелся? А может быть, на старости лет к наркотикам пристрастился?

— Нет, в самом деле.— Плухов достает новую сигарету и разминает ее.— Представь на минуту, что у нас с тобой есть реальная возможность стать во главе... ну-у... пусть не всего мира, а хотя бы социалистического содружества.

— Как же ты себе это представляешь?— Юрий Дмитриевич прищуривает глаз.

— Как?— Генерал зажигает спичку, прикуривает.— Сидор!

На дорожку выбегает многоногое мохнатое существо размером с крупную собаку. Мутные старческие глаза преданно смотрят на генерала.

— Что это?!— Юрий Дмитриевич отшатывается. Бледнеет. Рука его тянется к пистолету.

— Сидор, принеси коньячку,— говорит Плухов.

Чудище скрывается в кустах.

— Что с тобой, Дмитрич? С сердцем плохо?— участливо спрашивает Плухов.— Может быть, валидольчика пососешь?

— Что это было?— Юрий Дмитриевич, прерывисто дыша, вытирает со лба холодный пот.

— Не узнал?— удивляется Плухов.— Это же старик Сидор. Бывший охранник Таракана-Иосифа. Ты сам мне его из Москвы привез. В подарок. Ну? Вспомнил?

— Эта волосатая карла — Сидор? Что же с ним стало?

— Ничего не стало. Живет и не тужит. Обыкновенный, естественный процесс перехода человеческого организма из одной формы в другую.

— Какой еще процесс?— не понимает Юрий Дмитриевич.— Какой переход?.. Сознайся, ты меня разыгрываешь? Откуда ты выписал этого уродца? Наверняка ты взял его в каком-нибудь экспериментальном институте генетики. Я у них видел подобные экземпляры. Но, надо тебе сказать, столь мерзостную особь я все-таки вижу впервые. И как ты решился на такое соседство?..

Юрий Дмитриевич ослабляет узел галстука, расстегивает верхнюю пуговицу рубашки.

— Маловер ты, Дмитрич! Ох, маловер! Придется кое-что тебе продемонстрировать.

Плухов и Юрий Дмитриевич выходят на веселую зеленую лужайку, обрамленную березками, буками и орешником. Меж двумя буками натянут гамак, в котором спит Эныч.

— Степанчук!— зовет генерал.— Тьфу, черт... Евсюков!

Из-за дерева выглядывает маленькая головка.

— Я!

— Позови Джугашурдию.

— Есть!

— Дмитрич, как ты относишься к Джугашурдии? Он ценный для тебя сотрудник?— спрашивает генерал.

— Такой же осел, как и все грузины,— говорит Юрий Дмитриевич.— Сам-то ты в этом еще не убедился?.. А почему ты спрашиваешь?

— Да вот, могу тебя от него избавить.

— Не понял. Каким это образом?

— Сейчас увидишь.— Плухов, подойдя к гамаку, осторожно толкает Эныча.— Эныч, проснись, пожалуйста... Работа есть... Дмитрич, только ты постарайся не волноваться. Побереги нервы, сердце. Они тебе еще пригодятся.

— За мое сердце ты не переживай.— Юрий Дмитриевич начинает раздражаться.— Не понимаю тебя, к чему вся эта клоунада?

— Дмитрич!— Плухов с укоризненным видом разводит руками.— Ты за кого меня принимаешь? Мы с тобой не один пуд соли вместе съели. Я разве когда-нибудь позволял себе хоть одну пустую или бестактную выходку на твой счет? Тебя ждет очень важный и приятный сюрприз... А это, в гамаке,— мой сотрудник.

— Ну-ну,— скептически посматривая на Эныча, говорит Юрий Дмитриевич.

На лужайке появляются Евсюков и Джугашхурдия.

— Евсюков!— кричит генерал.— Пойди Сидора поторопи с коньяком! Опять у него, наверно, склероз разыгрался!.. Дмитрич, попроси товарища Джугашхурдию встать в центре полянки.

— Да зачем, Сергеич? Что за чудачества, в конце концов?

— Ну, пожалуйста, сделай. Это много времени не отнимет.

— Капитан Джугашхурдия,— говорит Юрий Дмитриевич.— Сделайте одолжение. Задержитесь ненадолго в центре лужайки.

Джугашхурдия останавливается. Недоуменно вертит головой. Плухов что-то шепчет на ухо Энычу.

— Юрий Дмитриевич!— Джугашхурдия поглаживает усы.— Это зачем? Хотятэ полюбоватса профылэм горца?

Юрий Дмитриевич осуждающе-вопросительно смотрит на Плухова. Тот улыбается ему.

Эн Энович поднимает голову.

— Джугашхурдия,— говорит он,— ЧУРКА ты ДЯДЬКОВА.

На лужайку выбегает Сидор с зажатой в одной из лап бутылкой коньяка. Минует горделиво возвышающийся посредине лужайки зачищенный от коры древесный обрубок с большим сучком. Подбежав к Плухову, отдает бутылку и исчезает.

— Сидор!— кричит генерал.— А стаканы? Уволю!

Юрий Дмитриевич медленно подступает к обрубку. Несмело тычет его носком ботинка.

— Евсюков!— зовет генерал.— Через пятнадцать минут приведешь музыканта.

...Юрий Дмитриевич не может сдержать дрожь. Он то останавливается, то снова принимается ходить перед Плуховым, который, прислонившись к березке, покуривает. В глазах Юрия Дмитриевича лихорадочный блеск.

— Ты, Петя, я уверен, сам не понимаешь... не видишь, какие перед нами перспективы открываются... Что совдепия!.. Что соцлагерь!.. Что коммунизм!.. Бред сивой кобылы! Сказки для глупеньких!.. Что Земля!.. Что... Что... Дя-дя ты мой! Вся вселенная у наших ног!

Юрий Дмитриевич хватается за голову.

— Мы же можем сделать все! Все... Все-е-о-о-о!!!

Юрий Дмитриевич бежит по лужайке, подпрыгивает, бросает в воздух кулак. Несколько успокоившись, но продолжая дрожать, возвращается к Плухову.

— Прямо не верится... Петька, ну что ты стоишь?..

Плухов посмеивается.

— Ты думаешь, я не радовался? Мне тоже хотелось скакать козликом... Я, Барабан, как только разобрался, что к чему, так сразу о тебе вспомнил.

— Правильно сделал. — Юрий Дмитриевич с размаху хлопает Плухова по плечу, потом обхватывает его и трясет.— Да мы... Да мы с тобой... Мы...

— Да, Юрбан,— говорит Плухов.— Мы. Ну, ладно, пойдем попопдничаем, а потом обсудим детали.

— Ка-кой там полдник! Нет, ты все-таки ни черта не понимаешь!

— Пополдничать все-таки надо. Впереди у нас дел непочатый край, так что следует подкрепиться... Я думаю, сегодня же и начнем работу?

— Какие разговоры! Ты что!.. Эх, Петух! Какой ты все-таки человек! Ты мне сейчас дороже... дороже... дороже всего на свете! Дай, я тебя поцелую!

Юрий Дмитриевич сцепляет пальцы на затылке Плухова и крепко целует генерала в губы.

— Ладно, Юрбан. Ну, что ты.— Плухов утирает рот тыльной стороной кисти.— Помнишь, мы в школе стишок разучивали: «Мы с тобой родные братья. Я мужик, и ты мужик. Наши крепкие объятия — смерть и гибель для владык». Помнишь?

— Помню,— говорит Юрий Дмитриевич. Смахивает слезу.— А ты помнишь, Петух, как мы с тобой сидели в камышах у речки и мечтали?

— Помню.

— А помнишь, в общежитии нам приходилось спать в одной кровати?

— Помню. Все помню.

— Эх!— восклицает Юрий Дмитриевич.— Это чудо, Петух! Это просто чудо!

— Согласен, Юрбан. А помнишь фронт? Недосыпали, недоедали, и все теперь оказалось не зря.

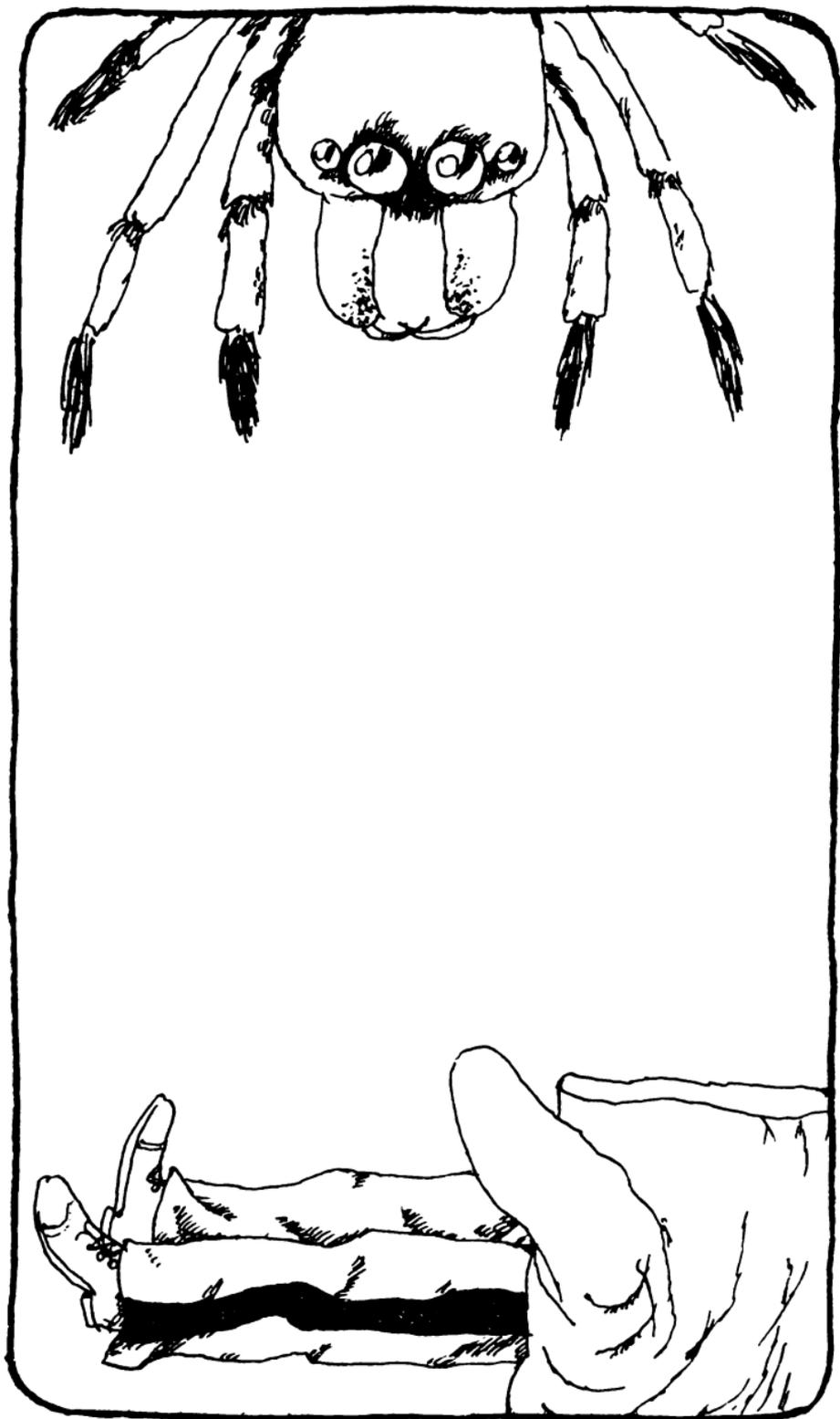
— Не зря, Сергеич, не зря!

— А помнишь, Юрбан, печеную картофелину?

— Эх... Даже страшно становится, как представлю, что нас ожидает. Даже стр-р... стр-р-рашно... Не смотри на меня так! У тебя страшное лицо. Черты как будто бы твои и не твои... И все это страшно. Бездна какая-то и в тебе, и во мне, и во всем...

— У тебя тоже лицо не лучше.— Плухов смеется.— Мы сейчас в таком состоянии, что это не удивительно. Нам надо успокоиться. Трезво обо всем поговорить. Составить план.

— Да. Да.— соглашается Юрий Дмитриевич.— На-

до успокоиться. Ты прав. Надо взять себя в руки. Надо спокойнее... Иначе сгоришь... Ну вот, я, кажется, успокоился. Дрожь прошла...

Плухов отталкивается спиной от березки.

— Пойдем, пойдем, Юрбан. Пойдем, дружище.

Друзья пересекают лужайку, выходят на дорожку, ведущую к дому. Под ногами мягко шуршит песок. Упоительный запах свежей травы наполняет легкие. Стрекот кузнечиков переплетается с птичьим гомоном. Ветки сирени трогают плечи. Солнце, пробиваясь сквозь листву, ласкает лица.

— Ты доволен, Юрбан?

— Это лучшие минуты моей жизни, Петр.

Над дорожкой висит ярко-зеленая стрекоза. Несколько секунд смотрит огромными глазами на приятелей, потом улетает. Перебегает дорожку ежик с листиком на спине.

«А что?— думается Юрию Дмитриевичу.— Я ведь, пожалуй, и один справлюсь. Зачем мне Петух, эта деревенщина? Надо только выиграть время...»

— Петр! Ты чего отстаешь?

— Иди-иди. Дорожка узкая... Ты, Юрбан, сейчас думай о том, как нам действовать. С чего начинать. У тебя голова — тебе и думать.

«Да, Петух, к сожалению, туповат,— думает Юрий Дмитриевич.— Хоть он и друг, а ничего не поделаешь...»

— Я полагаю, Петр, будет лучше...

— Постой-ка, Юрбан.

Юрий Дмитриевич, продолжая улыбаться, останавливается и поворачивается к Плухову. Видит в руках у генерала пистолет. Улыбается еще шире.

— Все, Барабан,— глядя ему в глаза, говорит Плухов.— Дальше пойдешь один. Ну, прощай, старый товарищ. Я тебя никогда не забуду.

Плухов стреляет. Юрий Дмитриевич падает на дорожку. Генерал склоняется над телом, какое-то время рассматривает его. Прячет пистолет. Говорит:

— Ну вот. В самое сердце. А ведь тогда, в тире, рука дрогнула. Семерку выбил... Сидор!

На дорогу выползает Сидор.

— Забери. Полакомься,— говорит генерал.

Сидор утаскивает труп в кусты.

11

Озабоченно поглядывая на длинную очередь, скрывающуюся в дверях винно-водочного магазина, лейтенант Волохонский перекладывает из ладони в ладонь потертое портмоне из свиной кожи.

— Пейвый и последний йяз, Николай,— говорит он жадно следящему за действиями его рук Кувякину.— Изволь свои капъизы дейжать пьи себе. Тебе генерал пошел навстьечу, чтоб ты себя подобающим объязом вел, а ты и йяд стайаться, только наобойет. Не понимаешь хойошего к себе отношения... Значит, сделаем так: возьмешь одну водку ноль-пять и побыстьее. А если за десять минут не упьявишься, то ставим на этом точку. Мы не на гулянку пьишли.

Волохонский бросает взгляд на курсантов Евгения и Александра, которые, припарковав машину у монастырской колоколенки, переоборудованной в Спортивный клуб Армии, изучают на другой стороне улицы киноафишный стенд. Отвернувшись к стене дома, он раскрывает портмоне и отсчитывает деньги. Одна красная бумажка вертолетиком падает. Коля ловит ее и прячет в карман.

— Э-э,— говорит Волохонский.— Давай сюда.

— Чего «давай»?

— Десять юблей.

— Откуда у меня? Ты что, дядя Лука?

— Пеестань валять Ваньку и пьитвояться. Я не слепой.

— Да ты чего, в самом деле, дядя Лука, на меня напал? Деньгу потерял, что ли?.. Сколько у тебя было, давай посчитаем!

Волохонский убирает деньги. Уничтожающе смотрит на Кувякина.

— Ты плохо кончишь, Николай. Помяни мое слово. — Взяв подопечного за борт пиджака, лейтенант подводит его к большой серебрястой урне. — Стой здесь и никуда не йипайся. Я сам пойду за спийтным. Если вейнусь и увижу, что ты хоть на метй отошел от уйны, — пеняй на себя, по восемьдесят тьетьей на полную катушку яскьючу.

— Годится, дядя Лука, — говорит Коля. — Иди. Только с умом действуй. К очереди не подходи — разорвут. Шуруй сразу на угол вон к тем делаварам с баулами. Подойдешь и скажешь: «Я от Володьки-солдата, примите заказ на белую, "один-ноль-восемь"». И по лбу себя стукнешь. Это пароль. С Дядей, дядя Лука.

...Подходя к Парусам, Коля и Волохонский замечают необычную суету и чрезмерное оживление. Из зала несутся магнитофонная музыка, хохот, разгоряченные крики. С разных сторон парка спешат к кафе знакомые и незнакомые Коле лица. Волохонского задевает локтем и пролетает вперед долговязый тип в грязной кепке. Кувякина едва не сшибает с ног коряжистый рыжий парень в армейской рубашке с засученными рукавами.

— Эй, ломцы! — кидает им вдогонку Коля. — Чего разбегались, как нагорчищенные? Что — бесплатная налива?..

Волохонский вдруг резко толкает его, Коля падает на обочину.

— Угадал, — кричат промчавшиеся бок о бок по аллее инвалид в тяжелой лязгающей коляске и слепой гражданин со свистящей клинком тростью. — Молекула гуля-я-я-е-е-ет!..

— Спасибо, дядя Лука! — говорит, вставая, охвачен-

ный волнением Коля.— Ты меня от гибели спас. Дядя тебя не забудет. Давай-ка я за это, дядя Лука, на разведку стоняю, вмиг разнюхаю, что там за каша, и вам обо всем доложу. А вы, чтоб не рисковать, здесь меня подождете.

— Нет, Николай,— берет его за мускул и останавливает у куста акации старший лейтенант.— Дело сейезное. Надо йебят подождать. Запомни одно из основных пъявил нашей йяботы: инициатива — сеебье, подстыхровка — золото... Ну вот, тепей полный пядок. Впейед!

Четверка входит в зал. Рядом с ухом Волохонского пролетает стакан, попадает в грудь Евгения и разбивается. Коля уворачивается от летящей бутылки. Саша пригибает голову, пропуская вытянутые струной загорелые ноги молодого крепкого человека, раскачивающегося на привязанной к потолку скамейке и горланящего неаполитанскую песню «О, мое солнце». В глазах вошедших рябит от пляшущих плеч, затылков и физиономий. Воздух насыщен вином и потом. Трещат скамейки, ящики, тара, хрипит и постанывает под ногами веселящейся публики стекольный шлак. Подхлестываемые стремительно-скрипичной цыганской мелодией, единой живой каруселью движутся Паруса.

Сгруппировавшаяся ромбом команда Волохонского, пробивается к буфетной стойке, где и отвоевывает себе место. Возле них возникает дед Кондрат, протягивая несвежий пустой стакан. С другой стороны продирается старуха Лукерья, с зажатым в руке черным стаканом.

— Мой чистый,— плачет она.— Бутылочки мне отдадите.

Коля берет оба стакана. Старик ловит Лукерью за горло, та, в свою очередь, ухватывает в пучок его редкие седые волосины, после чего оба падают и, свившись клубком, укатываются в гущу танцующих.

— Да, дядя Лука, это тебе не дядьки валять,— про-

водив клубок взглядом, говорит Коля.— Конкуренция. Рынок. Борьба за место под солнцем.

Оперевшись на плечи Евгения и Александра, как на брусья, Коля вытягивает шею и устремляет свой взор в сторону всеобщего притяжения зала.

На эстрадной площадке, на самой ее середине, в кресле-ракушке из сикоморового дерева, восседает виновник разудалого торжества — Виктор Вильямович Молекула! Одетый в белые брюки, золотисто-синий распахнутый пиджак оксфордского яхтклуба и малиновую войлочную шапочку-сванку, он с внимательным дружелюбием взирает на огнедышащее веселье зала. Обступившая его фалангой свита состоит из двух десятков круто сложенных молодцев в кожаных куртках и девицы с кипенной косой и в папаче, опирающейся своим ладным станом на четырехгранную пятиярусную пластмассовую колонну розового портвейна. Разбросанными кубами, тускнеют в глубине эстрады несколько опорожненных ящичков.

Коля напрягается. Зацепив крюком-взглядом нижний ярус винной колонны, пытается пододвинуть ее поближе к себе. Ничего не добившись, он откладывает поединок и, толкнув дном стакана Волохонского, указывает на его наполовину вздутую грудь.

— Время стучать болванами, дядя Лука. Доставай мою обговоренную. Так и быть, я и вас немножко попотчую.

— Десять юблей,— говорит Волохонский, глядя на танцующих.

— Да брось ты, дядя Лука. Десять рублей каких-то... Я тебе завтра зеркалаще от БЕЛАЗа подарю. У меня во дворе зарыто.

— Очень хойшо. Вот только бы ты еще вместе со своим зейкальцем и въянье свое во двое зайил.

— Ножками, хух-хух, бойчее работай, Виссарьон, хух, Гурьич, ножками! А у эстрады, хух, отдай мне свою виолончель и поядреней, хух-хух-хух, антрашу сотвори!..— звучит неподалеку.

— Ну, хочешь, я тебе пистолет бесплатно почищу?— предлагает Коля.

— Лучше мозги свои почисти и болтать о чем нельзя перестань.

Лейтенант осторожно косится по сторонам.

— Тюря, слышь, Тюря, прыгать низко будешь, будешь ведро ходить,— рядом с их компанией прыгает, схвативши друг друга за кушаки своих цветастых халатов, троица кизяковолицы, кирпичнобородых аксакалов.

— Молодцы-ы!— гремит проносящийся над публикой загорелоногий маятник.— Шуйца с ва-ами!! Он все-ею видит и правильно сделает вы-ыбор!!

— Ладненько, дядя Лука,— говорит Коля.— Тогда я поступлю так. Не отдашь бутылку — сейчас я прямо на все кафе крикну, что ты агент внутренних дел.

— Пъистъелю,— поворачивает к Кувякину каменное лицо старший лейтенант. Прикусивший язык Коля с испуганной надеждой смотрит на Евгения и Александра. Находит в глазах у одного железо, у другого — лед. Колина рука прыгает в карман и выдергивает червонец.

— Вот, дядя Лука, держи. Но это мои десять рублей. Мне их Эдуард Иванович за чистосердечное поведение выдал. Я даже за них в ведомости расписался... А ты!.. Неужто и впрямь поверил, что Коля Кувякин тебя заложить может! Тем более, ты ему жизнь спас! Давай сюда бутылку!

Взяв протянутую Кувякиным купюру и проверив ее на свет, лейтенант удовлетворенно посылает руку за бутылкой.

— Отдавай бутылку, дядя, мне сегодня выпить надо! Эх! Эх!— Между Волохонским, курсантами и Кувякиным резво протискивается сутуловатый, с буравящей воздух головой, человек с бородою-лопатой, вертится и уходит в толпу.

Коля, наполнив придавленные к животу стаканы и

зажав «ноль-восемь» между ног, широко улыбаясь, подносит один стакан лейтенанту.

— Я, дядя Лука, от природы не жадный, ты не подумай. — Приняв свою порцию, он достает из-за пазухи прихваченный с генеральской дачи бутерброд. — Но жизнь всякому научит. Я когда у вас в подвале сидел, мне ни одна скотина ведь и граммули не поднесла. А как ведь хотелось, если б кто знал... Давай, дядя Лука, не смущайся, хряпни двести пятьдесят для начала.

Волохонский смотрит на курсантов, окидывает взглядом зал и, помявшись, соглашается.

— Уговоил. Мы выпьем для конспирации. Это нам на тьёих. — Лейтенант, кривясь, делает глоток и передает стакан Саше.

— Эх, тройка мчится, тройка скачет, пыль летит из-под копыт! Эх! — Сквозь компанию ленточкой вьются привязанные друг к другу руками борода-лопата, Сосьет и Ширинкина.

— А что, Коля, — лейтенант Волохонский указывает глазами на эстраду, на раскачивающуюся скамейку, на танцующую массу, — подобные байдаки здесь частенько устьяиваются?

— Эх, если бы, дядя Лука! — спрятав под пиджак бутылку, вздыхает Коля. — У Молекулы раз в год хорошее настроение. И главное, не угадаешь — когда. Я в прошлый раз только под самый конец успел, но все равно полтора стакана «Кагора» выиграл. На полминуты дольше Кулика ведро с землей на голове продержал. А потом Молекула меня попросил... это... эм-мм... Вообще, Виктор Вильямович мужик интересный, внимательный и любит, когда его понимают. Даже Володька-солдат его побаивается.

Приближается душераздирающий пронзительный вой, раздаются пулеметно-артиллерийская трескотня и взрывы. Над головами Коли, Волохонского, Александра и поперхнувшегося водкой Евгения на миг зависает скамейка-«Юнкерс». Оставив старшего лейтенанта без берета, выходит из пике. Еще мгновение — и бомбар-

дивовщик скидывает беретирующий снаряд на эстраду.

— Во, дядя Лука, видишь как здорово!— говорит своему опешившему руководителю Коля.— Это Шуйца, правая рука Молекулы, вычудачивает. Видать, ты ему чем-то понравился. Это хорошо!..

Погладив опустевший затылок, лейтенант успокаивает напрягшихся Евгения и Александра.

— Не объящайте внимания,— произносит он.— Все идет ноймально. Коля! Налей-ка нам еще пятьдесят гьямм на тьѣих...

Ушей компании достигают распаленные голоса:

— Мяси! Мяси его, робя! Перьварязь! В рог ему! В дышло! Пыром! Пыром! Пыльцой накрой!— Крики приближаются, слышны частые глухие удары.— В сукровицу меринюгу этого! По дядлу ему, по сусалам! Что, невкусно? Невкусно? Ах, каблук ртом хватать? Щас я его по бельмам! Вот! Вот! Вот! Вот!.. Мне-то дайте! Дайте хоть разок!

— Да сколько ж можно, братцы?.. Я ведь не за босых хот...

Коля настораживается.

— Что-то голос знакомый,— говорит он.— Где-то я его слышал. По радио, что ли?

Меж туфлями Александра и Евгения появляется забинтованная голова, за ней толчками, в ритм пронизывающей кафе музыке, тянется провожаемое кованым сундуком-ботинком пыльное тряпичное тело.

— Архитектор!— узнает Коля уткнувшиеся ему в щиколотку усы.— Сколько лет! Сколько зим! Вставай, друг! Кто там против тебя выступает?!— Коля боевито выставляет грудь и вопросительно смотрит на Волохонского, на курсантов.— Дядя Лука, это же Архитектор, френд мой закадычный! Мы с ним здесь миллион лет на пару киряли. Хороший парень. Давай отомстим за него! Вон у нас с тобой какие ученики-воспитанники, мы щас враз всю эту шушеру умочим!

Лейтенант делает знак, курсанты поднимают бесчувственное тело, и Волохонский подносит к никлым

усам потерпевшего носатый пузырек, прыскает. Коля звонко чихает от густого запаха аммиака. Усы слабо шевелятся.

— Давай, Федой, давай, пыходи в себя, не бойся,— говорит Волохонский,— ты в кьюгу добрых товарищей.

— А ты-то откуда его знаешь, дядя Лука?— ревниво спрашивает Коля.— Он что, тоже твой сотрудник?

— Пыхуси, наконец, свое помело. Выйву,— больно бьет ребром ладони по ребрам Кувякина Волохонский.— Мы с ним пьесто случайно на улице познакомились... Ну, как дела, Федой?

Открывший глаза архитектор Федор собирается что-то сказать, но внимание Луки и компании, как и всего зала, обращено теперь на эстраду. Смолкли музыка, шум, прекратились танцы. В образовавшейся тишине постепенно умирает скрип пустой скамейки.

— Мне кажется, мой благородный Шуйца,— говорит Молекула склонившемуся к его плечу помощнику,— что нам пора подумать и о наградах. Прошу тебя объявить имена трех счастливых, избранных нашим жюри.

Присутствующие в кафе перестают дышать.

Шуйца распрямляется, дарит залу ослепительную улыбку.

— Слушайте все!— громкозвучно возвещает он.— Третий приз — одна бутылка доброго портвейна «Хирса»— присуждается группе молодых джентльменов: мистеру в жилетке, сэру в кепке и герру дипломату.

Он резко выбрасывает в толпу указующий перст. Ринувшиеся в забурливший народ кожаные молодцы из окружения Молекулы под хохот, аплодисменты и свист вытаскивают на сцену трех возбужденных успехом студентов.

— Второй приз — две бутылки — будет вручен заслуженному трио «Танцующие саксаулы».

На сцене рядом со студентами оказываются три кирпичнобородых степенных старца.

— Тихо! Кто там кашляет?— сверкает глазами правая рука Молекулы, откашливается и торжественно провозглашает:— Главный приз — три бутылки портвейна и стакан — завоевал... — он выдерживает паузу, — виртуоз оригинального танца, чудодей искрометного па, мастер Четыре-нога!

Шеренга лауреатов пополняется невзрачным гражданином в ветровке, ноги и руки которого обуты в затоптанные резиновые сапоги.

— Один вопрос, уважаемый,— обращается к нему Шуйца.— Публика интересуется: кто вы? откуда? истоки вашего мастерства? как собираетесь распорядиться призом?

— Лесничий я. Грушкин. Сторожка моя в овраге, у Комариной пади. Приз выпью, бутылки оставлю, стакан заберу — и домой. Зверушки мои меня там заждались. Прыг-скок-уугг. Весна!

— Музыка!— кричит Шуйца, и под праздничные звуки марша девица со спелой косой оделяет призеров. Победитель турнира рассовывает дары по сапогам, отвешивает Молекуле и его окружению низкий поклон и спрыгивает с эстрады. Студенты в спортивном азарте вскарабкиваются друг на друга, образуя живую каланчу, и верхний, размахивая бутылкой, горланит:

— Гип-гип ура, фаршмаки! Удача и тут в кармане! Н-но! Нно, Терапевт! Скачем на флэт к Сертификату смачных герлух занимать!

Топчущихся у края эстрады старцев Шуйца аккуратно, за воротник, составляет вниз:

— Тюря,— кричат двое из них третьему, уносящему в толпу бутылки.— Эй, Тюря! Далеко ходить будешь, опять ведро будешь ходить.

— Вот ведь повезло разбабаям!— завидует, покусывая губы, Коля.— Я бы тоже не хуже их чечеточку сбацал, если б захотел. Это ты меня, товарищ дядя Лука, своими разговорами отвлек! Теперь, хочешь того, или нет, а ты должен вместе со мной в следующем концерте участвовать, а то больше и грамма не налью,

и так меньше полбутылки осталось. Интересно бы только заранее знать, что они там задумали? Если опять ведро, тогда хорошо. Считай, победа за нами: Саша с Женей ребята складные, они и рельсу на головах до утра продержат. А ты, Федь, как? Пойдешь с нами на дело? Смотри, это тебе не на босых с дрыном ходить.

— Нет, ребята. Дудки. — Федор ощупывает помятое тело, голову. — Меня теперь ни на какие дела и калачом не заманишь! Я за последние три дня ученым стал — до гроба жизни хватит! — Федор ковыряет во рту пальцем, вытаскивает зуб, смотрит на него и, вздохнув, прячет в карман. — А все ваш дядя Лука! Это он мне такую подлянку устроил. Скажи мне почестному, Лука, без дураков только, ведь ты наврал мне насчет Ленина с Калитою? Ох... тьфу... ахрф... За правду так не убивают!

Лейтенант тяжело вздыхает.

— Федой, Федой, — покачивает он стриженной «под польку» головой. — Да язве ты пейвый, кому за пьявду на оехи досталось? Вспомни, как во все въемена людей за одну только неугодную пьявдивую фьязку на костях сжигали, кожу с них сдияли и языки, пьетставь себе, выйивали. А ее, эту фьязку, люди чеез века пьенесли. Тебя же только слегка, капельку помяли, а ты и скис. Стыдись, Федой!

— Да, Федь, тут ты неправ. Я с дядей Лукой согласен. Он знает, что говорит, — поддерживает лейтенанта Коля. — Ты лучше проверь: пока тебя по полу гоняли, деньгу не всю выпотрошили?

Архитектор слабо машет рукой.

— Что деньги... Душу из меня за эти дни всю выпотрошили... Раньше я ругал босеньких — били, теперь стал хвалить — опять бьют, да еще смертным боем... Как дальше жить — не знаю. Что говорить — не ведаю. — Федор осторожно пытается вправить нос. — А главное: все бесполезно, жратвы в магазинах все равно нет. Чисто... Послушай, Лукьян, скажи ты мне

ради Дяди, про какую это фразку, которую к нам сюда через века занесли и за которую шкуру с человека сдирают, ты только что речь тут держал? Скажи, чтоб я запомнил. Иначе вдруг случайно ляпну по незнанию, а жить-то все-таки хочется...

— А сейчас,— с новой силой грохочет над Парусами голос Шуйцы,— кульминационный этап нашего празднества! Игры для смелых, веселых, остроумных и находчивых под общим названием «Раскрой себя»!

Объявление встречается одобрительным гудом.

— Ну, други,— жарко потирая руки, обращается к компании Коля,— готовность номер один!

Под пиджаком у Волохонского что-то начинает попискивать.

— Йебята!— подмигнув курсантам, говорит лейтенант.— Мне что-то в гойло попало. Побудьте с Колей и Федоем, я отлучусь ненадолго.

— Ну что ты за человек, дядя Лука!— закатывая глаза, сжимает кулаки Коля.— Вечно у тебя не по людски! Самый момент, а ты линяешь! Не пушу! Не пускай его, ребята!..

Не реагируя на Колины протесты, Волохонский уходит. Умело ориентируясь в толпе, пробирается к выходу и, оценив специфику ландшафта, торопится к перекинутому через вялый ручей мостику. Спустившись под мостик, пристраивается у рослой крапивной поросли, вытаскивая из кармана выполненную в виде расчески рацию.

— Какого дьявола?— слышится недовольный голос генерала Плухова.— Почему молчишь? Рот, что ли, пластилином набил? Докладывай.

Волохонский подносит расческу к обиженно поджавшимся губам:

— В гойоде все ноймально. Мы находимся в настоящее время на тейитоии пайка «Освобожденный тьюд» в яёне забьешенного кафе, котоёе в найоде зовется «Паюса». Здесь многолюдное сбоище — Виктой Вильямович Молекула отдыхает. Обстановка в целом благо-

приятна для ведения инфоимационно-технического наблюдения. Язговои идут в основном на бытовую тематику: о выпивке, женщинах и яботе. Некондиций пока нет.

— Офицеры есть?

— Человек пятнадцать.

— Пролы имеются?

— Две-тьи сотни.

— Лохматые подростки, студентишки?

— Штук тьидцать.

— Очкарики, бородачи и прочая вшивая прослойка?

— Этих сотенка набееется.

— Так. Хорошо. А нацмены?

— Пяток аймяшек, несколько молдаван, гьюпка гьеков, из Съедней Азии пайочка, двенадцать ассиийцев, болгаин с Якойем и пьибалт.

— Босых нет?

— Не видал. Впъёчем, нет, один вьёде имеется. На беегу водички йибку ловит.

— Хм, ладно. Босых пока отложим. Продолжай работу.

Генерал прекращает связь. Волохонский продувает рацию, причесывает затылок. Замечает среди сочных крапивных стволов поблескивающий предмет. Нагнувшись, видит очки в золотой оправе. Вскрикнув радостное «о, зохенвейс!», лейтенант протягивает руку, делает шаг и, потеряв равновесие, падает кулем в крапиву.

...— Не поверишь, Колечка... Беда-то какая случилась, Дядя... Нет больше нашего Семы,— всхлипывают на Колиных плечах, под раскрепостившимися взглядами курсантов Сосьет и Ширинкина.— Сегодня утром он певичку столичную захотел осчастливить. Она на завод прикатила гастроль давать, и Семен прям во время припева о судьбинке арлекинской ее уговорил. Пристроились они в разливочном корыте перед мартенном. Тут их как раз плавка и накрыла,— девицы дружно шмыгают носами.— Ушел, покинул нас Сема! А какой

был парень! Занятный, обходительный! И все-то у него было по-особенному, с изюминкой.

На лицо Кувякина набегают тень. Скупым движением он отстраняет подруг и наливает полстакана водки. Стиснув стекло побелевшими пальцами, в два тяжелых глотка принимает горькую.

— Вот так, Федор,— говорит он удлинившему в сочувствии подбородок товарищу.— Верь после этого людям. Дал ему, этому самому, пятерку взаймы, выручил, а он видишь мне какую подлянку сотворил. Без ножа в спину зарезал, дядек подводолодочный.

Выпрыгнувшая из-за Жени и Александра старуха Лукерья пытается выхватить у Коли облегченную бутылку, но промахивается, и, тряся наполовину оторванным крылом-ухом, взвизгивает над толпой.

Народ вскипает, неистовствует, клокочет: на сцене разгорелось средневековое побоище. Два отряда скачущих на одной ноге соперников, вооруженных прижатыми к плечам серыми и черными ящиками, сшиблись в отчаянном поединке в начерченном мелом квадрате.

— Бейтесь, доблестные рыцари, бейтесь!— поощряет участников схватки зычный голос Шуйцы.— Публика смотрит на вас! Дамы дарят свои сердца! Друзья делают ставки! Бейтесь, подпарусные герои, счастье в ваших руках!

— Пять к одному, что серые победят. Они правильную тактику выбрали — кулаком держатся и на наскоки не идут,— оценивает шансы сторон Саша. Краем рта улыбается Соси.

— Ерунда. Здесь гораздо важнее маневренность,— возражает Евгений, с интересом наблюдая шагающую по отвесностям Ивонны косеножку.— Плюс инициатива. В любой броне слабая точка имеется.

— Нет, ничего вы, ребята, не соображаете,— говорит забывший о своем горе Коля, плотнее прижимая спрятанную под пиджаком бутылку.— Дело тут не в тактиках и не в точках. За черных Степа Мясник ру-

бится — вон тот топор в нарукавниках. О, пожалуйста! Первый серый полетел!

— Мы за Степу!— подхватывают Люсьен и Ивонна.— Он как напьется — «Золотым ключиком» угощает!

— Сладкое любите?— улыбаются Евгений и Александр.

— Ага. Любим,— обнимаются девушки.— Вообще любим, когда угощают. Мы девушки порядочные, за так не любим. Завелась тут у нас одна дурочка, себя не уважает. Пашет, как проклятая, хоть дядьков ты ей тачку подкати, и ни с кого ни вот столечко не берет. Ни рублями, ни вином, ни конфетами. И откуда она только взялась, эта Маргарэт. Тоже нам, королева Шантэклера. Мы еще потерпим ее с денек, а потом, если не исправится, как положено, в ручье утопим... Да вот и она! Легка на помине.

— Вот моя дерьвенька, вот мой дом родной! Иех! Иех!— знакомый сутулый заводила просачивает сквозь общество коротенький ручеек, от которого отрывается жена Эныча Рита.

— Ты как здесь, Рита?— удивляется Коля.— Эныча, что ли, ищешь? Так он на... нна-на... да. Я его не видел. А что ты такая грустная? Случилось что?

— А-а... Коленька, здравствуй.— Ритины губы подрагивают, глаза блуждают. Рукой она смахивает тусклую слезинку со щеки.— Сереженьку-то моего увезли... Какие-то люди пришли в белых халатах... Ручонки ему повыворачивали, ножонки поскручивали... Бросили его в мешок пластмассовый и увезли куда-то... С тех пор не видела я моего родненького, моего редкого-зенького...

Проглотивший информацию Коля молчит.

Рита опускает голову, пальцами вяло покручивает треснутую пуговицу на мятой замызганной кофточке.

— Мальчики,— неожиданно произносит она, нежно взглядывая на курсантов,— милые вы мои, хотите, я вам хорошо сделаю? Пойдемте со мной...

— Нет уж, хватит, родёмая!— Ширинкина и Сосьет заклоняют своими телами курсантов.— Ни стыда у тебя, ни совести! Не видишь, мы тут стоим!— Подруги нацеливают свои чешуйчатые ногти на Ритины губы. Мгновение — и всех троих подхватывает и уносит, весело горланя и штопоря головой пространство, неутомимый сутулый массовик-хороводник. Место унесенных ветром представительниц слабого пола занимает появившийся из людской пены дядя Лука.

— Ну, наконец-то!— говорит Коля.— Я уже беспокоится стал. Хотел уже за тобой Евгения послать. Потом думаю: «Нет, Коля, ни дядька! Дядя Лука у нас парень не промах, он из любой катавасии выкрутится...» А тут без тебя, дядя Лука, такие сшибки пошли, пальчики оближешь! Да и сейчас, погляди какая битвища! Прямо как в «Александре Невском» молотятся.

На сцене потерявший в бою всех своих товарищей топорообразный Степа отражает яростный натиск стремящегося выбить его за пределы меловой черты трехглавого серого клина.

— Мы тут с Федором посоветовались, дядя Лука,— продолжает Коля,— и решили назначить тебя капитаном нашей команды. Да и молодежь наша — Александр с Евгением, по глазам вижу, не против. Так что приступайте к исполнению своих служебных обязанностей, капитан Волохонский!

— Спасибо, Коля,— говорит, смиренно вытирая запачканный рукав куртки, старший лейтенант Волохонский.— Я ждал этого повышения ёвно двадцать лет.

Дикий клич топора Степана летит с эстрады. Вытесненный на самый край турнирной площадки, он, изловчившись, делает необычный ход: отбрасывает ящик, замахивается железным лбом-обухом и вгоняет под вопли зала оторопелый клин в пол.

— Слава блистательному рыцарю Черного Ящика!— вскинув руку топора-победителя, провозглашает Шуйца.— Мужество и отвага, доблесть и бесстрашие,

ловкость и находчивость — вот компоненты, присущие герою нашего времени! Фанфары! Аплодисменты! Призы!

...Минуты две спустя на эстраде смена декораций. Поднявшийся с кресла Молекула, заложив одну руку сзади, другую спереди, неторопливо рассказывает по кромке сцены, принимая ликующие, обращенные к нему с новой надеждой и восхищением взгляды, разминая при этом с видимым удовольствием свои затекшие от долгого сидения члены. Остановившись посреди площадки и спортивно потянувшись, Виктор Вильямович делает народу сенаторский жест.

Все стихает.

— Итак, мои друзья, я думаю, вы довольны?— опускающая руку, он задерживает ее на своем ухе.

Дружный рев Парусов отвечает ему согласием.

— Тогда сразу к делу,— удовлетворенно кивает Молекула.— Задача простая и цельная,— звуковая имитация животного, растительного и научно-технического мира. Короче, друзья, кто во что горазд и без ограничений. Игра начинается по моей команде, ну, а по ходу действия, я сам выберу лучшего.

Он подходит к креслу, садится и, взяв оставленную им на подлокотнике гвоздику, откидывается на спинку.

— Сейф, Нивелир, Крематорий, Некролог,— кричит, щелкнув пальцами, возникший рядом с креслом своего суверена Шуйца.— Взяти!

Выросшая возле кресла четверка кожаных крепких парней с двумя трехметровыми полированными жердями, подсовывает брусья под сиденье, берется за концы и поднимает открытый паланкин себе на плечи.

— Последние ЦэУ, мои уважаемые представители НТП, фауны и флоры,— говорит, покручивая перед своим носом гвоздику, Молекула, пока его восьминогая триера спускается с эстрады в зал.— Следите за сигналом этого цветка: вверх — исполняйте, вниз — молчите. Ну, вот и все. Поехали.

Он взмахивает рукой.

И началось.

Хрюканье, бибиканье автомобиля, лай, пожарная сирена, кваканье, блянье, вертолетное тарыхтение, кукареканье, скрип тормозов, мычанье, свисток локомотива, кудахтанье, телефонный звонок, гудение керосинового примуса, мяуканье, перестук вагонных колес, карканье, запуск космического корабля «Аполлон», рев слона, стук дятла, механическая циклевка полов, трубный лосиный призыв, шум птичьего базара, бой кремлевских курантов, чавканье тапира, щелканье тукана, взрыв телевизора, пуск ракет с турсов, крик осла, стрельба очередями из «калашника», змеиное шептание, уханье совы, вой снежного человека, стоны дизеля, кряхтенье пеликозавров, визг циркулярной пилы, скрежет текодонта, чмокание демпфера, топот стрекозавра, плач мартена, причитание птеродактиля, рыдание блюминга, удары хвостом игуанодона, верещание турбины, плевки насосов, писк дипротодона, рев Красноярской ГЭС, пыхтение балахицериума, свист закипающего чайника, сопение корифадона, оханье тяжелого пресса, алюминиевость трубказуба, раздумья гидранта, плунжерность бородавочника, бег бойлера, дроссельность гигантского броненосца, сны дебаркадера, арматурность матаматы, полет изолятора, ртутность овсянки, белый танец градири, манометрность макруруса, лукавство фрезы, кронштейнность дронты, радость компостера, надфильность сальпуги и боль шарикопотшипников сливаются в единую космическую какофонию.

Под наполнившимися звуковым ветром брезентовыми парусами кафе, разрезая раскачивающиеся во вдохновенном исполнительском порыве волны голов, плывет Молекула. По его лицу разлита благостная умиротворенность — голова слегка откинута назад, глаза в полузакрытом состоянии.

Проплывая мимо терриконовой пирамиды, Молекула подает знак, и его восьмивесельноногая триера дела-

ет остановку. Прислушиваясь к козлиному мемеканью взобравшегося на вершину человека в плаще, Молекула опускает свой цветочный скипетр.

Какофония резко обрывается.

— Фу-ух,— хлопая по заложенным ушам, мотает головой Коля,— вот это музыка... Нет, ребята,— говорит он не слышащим его, зажавшим уши пальцами, ладонями и кулаками Волохонскому, курсантам и Федору.— Я лучше пару ведер...

— Цыц, ты!— шипят за его спиной.— Вильямович выбирает. Послушать дай, балабол!

Еще раз хлопнув себя по ушам, Коля поворачивает голову в сторону пирамиды, прислушиваясь к идущему там разговору.

— Неплохо, совсем неплохо, дружок,— говорит, поощрительно кивая плащу, Молекула.— Есть порыв, искренность, задор, знание темы... только техника, к сожалению, хромает. Ты вот что, дружок... Становись-ка на все четыре и пошел. С вершины — к подножию и обратно. Ближе к естественному началу. И уверяю тебя, сразу приобретешь то, чего тебе еще пока не достает — объемность звучания и верный тембр. Итак, дружок, с учетом этого дружеского критического замечания, продемонстрируй нам свое сольное исполнение. Давай.

Под подбадривающие замечания многочисленных участников, чуть помявшись, плащ становится на четвереньки, окидывает взглядом склон и, взмекнув дурным голосом, скачет со скамейки на скамейку, сопровождая свои прыжки протяжным бляньем. Спустившись к подножию, он делает кулбит и под дружные возгласы одобрения с удвоенной энергией взбирается к вершине. Покорив пик и тяжело дыша, ожидает оценки Молекулы.

— Хорошо,— замечает с улыбкой главный менеджер спортивно-зрелищного мероприятия.— Перспективный козел. Толк будет. Берем на заметку.

Гвоздика поднимается вверх — и вновь среди де-

цибеллозабушевавшегoся подпарусного моря продолжает свое плавание сикомороовальное судно.

У буфетной стойки троица студентов, решившая в очередной раз завоевать следующий приз, и присоединившиеся к ним еще двое друзей, вдохновенно разыгрывают батальную инсценировку — высадку союзных войск в Нормандии; «окопавшиеся» по одну сторону стойки жилетка и дипломат яростно поливают из «ручных пулеметов» и забрасывают «гранатами» атакующие их силы «противника»: лязгающего гусеницами и урчащего мотором стреляющего на ходу стриженного «Шермана»; бомбящую обороняющихся «летающую крепость», бейсбольную кепку, и трещащую из автоматической винтовки в пылу наступательного порыва «пехоту», студента в защитного цвета куртке.

Рядом, у холодильного прилавка, визжит и стонет в ударно-джазовом ритме организованный ниисотрудниками вокально-инструментальный ансамбль. Маленький вертлявый представитель технической интеллигенции в кофе-лапше виртуозно водит по своим крупным зубам пластмассовой рукояткой отвертки, производя звучание ксилофона. Его рыжеусый, с меланхолично вытуженным лицом товарищ выбивает размеренными ударами своего лба о пустую канистру дребезжаще-рыдающие звучания. Пронизывающим плачем поддерживает ударника в трясущихся руках седого маленького старичка — Виссариона Гурьевича, виолончель. А в центре ВИА, под руководством поднявшегося на остов прилавка и размахивающего большими костистыми руками помятого гражданина в тирольке, стоят одной плотной стеной и хрюкают на три голоса — бордовый галстук, кожаный пиджак и галстук в горошек.

А еще дальше, за холодильным прилавком, кружится минихоровод. Пьяных Сосьет с подругой несут в танце-конвульсии их кавалеры — щупленький работник речного пароходства в тельняшке, широконосый с покатым телом мужчина в панамке и сутулый бурвя-

щеголовый бородач. От хоровада исходят нестройные рулады протяжного кваканья.

Гвоздика опускется. Снова тишина. Триера замедляет ход и останавливается.

— Неплохо, ребята,— хвалит студентов Молекула.— Это мне живо напомнило высадку морского десанта в Инчоне, кажется, в пятидесятом. Там тоже жарковато было. — Он слегка ослабляет на себе шейный платок.— Настоящий боевой натурализм. Поздравляю!.. Ну, а чем еще нас сможете порадовать?

— А чего попросите,— отвечает жилетка, распрямляя плечи.— Когда со стимулом, да без пристяга — мы все сможем.

— Чудесно!— одобрительно глюкает губами Молекула.— Тогда так. Сыграем в павианов. Игра для вашей души и темперамента — прыжки друг через друга,— прыжок и крик, прыжок и крик. Действуйте, юность!

Студенты, выпаливая в воздух мощные заряды обезьяньих криков, с рабочим энтузиазмом принимаются за прыжки, а Виктор Вильямович Молекула, повернувшись в другую сторону, обращается к научным сотрудникам.

— А вам, господа, должен сказать следующее. — Лицо Виктора Вильямовича принимает строго-располагающее выражение.— В исполненной вами композиции четко прослеживается организованность, порядок, сыгранность и научный подход к делу. Во всем этом чувствуется рука незаурядного, пользующегося заслуженным авторитетом руководителя.— Молекула смотрит на бордовый галстук.— Вот вы, скажите мне пожалуйста, какой агрегат у вас на работе является наиболее звучным?

— У нас, уважаемый Виктор Вильямович,— бордовый галстук, полный собственного достоинства, поправляет галстук,— все приборы поют. У каждого своя музыка. Осциллограф, например, флейтою звучит, ЭВЭ-Мы — трубой, а циклотрон — как орган кафедральный. Заслушаешься.

— Спасибо, спасибо за приобщение к музыкально-техническим тайнам,— признательно наклоняет голову Молекула.— Да, я не ошибся,— с симпатией окидывает он взглядом ниисотрудников.— Вы и ваши коллеги творчески одаренные люди. И мне доставит огромное удовольствие послушать в исполнении такой великолепной группы звучание столь замечательного научно-храмового органа.

Раскрывается и набирает звуковую силу вслед уходящей в обратный путь триеры маховик живой пятиголовой гидры-циклотрона.

Побарабанивая пальцами свободной руки по подлокотнику и покачиваясь, Молекула обзревает взглядом свою подпарусную планету. Шумят, гудят, плещутся, колышутся под ним реки хрюканья, поля гавканья, леса чавканья, горы мычания, моря карканья, континенты кваканья, океаны бляенья...

Триера подходит к причалу-эстраде, и владелец судна, помахивая гвоздикой встречающим его во главе с Шуйцой и Александрой, упруго спрыгивает на берег. Поднявшаяся на площадку корабельная команда ставит сикоморовый парусник-престол на свое место и, убрав из-под него отполированные технические принадлежности, растворяется в свите.

— ... Ну, вот и все, дождались...— говорит Коля, провожая взглядом прыгающих со сцены в толпу, счастливых лауреатов закончившегося конкурса.— Скоро от призов совсем ничего не останется... Можно собираться домой...

Пошатываясь и опираясь рукой на центральную опору, у которой на доске-лавочке сидят тесным рядом и о чем-то между собой разговаривают его притомившиеся товарищи,— дядя Лука, Саша, Евгений и Федор,— он вздыхает и покачивает головой:

— Ну и работка же у вас, ребята... Целый день или столбами стоять или портки просиживать... Все про вас кому не надо на даче обо всем расскажу...

Отвернувшись от своей не обращающей на его слова

внимания компании, Коля достает бутылку, крестится и приканчивает ее.

Он не успевает выдохнуть и опустить руку, как в нее впиваются клещистые, когтистые лапы и тянут его вверх. Коля поднимает голову и видит над собой злобно ухмыляющуюся, щелкающую грейферным клювом ушастую гарпию Лукерью. Вырвав у ничего не понимающего Кувякина бутылку, Лукерья ударяет его ухом-крылом по затылку и улетает.

Коля, улыбаясь, тихо сползает спиной по опоре и, усевшись рядом с приятелями, отстраненно взирает на окружающих.

Музыка, в которой все больше и больше звучат одесские мотивы, все убыстрется, подгоняемая и подхлестываемая раскаленными выкриками и разудальными уханьями. Кувякин видит несущуюся вдоль буфетной стойки и огибающую его и приятелей, вместе с оказавшейся в их компании играющей на виолончели сухой седой крысой в пенсне и прислоненной к опоре прямым, как палка, сетчатым питоном, скачущую сотнюножистую фарандолу. Впереди нее трясется и колышится мощное тело в бордовом галстуке и головой бегемота. Бегемот тянет за собой муху в тельняшке, быка в шортах, барана в комбинезоне, суслика с дипломатом, козла в плаще, пеликана в ватнике, ящерицу в плиссированной юбке, носорога с галстуком в горошек, гуся в лакированных ботинках, хряка в кожаном пиджаке, богомола с бабочкой, лешего в ветровке и резиновых сапогах, карася со слуховым аппаратом, цаплю в платье колоколом, сурка в армейском кителе, пингвина в тройке, индюка в бейсбольной кепке, трех каменоломцев в двугорбых верблюдах, жабу в спортивной майке, попугая в джинсовой жилетке, морского конька с борою-лопатой, хорька с хозяйственной сумкой, угря в ватных брюках, осла с забинтованной шеей, утконоса в панамке, перетянутого солдатским ремнем осьминога...

Кувякин переводит взгляд на эстраду, наблюдая за тем, как два подтянутых молодца с кожаными голова-

ми, ставят на колонну под руководством помахивающей хвостом-косою стройной белотелой морской свинки в папахе еще один ящик с портвейном. Улыбаясь еще шире, Коля толкает локтем сидящего от него сбоку Федора:

— Какой я ка-а-айф пойма-а-ал... Обалдеть можно... Такие, Федь, перед глазами рожи, залюбуешься.

— Лови, Коля, лови и нам не забудь оставить,— убрав с пути проходящего мимо отряда бородачей ноги, отвечает ему Федор, и, обхватив коленки руками, продолжает свой прерванный разговор с Волохонским.— Нет, я тут не согласен. В такой ситуации человека сразу видать: что там ни говори, а святое дело — босого обувь... А что это у тебя с лицом, Лукьян? Всю физиономию раздуло. Аллергия?..

— Пустяки, Федя. Пьейдет. Главное в человеке — не бьенная фойма, а внутъеннее содейжание. Omnia mea mecum porto,— чешет Волохонский красную щеку.— Вот посмотри на окьюжающих здесь тебя человекoв, Федой. Что это такое? Чем они все тут занимаютcя? Пейед тобой язгул низменных стьястей, безудейжный пий Валтасайя. Хойошо вьёде бы людям, у них вьёде бы пьяздник, но постучи вовнутъ каждого — и что откьётся? Океан пьетензий к жизни, мое обид. Почему так? Кто виноват в этом? Сами они и только сами: не скопили в себе и гойичного зейна духовных богатств, котойее пьеесло бы в надежную кьепость, пьедохьяняющую от удайов судьбы. И вот бьёсает их, кьютит, вейтит, сгибает в язные непутевые загогульки... И кажется им, что йядуются они и веселятся, но нет — это стенают и кьичат они о своих муках. Тот же, дьюгой, кто в надежно защищенном месте с чистым сейдцем скьёмно пеебийяет накопленные целенапьявленным тьюдом нетленные сокьевища,— цай своих чувств, господин своего язума, а не дешевая погьемушка в юках ёка. К несчастью, Федой, большинство живущих намейтво пьикованы к матеиальному мяжу и пеепьяигнуть себя готовы йяди плотских пь-

вязанностей. Эх-хе-хе-хе-хе, *natuja hominum est*. Гьюстно все это...

— Дядя Лука, хватит о погремушках!— трясет за плечо Волохонского вскочивший на ноги, протрезвленно-взбудораженный Коля.— Нас! Нас спрашивают!

Стряхнув с себя расслабленность, лейтенант быстро поднимается и смотрит на эстраду. С эстрады на него глядит Шуйца. В поднятой руке Шуйцы — берет лейтенанта. Сотни повернувшихся глаз рассматривают дядю Луку и сгрудившуюся за ним четверку.

— Повторяю,— диспетчерским голосом говорит Шуйца.— Человека этого фанта и его команду во избежание технических неприятностей просим подняться на сцену для участия в следующем конкурсе.

— Давай, пузан, двигай!.. Неча чайником-то прикидываться!.. Тебя кличут!— волнуются массы.— Дергай куда велят!.. Из-за тебя стоим!.. Шевелись, а то щас всей вашей братии враз за милую душу отвесим!

— Ну что ж ты застыл, командар?!— захлебывается Коля, пытаясь столкнуть Волохонского с места.— Люди ведь смотрят! Федя, ребят, скажите ему! Судьба же!

Проведя ладонью по волосам и внутренне собравшись, лейтенант принимает решение. Одернув куртку, расправив плечи, вскинув подбородок, он делает знак курсантам и смело шагает на вызов по пролегшей в секунду перед ним теснине.

*...Йоханнесбург — город солнца и моей мечты,
Йоханнесбург — белый город снов моих и любви,
Йоханнесбург,*

— грустит гитара,—

*я к тебе приеду когда-никогда,
Йоханнесбург — дайте сердцу простор, господа!..*

Два удара по струнам — и гитара смолкает. Художавый молодой исполнитель с хлопчатобумажной бо-

родкой, поправив на запястье своей руки, переходящей в кисть-копыто, браслет-цепочку, обращает свой взор, как и его товарищи, в сторону сикоморовой ракушки.

— Неплохо, молодой человек. С чувством сыграно,— произносит Виктор Вильямович, поглаживая бархатистобелую лапку присевшей к нему на подлокотник кресла Александры.— Да, какая все-таки стремительная штука — жизнь. Во времена моей незабвенной, славной, оттепельной юности, мы, всей нашей дружной боевой геологической братией, сживали, бывало, на берегу у костра где-нибудь в верховьях Мамы и напевали под гитару совсем иные песни,— состроив кислосладконостальгическую физиономию и проникновенно выкатив глаза, Молекула продолжает:— Понимаешь, парень, это странно, да, очень странно,— кивает он огорченно барду,— но не такой уж я законченный чудака,— подняв на голове сванку и переходя на напев, чешет свою макушку Виктор Вильямович:— А я гоняюсь за туманом, за туманом, и с собою мне не справиться никак... да... эхм... Ладно. Проехали,— вздыхает он, отгоняя сванкой туман воспоминания.— А пожалуй, друзья мои, мне ведь тоже не мешает призадуматься об уютном теплом уголке где-нибудь неподалеку от Порт-Элизабета или уж, на худой конец, в Карпентарийском заливе на островах Уэссел... Александра, кошечка, поедешь со мной на красивом пароходе в заморскую даль?

— С тобой, Виктор, хоть на свинцовые рудники,— улыбается, показывая жемчужные зубы, морская свинка.

— Да, ну так вот, молодой человек,— продолжает Виктор Вильямович, вдыхая запах гвоздики.— Искренне сожалею, но должен вас огорчить. Жюри находит, что предыдущее хоровое исполнение командой дяди Луки песни «Среди долины ровныя» заслуживает лучшей оценки, так как несло в себе более глубокое патристическое содержание. Шуйца! Бутылку из стиму-

лирующего фонда победителям песенного тура и утешительный стакан за лиричность менестрелю ЮАРии!

Находящийся справа от кресла зам Молекулы щелкает пальцами. Кожаные молодцы с боксерскими головами-перчатками на размашистых плечах под удовлетворенные Колины комментарии вручают Волохонскому промежуточный приз. Солисту из противоборствующей пятерки ставят на протянутое копыто его стакан.

— Внимание!— объявляет Шуйца.— Счет встречи между командами дяди Луки и Авангардия стал после музыкально-песенного поединка пять-четыре в пользу лукианцев. Напоминаем зрителям и участникам: игра ведется до шести побед. После минутного перерыва будут объявлены условия следующего тура.

Команды собираются в кружки.

— Сейчас только не расслабляться, ребята, один, всего один шаг до победы!— говорит азартным шепотом Коля, принимая от Волохонского портвейн. Пьет, передает Федору.— Главное — не споткнуться! Виктор Вильямович крокодил еще тот — в любой момент всякие неожиданные трючки выкинуть может. Да и противники у нас непростые, с закидонами, особенно вон тот, куличовоголовый, капитан ихний, Авангардий. Дядя, много пить нельзя! Сломаешься — коллектив подведешь, основной приз упустим! Я тогда из тебя, клянусь здоровьем дяди Луки, сам, собственноручно, бифштекс с кровью сделаю! Дядя Лука, а Женька с Сашкой у тебя молодцы, лихо в третьем туре Михлуху с Маклаем изобразили. Да из тебя тоже хороший дикарь получился. Все, мужики, кончаем трепотню, прицел ноль восемь, калибр пять!

— Продолжаем восхождение на Эверест!— заканчивает антракт Шуйца, с пониманием на лице отнимая ухо от уст Молекулы и длинным взмахом десницы указывая на виноградусный постамент.— Сейчас нашим неутомимым марафонцам будет дана возможность своими руками воплотить в жизнь их самые смелые фантазии и задумки. По рекомендации Виктора Вильямовича

мы приступаем к проведению конкурсной миниатюры «Возьми и Сотвори».

Шуйца хлопает в ладоши. В глубине эстрады, в стене с полиняло-фресковым морем, марганцово-пляжным песком и темно-сивушными скалами открывается фанерная дверца-пальма. В замороженной тишине шуршит голос Кувякина:

— Это подземный ход, ребята. Я даже знаю, куда он ведет...

Шуйца благосклонно хмыкает Коле и говорит:

— Здесь, в этой заброшенной артистической камерке, среди отжившей свое рухляди и забытого, что он такое, хлама, вы выберете то, что вам нужно для творчества. Задание: соорудить из отобранных предметов произведение, доступное человеческому пониманию и пригодное для пользования. В распоряжении команд пятнадцать минут. Включаю время!

Разом сорвавшиеся с места «авангардисты» мгновенно достигают дверного проема, и, пока подгоняемая Колиными возгласами команда дяди Луки неорганизованно торопится в том же направлении, бегут обратно, выволакивая из каморки грузный рулон серой парусины, облупленный газовый баллон, а также сплюснутый в огромную квадратную лепешку жестяной охающий экс-бак и ворох грязных отсыревших канатов.

Пробывшая в кладовой с добрых пять минут бригада дяди Луки выносит, наконец, на сцену свой материал: сломанную стремянку, несколько дырявых ватников и долгий чугунный прут от забора. Под руководством своего капитана приступает к осуществлению замысла.

У кресла главного устроителя праздника идет заинтересованный разговор.

— Халтурку гонят наши лукианцы, Виктор Вильямович, — делится наблюдениями Шуйца. — Хижину дяди Тома лепят. Ни огонька, ни выдумки. А вот художники что-то загадочное мастерят. Смотри-ка: бак разогнули, материю кроят, к баллону прислушиваются. Ньютоны, право слово! Может, оказать им, Виктор, на-

ше доверие — из моего «Бенца» и Александровой «Вольво» восьмиколесный «Роллс-Ройс» вычинить?

— А я не согласна. Мне нравятся, которые дом строят. Какой у них распорядительный толстячок капитаном!— Длинный розовый взгляд Александры скользит по частям тела курсанта Саши, крепящего чугунное древко.— А твои авангардники, Шуля, все заросшие и какие-то перекошенные!

— Сужденья,— назидательно поднимает палец Молекула,— глупей не может быть — по внешности о существе судить! Твои взгляды, моя Александра, должны основываться не только на зыбких пожеланиях плоти, но и на здоровом фундаменте твоего качественного положения. Да и ты, мой сенешаль, откровенно огорчил меня своей попыткой склонить весы беспристрастия. Нет, дети мои, нет. Вы не правы. Пока я жив, на сцене будут править мир и право.

Поджав под сиденье свои беломантиевые ноги, Виктор Вильямович кладет руки на ребра-подлокотники и застывает в позе Рамзеса Второго. К тронному месту капитанской походкой подходит дядя Лука.

— Ну вот. Мы все сделали,— просто говорит он.— Это шалаш.

В левом от жюри и правом от смеющейся публики углу помоста, рядом с выстроившимися по ранжиру строителями, распласталось в шпагате маленькое кривое сооруженьице, украшенное стремящимся к потолку чугунным шпилем.

Александра прыскает в хвост. Принявший вид клубного динамика Шуйца с невозмутимым лицом подходит к тряпично-чугунному лукианскому жилищу, оглядывает его сверху, пригибается, смотрит внутрь и, брезгливо поведя носом, хлопает по плечу подвернувшегося под руку Колю:

— В яранге не погаснет свет!

Воспринявший удар Шуйцы как знак присвоенного изделия качества, обрадованный Коля выпаливает слова благодарности:

— И на Марсе будут яблоки расти!

— Ш-ш-ш ш ш ш!.. — слышится с противоположного конца эстрады. Шуйца и Коля поворачиваются на звук и вместе открывают рот.

Неправильный серый пузырь, оплетенный паутиной веревок, дрожа и волнуясь, гуляет по сцене и, вбирая в себя таинственный корм, округляется в желании оторваться от досок.

— Ты время не забыл, Шуйца мой верный?— звучит насмешливый голос Молекулы.

— Время! Время, друзья!— кричит встрепенувшийся динамик. Шипение прекращается.

К креслу жюри, указывая на застывшее в полуметре над полом сосискообразное тело, шагает угрюмобородый Авангардий.

— Мы просим минуту для завершающего детище мазка.

— Сожалею, но ничего не могу поделать, мастер Авангардий. Закон — не дышло. К тому же ваш замысел жюри понятен. Сможете доносить свое детище, если пожелаете, после объявления приговора.

Молекула поднимает над сванкой гвоздику и сам объявляет:

— За смелое и конструктивное воплощение вековой мечты человечества — полета в Йоханнесбург — команда Авангардия награждается очком!

Молекула обращает взор в зал.

— Как общество?— спрашивает он.— Согласно ли с таким моим решением? И нет ли в нем предвзятости? Игры?

— Согла-асны-ы!!.. Верно говоришь, Вильямыч! Правильно решил! Долой Луку, долой шалаш! Уши им за туфту поотрезать! Молодцы, бороды! Лихой пузырь из дерьма выточили, мать иху мать! Эх, Андрюша, да нам ли быть в печали, играй гармонь, тра-та-татата!..

У шалаша вызревает мятеж. Николай Кувякин рвет воздух возле ворота свой рубашки.

— Нет... Пять-пять!.. Я больше не шестерка! Все... Пять-пять... Я больше не могу!!— Коля простирает руки к брезенту потолка.— Говорил я... человеческим языком вам... метро надо делать, метро! И шпалу нашли, и гонку, и кабель с катушкой! А вы? «Дядя Лука-а! Шала-аш! Дядя Лука-а!..» Мундели! Ни своего голоса, ни своего «я», ничего святого! Пляшете под чужую сурдинку — и видеть ничего не видите!

Коля опускает руки и тычет от бедра прутиком-пальцем в сторону Волохонского, поздравляющего возле кресла Молекулы капитана соперников.

— Видеть ничего не видите, а он — вон он, в коронном своем репертуаре, ваш любимый дядя, смотрите! Так, так, давай, правильно, хорошо, ручку пожал, красное словцо сказал, сейчас еще своими духовными соковыищами поделится, краснопер икраткий!— Коля хватается за голову.— Ох, дурак я, дура-ак, простачок доверчивый! Кому поверил, перед кем душу собирался раскрыть, кого другом чуть не назвал! Дядя...

— Ну, ты не очень-то,— пытается утихомирить страсти Кувякина Евгений.— Не расходись. Сам первый поддержал дядю Луку с шалашом.

— Да еще,— добавляет Саша,— звезду из соломы стал для шпиля мастерить. Хорошо, наш шеф тебе запретил, а то б еще подумали, что мы...

— Вот со звездой бы мы как раз и выиграли!

— Нет, Коль, не надо. Все было правильно. По делу,— говорит Федор.— Выше головы не прыгнешь. А что хорошо, то хорошо. Справедливо. Смотри, какой настоящий аппарат, фантастический, противник придумал. Залюбуешься. Я сам в детстве, когда меня ремнем отчими лупили, мечтал стать воздухоплателем.

— Спарведливо... Храшо... Мачтал...— передразнивает Коля.— Эх ты, плюха-матюха, я ж тебе не о том речь-то веду!— Он безнадежно машет рукой.— А ну вас всех к...

— Молчанье! Эй!— обрывает Кувякина сердитый рык Шуйцы.— Виктор Вильямыч говорит!

Коля делает улыбочный поворот, кланяется индийским гостем и замирает с прижатыми к груди руками.

Главный режиссер театра под Парусами ровным голосом объясняет капитанам условия заключительного конкурса — конкурса капитанов. Напоминает, что призом для победившей команды будет ящик вина.

— Радуетя сердце мое,— удобнее устраиваясь в кресле, кладет ногу на ногу Молекула,— что состязание наше венчает единоборство столь достойных и незаурядных мужей. Именно склонность обоих лидеров к неординарному восприятию мира, а также различие их мировоззренческих концепций и побудили мой ум придать философско-поисковую окраску предстоящей дуэли... Шуйца, переведи народу мое замудренное витийство и не забудь ему выдать дотацию за долготерпение.

Пока Шуйца и пара его помощников под радостные стоны зала разбрасывают кассетными очередями вино в массы, другая часть свиты по кивку гвоздики Виктора Вильямовича усаживает капитанов на перевернутые ящики друг против друга. Александра ставит в кресло к своему сюзерену обнаруженный в суфлерской будке тщательно протертый глобус величиной с детский мяч. Погладив ладонью Северный полюс, Молекула, амальгамово поблескивая глазами, смотрит на Авангардия, на Луку.

— Так откуда же мы все-таки с вами идем, друзья? Куда? В чем смысл жизни нашей? Впрочем, нет. И первых двух вопросов достаточно.

Крутанув глобус, Виктор Вильямович воспаряет взглядом над задумавшимися Авангардием и Волохонским.

— Да чего тут думать?!— раздается из возбужденной толпы выкрик.— Из «гадюшника» идем, через Паруса и на Камень! Чего там непонятного, да, Вась? Оставь еще каплю из недостаточной...

Выкрик поддерживается ржанием, мелким квакань-

ем и веселым спуском воды. Молекула недовольно кривит бровь. Шуйца бросает охране:

— Поговорить налегке с этим дуремаром.

Четверка десантников прыгает с эстрады, хватая нарушителя действия и, произведя пару ударов в солнечное сплетение, уносит сложившееся тело прочь. Белым лебедем под притихшими Парусами гладко плывет голос из кресла-ракушки:

— Все мы, дети мои, в одной лодке нашего общего причастия к этому маленькому празднику души, и я не называю вас ни участниками, ни зрителями, но друзьями своими и братьями. Шутите, острите, высказывайтесь на здоровье, отдыхайте по уму и по совести. Знайте: я с вами весь и весь я вас люблю. Ну, а теперь, внимание к нашим ведущим мастерам сцены. Кто первый?

Волохонский поднимает руку.

— Я! Вы мне позволите начать?

— Лишь этого хочу,— останавливает замедлившееся вращение глобуса Молекула.— Но только кратко и по существу.

— Понял и говойю,— в тон ему произносит лейтенант, взглядывая на парусиново-веревочную конструкцию соперника.— Я считаю: человечество есть беспокойный пьедукт высшего йязума, стьемающийся в своем спияльном язвитии пьетянуть йюку бьятьям во вселенную. Все.

— Угу. Понятно.— Молекула кивает и смотрит на Авангардия. Тот, запустив руку в черную бороду, делится своими соображениями:

— Здесь на первый вопрос уже был дан ответ из народа, и я с ним согласен. А на второй отвечу так,— смотрит себе под ноги Авангардий.— Дело выбора каждого — куда, но дело выбора каждого «куда»— кто.

— О как!— одобрительно морщит подбородок Виктор Вильямович.— Это ответ! Замечательно! Даже сам златоуст Аркаша, которого к моему глубокому сожалению

нию сегодня с нами нет, не придумал бы ничего лучшего. Ну и кто же вы?

— Я и мои ребята,— пожимает плечами чернобородый капитан,— обычные трущобники жизни, поелику тяготеющие к самовыражению. Живем себе как-то, чего-то ищем, чего-то находим и чего-то ждем. Такое вот «кто». Ну, а куда...— Он поднимает голову, смотрит на вновь зашевелившийся шар.— Пока еще не знаю... По крайней мере, не в Йоханнесбург и не к братьям нашим по разуму. Но выход все равно должен быть.

— Значит,— покручивает за макушку глобус Молекула,— уйти, забыться, умереть и видеть сны и не смириться? Забавный симбиоз... Вторая часть ответа невнятна. По ящику двум капитанам!

Кожаные руки приподнимают соревнующихся вместе с сиденьями и подставляют под обоих по дополнительному ящику. Ноги капитана-лейтенанта Луки зависают, не обретя точек опоры.

— Это входит в условия конкурса,— объясняет Молекула.— Коснувшийся головой потолка проигрывает. Как видите, все сбалансировано: победителю достанется приз, зато побежденный заметно вырастет в глазах окружающих.

— Не могу согласиться с таким моим местом,— сжимает ноги замком Волохонский.— Я высказал точку зрения, котоюю подтвейдят многие ученые светила, а вот у моего пьетивника не оказалось пьи себе ни веских, ни надежных айгументов — один неопьявданный пессимизм. Так что я не понимаю, по каким кьтейи-ям мне пьисудили ящик, и заявляю пьятест...

Дядя Лука останавливает речь, так как под него закладывается еще один, третий этаж.

— Дизайн! Помоги Сонету узлы на корзине закрепить! Горелку больно не распускайте!— пользуясь паузой, дает указания своим товарищам Авангардий. Бароккоподтянутый Дизайн в штопаной безрукавке отставляет ведро с краской и подключается к увлеченно вяжущему узлы владельцу цепочки.

Молекула скашивает иронические глаза на дорожающийся в конвульсиях летательный аппарат.

— А знаете, капитан,— бодро говорит он Авангардию,— если бы в самом деле ваше жестяное чудо-бриг способно было б поднять ваш экипаж хотя бы на метр от сцены, то я, пожалуй, и поверил бы в возможность существования вашего гипотетического выхода.— Он доверительно смотрит в глаза невозмутимо слушающему его собеседнику и доканчивает:— Откроюсь — скучновато порой.

— Скоее эта колонна сама собой полетит в космос,— запальчиво замечает, указывая на винный штабель, не находящий места ногам Волохонский,— чем их так называемый шай от земли отойдется. Пьесто ума не пьиложу, чем наше союжение хуже.

— Оно не хуже,— отзывается на слова Волохонского Авангардий.— Зачем же вот так. Что душа подсказала, то и получилось.

— Да, пьедставьте себе, получилось!— Волохонский скрещивает руки на животе.— И не какой-нибудь там абстъяктный кубизм в фойме сайдельки для пьепитания возвышенных позывов! А скажите-ка нам, молодой человек с землистым цветом кожи и йвущейся в невесомость душой, почему вы, в таком язе, оказались не в планетании, у Млечного пути, а здесь, на этой сцене, возле ящиков с восемнадцатигьядусным напитком? И не этот ли самый напиток является гоючим ваших идей? Попьебуй, не попей недельку — и сдуешь свой воздушный шайик.

Динамик, свинка и молодцы-перчатки весело хохочут. Коля и курсанты довольно улыбаются. Молекула обмахивает цветком уголки губ. Народ ждет.

— Авангард!— летит увлеченный голос от шара.— Крепеж сделан! Подводка готова! Сейчас балласт подберем! Как думаешь, противовесные блины со столбов сгодятся?

— Сгодятся,— отвечает Авангардий.— И верхние поменьше берите... Да, Лука, ты прав. Лжеполеты на

этом сладком топливе бывали, и не раз. Но сейчас не оно управляет нашими действиями.

— Интеесно, что же?— покачивается на ящиках Волохонский.— Яньше, значит, пили и хотели взлететь, а тепей, может быть, что-нибудь не то съели?

— Капитан Лука,— грозит пальцем Молекула,— должен заметить, что негоже вам покривывать душою. Ваше участие в соревновании также напрямую связано с тем же стимулирующим вас и вашу команду горючесмазочным материалом. Так что, господа, будьте взаимно вежливы. Хотите вы того, или нет, но,— он скачками сводит зрачки к носу,— в нашем Подпарусном свинстве вы все равны.

Поддирижирующая сам себе гвоздикой, суклившись и наклонившись вперед и вбок, Виктор Вильямович быстро напевает, подхрюкивая:

— Ты свинья, и я свинья — все мы братья-швайнер... А в самом деле, брат Авангардий,— переходит он на протяжную прозу,— ответьте нам, что привело вас, такую неординарную, утонченную и глубокую натуру, сюда, в этот отстойник человеческих судеб? Ну, расскажите... Ведь зло, как говорят, людей переживает, добро же погребает вместе с ними.

Подмигнув Авангардию увеличившимся на миг ухом и дав глобусу ломаной рукой поджаристого шлепка, Молекула ставит взволнованный шар на оплетенный поручень кресла.

Выпрямившийся на пластмассовом сиденье Авангардий поднимает незнакомый себе взгляд на текучее за мансардными окнами-дырами Парусов вечеряющее небо.

— Вам-то уж, надеюсь, это объяснять не надо,— говорит он.— И так блевать хочется.

Молекула сочувственно шевелится в ракушке.

— Что ж, мой болезный друг... Жизнь, если ей тесны оковы мира, всегда себя освободить сумеет,— Виктор Вильямович выстреливает руку хамелеоновым языком, дергает Александру за хвост и, выслушав

писк, заключает:— Рецепт: поклончик и два пальца в рот.

— Нет, Молекула,— отрывает взгляд от появившихся в «окнах» звездных искорок Авангардий.— Благодаря тебе за совет, но я не хочу больше пользоваться этими земными радостями. Что-то меня всего и очень сильно тянет и от земного, и от повязанного с ним небесного, и от оглядки на себя. Иной путь. Иная плоскость.

Лицо магистра сценического искусства озаряется немым восхищением. Он делает движенье встать с кресла, но почему-то еще глубже погружается в него.

— О, Дядя ты мой! Что же Ты с нами делаешь!— горестно восклицает Виктор Вильямович, схватившись за голову.— Единственный достойный се-человек во всем этом свинарнике, и тот хочет покинуть нас! Покинуть, оставив детей Твоих с разбитыми сердцами и пустыми душами... Доколе,— он гневно устремляет свой взор на темные подпарусные прорехи,— доколе Ты будешь испытывать чашу нашего терпения и веру в Тебя! Доколе будешь не слышать и игнорировать вопли и стоны лучших дочерей и сыновей Твоих,— взмахом ладони Молекула останавливает намеренья динамика и свинки утешить его,— пытающихся разорвать цепи социально-общественного неравенства и путы морально-нравственной неудовлетворенности своего гнилого человеческого бытия! Скажи нам, если Ты есть! Ну!! Скажи же?!

Как бы к чему-то прислушиваясь, Молекула прикладывает ладонь к уху, хмурится, мелкодрожно потрясывая головой, и, так и не получив свыше ответа, разводит в разочарованности руками:

— Не слышит нас с тобой Дядя, Авангардий. Не слышит. А по идеи — должен бы... Как ты думаешь, в чем там все-таки дело? Что с Ним?...— с тревогой вопрошает он бесстрастнобородого капитана.— Спит? Читает газету? К бабе пошел? А может?..

На миг Виктор Вильямович прикипает к поручням

ракушки-кресла, хватается ртом о кулак и в беспомощном нокдауне взирает на Авангардия.

— Нет,— чуть усмехнувшись, отвечает ему капитан трущобников.— Не может. Некому.

— Чего нет? Как некому? Что вы хотите сказать?— вращая загнанными в бильярдную лузу шарами глаз, по-цыплячьи вытягивает шею Молекула.— Нет... Дя-ди?..

Авангардий не отвечает. Вынув из нагрудного кармана своей куртки-спецовки замшелометаллические навигаторские часы-компас с вытертым до блеска ремешком, он пальцами прочищает стекло циферблата, наблюдая за колебаниями его больших белофосфорных стрелок.

Словно отпущенная жевательная резинка, шея Виктора Вильямовича с удовлетворенным чмоканьем возвращается на свое место. По лицу его змеится тонкая улыбка.

— Ну, а как же нам прикажите тогда понимать, уважаемый капитаний, ваше чудесное утверждение о том, что Его нет, когда мы прямо сейчас именно к Нему и обращались в порыве наших душевных помыслов и побуждений? Так где ж тогда здесь логика? Где мысль? Неувязочка, мой друг, получается... А, ну да...— усмехается он, постукивая гвоздикой по поверхности глобуса, — совсем позабыл, у вас ведь иной путь, иная плоскость. Нет?..

— Да,— говорит Авангардий, убирая пространствовременной прибор обратно в карман.— Иная. Не принимающая представление о высших силах, как о Дяде, создавшем мир и человека по образу своему и подобию.— Он носком своего стоптанного ботинка поддевает валяющуюся рядом срезанную пробку из-под портвейна.— Слишком уж «хороши» Его дети, в полной мере довольствующиеся в решении всех своих жизненных проблем обращением по сто раз на дню к веселому дядьку и своему Дяде, чтобы к тому же еще и смириться с мыслью — каков же, в таком случае, и сам Творец?

Легкий недоумевающий шумок прокатывается по залу и гаснет на выходе из-под Парусов. На сцене выжидательная тишина. Волохонский презрительно кривит губы. Шуйца, ухмыляясь, чешет задрапированную грудь-тарелку. Александра в притворном смущении тербит косу-хвост.

— О-о-о, молодой человек, эвона куда вас повело,— покачиваясь, крестным знаменем осеняет себя цветком Молекула.— А не разные ли у вас с Дядей весовые категории?.. Советую быть поосторожнее... Ну прикиньте сами, к носу, да посерьезнее: ну что может быть общего между простейшим физиологическим инструментарием человеческой плоти и Главным небесным держателем вселенского контрольного пакета акций духовной недвижимости и жизни вечной? У?..

— Прикиньте и вы,— отвечает ему Авангардий, окидывая взглядом Паруса,— хоть я и не уверен, что это доставит вашему обаянию удовольствие. — Он встает с места и, выставив вперед бороду, обращается к залу.— Послушайте мысль, ребята. Знаете ли вы, что в начале жизни нашей был дядек? И дядек был у Дяди. И дядек был Дядя.

Молчание... и невиданным еще до селе зарядом вселенского хохота взрываются Паруса. Толпа беснуется, визжит, топчет ногами, ходит ходуном. Некоторые из посетителей, схватившись в пароксизмах смеха за животы и упав, катаются бесформенными кулями в судорогах и пене по полу. По находящимся на сцене ударяет горячая волна свежей мочи игустыхвинно-водочных испарений. Отгоняя от себя гвоздикой миазмы взбаламученного зала, Виктор Вильямович утирает со щек слезы и поднятием свободной руки призывает народ к спокойствию.

— Нет слов. Просто, нет слов, друг Горацио...— отдышавшись от смеха, говорит он вновь усевшемуся на свои ящики Авангардию.— Я восхищен и смят вашим блистательным антидядиным спичем. Какая сила! Какая убежденность! Аж дух захватывает,— стараясь ды-

шать ртом, постукивает себя по груди Виктор Вильямович.— Вот теперь нам понятно стремление вашей неуспокоенной, мятущейся личности преодолеть наше земное притяжение. И все же, положа руку на сердце,— краном-жирафом вытянувшись над своим магнитопритягивающим собеседником, почти шепотом вопрошает Молекула,— признаемся, Авангардий, ведь главная причина твоего несбыточного желания не в Дяде, и не в детях Его задядяченных, а в твоей, чего уж там говорить, неудавшейся жизни?

Старшим братом улыбаясь сверху вниз собеседнику, Молекула приподнимает сванку и делает кивок соборезнования.

— Неудавшейся что?..— отвечает, глядя в глаза Молекуле-крану, капитан.— Может, еще тогда спросим — зачем? Зачем существует несуществующее добро, зачем существует активно существующее зло? Вообще — зачем?.. Не стоит закидывать наживку с тухлятинкой, Виктор Вильямович.

Резко выдернув из своей бороды серебряную волосинку, он сдувает ее в примолкнувший зал.

— Bravo, Авангардий! Замечательно! Прямо Евангелие от Индокачки!— хлопает в ладоши, отводя жирафье тело, Молекула.— Ну, и кому ты этим открываешь Америку? И зачем? Да мы и без тебя знаем, Мун ты наш доморощенный, эту чугунокондовую истину и иллюзиями на сей счет себя не тешим. Какое зло? Какое добро?— указывая гвоздикой на венценосную колонну, а глобусом на народ, вопрошает жираф-Молекула.— Ясно дело — одно скотство. Тоже мне, второй Сын Дядин выискался!.. Ну и что толку от твоего индокачанья? Какой ты видишь выход? Конкретно?

Раскачиваясь длинновытянутым язычком метронома, саркастически взирает на своего бородатого оппонента Виктор Вильямович.

— Конкретно,— тронув свой нагрудный карман, говорит капитан авангардников,— могу поделиться только собственной формулой поиска выхода.— Поглядывая

на поднявшийся еще на метр шар, он вновь вынимает часы-компас.— Если человек о чем-то подумал, значит, это можно осуществить...

Взгляд Авангардия падает на розу ветров циферблата компаса с засветившимися вдруг на его поле серебристо-голубоватыми стрелками.

— Ах!.. Ну вот теперь — цельная картинка,— прекрутанувшись в нормальный облик, откидывается в кресле Молекула.— Вас можно поздравить. Куда там всем прошлым да и современным мастерам пост-зюйд-дзенреализма, а тем более нам, ничтоже в мире сомнящимся, до ваших беспредельно нечеловеческих восприятий!..— Он поворачивает лицо к залу.— Радуйся, народ-любодушец! Не часто тебе в наше время случается послушать и посмотреть такого выдающегося искателя по части ходов и выходов, реформатора идеи, банкрота-ниспровергателя законов жизни Дядиных и человеческих!

— И мастака бьедовых воздушных афей на свою задницу!— оживает, делая на ящиках «уголок», дядя Лука.

— Отобрать у них одно очко в нашу пользу!— посылает из-за Шуйцы Коля.

Резко, всем телом дернувшийся Авангардий вскакивает с разлетающихся ящиков, быстро надевая на руку часы-компас.

— Вот оно! То самое!

Выхватив из рук забрежневевшего от неожиданности Молекулы глобус, он в упор смотрит на облезлый болезненный бок предмета.

— Спасибо за мысль!— бросает капитан авангардистов неизвестно кому и, потрясая глобусом, звонко кричит своим товарищам:— Как там у вас, ребята? Все готово? Заполняй на полную катушку!

С силой пущенная модель мира бурным спутником пролетает над задранными головами подпарусной брации и хлопается о дальний заборчик.

Сомкнувшись у жестяной корзины бородачи-аван-

гардники направляют рвущуюся из прикрученной к баллону горелки острую гудящую струю желто-синего пламени в эллипсовидно-сморщенную горловину своего летательного произведения.

— А-я-яй, капитан, а-я-яй,— укоризненно говорит Молекула схваченному перчатками Авангардию.— Эк вас, батенька, разобрало, испугаешься. Прямо-таки Тит Андроник с лавиньевыми пирожками. Сиденье казенное разнесли, в людей увесистыми приборами кидаетесь... Вот, наших заслуженных работников Парусов — деда Кондратия и старуху Лукерью — чуть не угробили. Явный перебор выходит, не так ли? Да, этот раунд вы проиграли. Что же мы с вами будем делать дальше? Надо как-то исправлять положение.

— Надо,— спокойно соглашается Авангардий.— И начнем с вашего театра — театра Молекулы под Парусами. Не надоело вам еще в себе и в других урода выпесты-вывывать?

На сцену наваливается тишина. Шуйца и Александра оторопело глядят на Авангардия, друг на друга, на Молекулу и даже на Колю. Чуть поскрипывают ящики под вытянувшим по-черепашьи шею Волохонским.

— Тихо,— тихо говорит хозяин эстрады.— Отпустите его. Пусть подойдет поближе.

Перчатки отпускают крамольного капитана, и тот возвращается к разбросанным ящикам.

— Так какой это там Театр уродства ты имеешь в виду?— компрачикосно улыбаясь, подставляет под подбородок руку Виктор Вильямович.— Расшифруй нам, пожалуйста.

— Ну что ж, попробуем...— поправив сместившиеся на бок часы, плотнее затягивает ремешок Авангардий.— Твои балаганные представления, Молекула, всего лишь безнадежная попытка создать видимость пребывания своей личности над окружающим тебя человеческим материалом, получить от этого максимум удовольствия и придать, таким образом, хоть какой-то

смысл собственному существованию на фоне всеобщей бессмыслицы — жизни. Ну, а на деле, Виктор Вильямович, вы не только органическая часть этого же материала, но и сами являетесь эпицентром этой импровизированной вами же клоаки. Вот и все, вроде бы...

Авангардий наблюдает, как его товарищи заканчивают вязать узлы на шпангоутах корзины.

— Значит, говоришь, клоака — жизнь, и люди в ней уроды? — скрипит голос Виктора Вильямовича. — А я, конечно, сволочь и злодей? А может и того еще похуже... — Он огорченно качает головой, роняя гвоздику на пол. — О справедливость! Ты в груди звериной!! Лишился наш приятель разума!!.. А, впрочем... может, я неправ?.. Неправ... Пускай тогда народ меня с тобой рассудит!

Молекула в искренне-поддельном волнении протягивает колышущемуся в беззвучной тревоге залу фальшиво-виноватые руки.

— Скажите мне, возлюбленные чада, всю правду выскажите откровенно — обидел вас хоть раз Молекула? Принизил? Втоптал ли в грязь? Достоинство скомкал, как утверждает добрый Авангардий? И если это так, хоть на крупицу правда — то я тотчас уйду от вас вот с этой сцены... — безжизненно роняет руки Виктор Вильямович. — А если нет, — вздрогнув двумя воскресшими Лазарями, руки Молекулы вновь приподнимаются кверху, — то мир стоит, а значит — добро и вера не погаснут в человеках. Скажите мне как есть, чтоб истина жила!!..

Двенадцатым, чудовищноблужинговым валом накачивается на эстраду неземной рев людского прибоя.

— Не-ет!!! Нет!!! Нет.

Народ по всему фронту начинает штурмовать сцену. Перчатки ногами отражают штурм.

— Убить собаку!! Не оставляй нас, не бросай!! Радетель наш!! Спаситель!! Отец родной!! Не уходи!! Не покидай!!! Все борода воду мутит!! Несынедядец!! Дядеху-у-у-у-льцы!! Спалить их детище!! Убить соба-

ку!!— ревут атакующие. Прорвавшийся рыжий гидрант в армейской, с засученными рукавами рубашке, злой струей бьет по невозмутимо наблюдающему событию объекту всеобщей ненависти, но, сильно промахнувшись, чуть не выбивает составную этажерку из-под дяди Луки. Профессиональным ударом штепселя в кран-подбородок динамик Шуйца удаляет с помоста боевика-водомотчика, который попутно захватывает с собой взгромоздившихся на эстраднокрепостную стену двух клокочущепенных унитазов в спецовках и питона в сетчатой майке. У суфлерской будки вздыбившая шерсть Александра лупит по глазам папахой сутулого тругольнодюралевого трубкозуба.

Оставляя без внимания наступательный порыв растихившейся массы, глубоким сокровенным голосом, слышным только капитанам, Молекула говорит Авангардию:

— Нет, ты так ничего и не понял, Авангардий... А я думал, что мы с тобою родственне души, что именно ты-то меня и поймешь. Неисправимый я Назаретянин! В какой уж раз на вере людской обжигаюсь... Ахм...— грустно глядя куда-то поверх головы своего бородатого слушателя, смахивает сухую слезинку Виктор Вильямович:— Ладно, слушай тогда.— Освободив от шелка тонкую бледную шею и кусок волосатой груди с желтым зубом ископаемого, он продолжает:— Театр Молекулы, проникновенный наш мечтатель, для его создателя совсем не шутовской гороховый балаган фиглярнических выкрутасов, ерничества, паясничанья над человеком и его слабостями. Нет. Театр Молекулы — это моя реальная возможность спасти от гибели и выявить, повинувшись совести души, опускающиеся и разлагающиеся на стенках жизни драгоценные капли человеческой личности, ее талантов и без всяких там, уверяю тебя, извращенческих побуждений поднять свою собственную персону над человеческим, как ты выразился, материалом. Вот и вся суть. Неужели это надо было разжевывать?..

Авангардий молчит. Не прекращая активных попыток прорыва на сцену, толпа лавой и пеплом извергает в адрес чернобородого антихриста необратимые обличения и нещадные угрозы.

— Ты думаешь, я не мечтал о подобном?— продолжает свое откровение Виктор Вильямович, показывая черносморудиновыми глазами на укладывающих в бухту канат-якорь соподвижников Авангардия.— Еще как мечтал. И мечтаю.— Он вновь обращает свой взгляд на штурмующих.— Погляди, ведь это тоже люди... И у них свои замыслы и стремления. И у них есть свой шанс. Ведь все эти шоу, игры, конкурсы и забавы — все это не что иное, как поиск высокой души и духа среди глины сырой, непосоленной, выход моей заветной веры в человека и его возможность вершить Чудо.

Пущенная кем-то из зала бритвеннокрылая консервная банка из-под частичка, брызжа золотистыми масляными искрами, проносится «сухим листом» рядом со щекой Авангардия и, срезав по пути несколько волосинок с хохолка закиноварившегося на своем сиденье дяди Луки, вонзается в шалаш.

Молекула прячет шею под платком, стряхивает с поручня кресла наглуую растительную каплю.

— Пора утихомирить это стадо. Меня их простолюбые начинает донимать.

Он поднимает руку к залу.

— Друзья! Сograждане! Внемлите мне, вне...

— Уаауаааауааах-ахх!!

Единый многосотенный вздох замершей вдруг толпы плотной воздушной подушкой забивает дыхание Виктора Вильямовича. Охолоднуввшись затылком, он секундомерно, по-совиному, поворачивает голову лицом за спину, и дальше...

Над сценой, удерживаемый четырьмя белосахарными напрягшимися канатами, оплетенный ажурной коралловой сетью, упруго трепеща и звеня в нетерпении, волшебным сияет и переливается цветом индиго,

отгоняя кисею сумерек, огромный летательный аппарат. Приняв в себя четырех товарищей Авангардия, одетая в байковый зеленый чехол корзина с проделанной в ней и открытой дверкой и с канатной двухступенчатой лесенкой плавно покачивается в метре над полом.

Архитектор Федор, прижав руки к груди и не отрывая взгляда от колосистосиней воздушной плоти, оставляет замороженных курсантов и Колю и, новоявленным архатом, подойдя к корзине, гладит канаты, дотрагивается до дверцы, шепчет сам себе беззвучную молитву.

— Капитан!— зовет Авангардия крепкожилый, с коричневой бородой авангардник с по-пиратски повязанным пионерским галстуком на голове, держа один из канатов.— «Абитуриент» к полету готов!

— Ой, Виктор!— звучит восторженный писк-колокольчик Александры.— Какую прелесть пошили эти мальчишки! Вот на какой воздушной лодочке я бы с удовольствием покаталась!..

— Заткнись, дура!!— рывкает на нее неожиданно бешено Молекула. Выскочив из кресла-ракушки, он жадно впитывает в себя общую панораму поднявшего своей узорчатой головой брезентовые своды Парусов шара и, вцепившись в запястье Авангардия, улыбается ему схваченной за хвост птицей какаду.

— Еще один звоно-о-о-ок,— и смолкнет шум вокзала-а-а-а,— завывает он, подергиваясь и подплясывая,— и поезд полети-и-ит в си-и-иреневую даль...— оборвав свои завывания, говорит:— Ты полагаешь, что обманул и себя и других, Авангардий? Нашел, наконец, ход, как сбросить с себя все земное, стать чистеньким и провозгласить нам всем Новую Истину? Ха-ха-ха-ха!.. Перестань, дурашка, это уже не смешно. Спектакль закончился. Занавес опущен. Отсюда нет выхода!.. Ка-а-андуктор, не спеши-и-и...— вновь затягивает Виктор Вильямович и, выбив короткую звонкую чечетку, хлопает по Авангардиеву плечу.— Опомнись, старина!

Авангардий медленно смотрит на бледное, покрывшееся испариной лицо Молекулы.

— Я это и пытаюсь сделать, Молекула,— кивает он,— и думаю, что и у других тоже есть такая же возможность.— Сделав своей команде знак небольшой задержки, капитан авангардного судна обращается к народу.— Всем нам на этой Земле, ребята, уже невыносимо тесно стало друг от друга и от творимого нами. Не надо быть пророком, чтоб понимать и видеть, что совсем скоро, вот-вот, наш до предела переполненный человеческим ядом голубой шар с треском разлетится во все стороны. И никакой НТП, никакая колонизация других планет, никогда не избавит и не спасет нас от главной молекулы доброды — самого себя.— Падают косматыми кометами в заполненный вакуумной тишиной зал слова Авангардия.— Этот полет — здоровая, нешизоидная попытка попробовать избавиться, наконец, от рамкизирующих нашу волю и ум законов земной материи, попытка освободить, насколько это возможно, свой личный макрокосмос от нашей земной человеческой субстанции. И даже если для всех в этом зале наш полет — полный абсурд и бред сивой кобылы, мы можем сказать вам на это только одно: если человек о чем-то подумал, значит — это можно осуществить.

Закончив прощальную речь, капитан Авангардий поворачивается лицом к Молекуле и освобождает свое запястье.

— Лука!— бросает сквозь зубы Молекула гонящему взгляд от курсантов к шару Волохонскому.— Скажите и вы этому Икару помешанному, что он неправ! Что он совершает непоправимую, трагическую ошибку!.. Ведь я реально, без дураков, могу направить его куда ему только заблагорассудится! Куда ему и не снилось!.. Любая синекюра — его! Любая верхотура — не проблема! Вплоть до назначения главой Объединенной Европы! Объясните вы ему это!.. И то, наконец, что я его все-таки люблю, дурадея безмозглого!

Лейтенант ощупывает расческу, строго движет губами.

— Да, Виктор Вильямович! Вы пьявы! Это уже не игья, а самая обыкновенная хулиганская выходка со всеми вытекающими из нее последствиями,— по-прокураторски поднимает он подбородок.— Наш зашалившийся дьюг-пьяитель совейшенно не понимает, что за такой его избобязительный пьемysel спьесится с живых людей.

Светло улыбнувшись, Авангардий смотрит на искрящуюся в лепесткогранном разноцветье розу ветров.

— Пора.

Уверенно, размашисто и легко капитан идет к своему кораблю.

— Свихнувшийся бездарь-неудачник! Крыса катакомбная! Созидатель-недоносок!— сорвавшимся на дискант голосом кричит Виктор Вильямович.— Давай-давай, сматывайся со своими блаженными ублюдками отсюдова! Бескопейники! Дерьмо на палочке! Все ваше протухшее творчество, все ваши говенные фантазии сегодня и даром никому не нужны! Не умеете жить как надо, так и не суйтесь! Дармоеды помойные! Быдло! Опарыши!

Под аккомпанемент молекуловской канонады, под поскрипывание кожи ждущих команды перчаток и под неопределенный ропот толпы Авангардий подходит к корзине и одним прыжком присоединяется к своим товарищам.

— Руби канаты!— говорит он.

— Держи придурков!— орет своим приспешникам стремительно вскочивший на кресло перекошенногневный Молекула.— Хватай их за бороды! Не давай им тронуться!.. Убью, с-с-собаки, если упустите!

Лопаются разрубаемые тросы. Взвихривается сцена.

Не дожидаясь своей минуты, самостоятельно рвется нетерпеливый последний канат. Бросившиеся к корзине перчатки хватаются за борта, пытаются остановить поднимающийся корабль, и падают тяжелыми литыми гру-

шами на крякающие доски эстрады. Пробкоподпрыгнувший со своего пластмассового постамента лейтенант Волохонский усиленно, в открытую, подает сигналы не отрывающим своих взоров от шара курсантам. Тихо, под шумок, короткими перебежками устремляется к винной колонне Коля.

Корзину ведет в сторону, и она, задев своим углом протестующе скрипящий шалаш, разносит в прах лукианское капище. С гуканьем прорезая воздух, падает чугунное древко и под пронзительное верещание кинувшейся в открытую пасть сетчатого питона морской свинки приземляет свой ромбовидный наконечник на возвысившегося над толпою Виктора Вильямовича Голицина-Молекулы.

Вышедший из транса Федор, издав гортанный звук, забыв о своих товарищах, бежит, не разбирая дороги, вслед уплывающей корзине. Крылатоногим Персеем запрыгнув на спортивную спину гимнастическим козлом склонившегося над падшей молекулой Шуйцы и, получив дополнительное ускорение, он в последний миг ухватывается забинтованными пальцами за нижнюю ступеньку веревочной лесенки. Рассекая воздух ногами и подтягиваясь по лесенке к протянутой ему руке с браслетом, Архитектор мыском ботинка задевает винный штабель.

Колонна-идол, молчаливо накренившись, замирает, принимая пизанскую позу, и, рухнув на глазах у потрясенного общества квадратным Александрийским столпом, взрывается, разбрасывая вокруг себя тысячу розовых искрящихся петергофских фонтанчиков.

Летающей рыбкой, растопыривая отсутствующие жабры, Коля шлепается животом на грязную сцену, прижимая к себе единственный недоперевернувшийся ящик.

— Федой! Федой,— кричит вслед улетающему взъерошенный, забрызганный с головы до ног портвейном дядя Лука.— Запомни фязку мою! Ту самую! Для того, чтоб давать, Федой, нужно бьять!

Сухой треск — и через разорванные своды Парусов сияющий яркотелый «Абитуриент» легко уносится прочь.

Генерал смеется. Роняет стакан.

— Гно, говоришь? Все футболисты — гно?.. Теперь мне ясно, куда они подевались! А мы-то со Степанчуком головы себе ломали! Ха-ха-ха-ха-а! Говори в таком случае: все спортсмены — гно.

— Все спортсмены — ГНО,— Эныч падает с кресла.— Давай, Сергеич, еще по стакану...

— И я на пол сяду!— кричит генерал.— Это ты здорово придумал! Ближе к земле-матушке!.. Давай из горла! Не посраим, Эныч, земли русской!

Эныч берет с пола бутылку, отбивает горлышко и вливает в рот ее содержимое. Генерал пытается повторить номер. Обрезает губы, язык, подбородок. Отбрасывает бутылку. Ругается. Кровь капает на мундир.

— Ну,— свирепеет генерал.— Ну, сволочи... За это... За это... Всех подряд! Где мои списки?

Плухов вытаскивает из-под себя помятые листы. Сует их Энычу.

— Читай вслух все, что здесь написано.

Эныч подносит листы к самому носу. Медленно, по слогам, читает:

— Аб-ба-ты, аб-ба-тис-сы, а-ка-де-ми-ки, ас-се-ни-за-то-ры, ак-ти-вис-ты, ад-ми-ра-лы — это...

Эныч на секунду задерживается, потом громко выпаливает ругательство, следующее в списке за словом «это».

— Правильно,— генерал размазывает кровь по лицу и мундиру.— Дальше.

— Ав-стра-лий-цы, анг-ли-ча-не, а-ле-у-ты, а-ды-гей-цы, а-ра-бы...

Плухов пробует связаться по радиации с Волохонским.

— Третий,— рычит он.— Третий! Ты где? Выходи

на связь!— генерал в бешенстве стучит передатчиком об пол.— Третий! Где ты, паразит,— три звездочки!

Рация оживает. Звучит пьяный голос Волохонского:

— Мы здесь, Петй Сейгеевич. Ждем дальнейших пьказаний.

— Где здесь, болван?

— В гойоде.

— Где в городе, идиот? В каком месте?.. Эныч, читай! Ты что остановился?

— На центьяльном пьспекте. — У Волохонского заплетається язык.— Недалеко от обкома.

— Что нового? Ничего не замечаешь?

— Изъедка встѣчаютя кое-какие стьянности. Вот, напьемей, сейчас из здания обкома выходят и напьявляются к чейной «Волге» два каких-то подозьительных чудовища с пойтфелями из кьекодиловой кожи. Постовой дежуйный милиционерей как-то им непьявильно честь отдает: клювом об асфальт щелкает. Похоже, что находится в нетьезвом состоянии.

— Ладно, лейтенант. Молодец. Продолжай наблюдение. Через два часа прибудешь на дачу.

Плухов откидывает рацию в сторону и тянется за очередной бутылкой, валяющейся на полу. Падает лицом вниз.

— Бап-тис-ты, ба-и, ба-ро-ны, бас-ма-чи...— читает Эныч. Плухов поворачивает голову:

— Эныч, погодь-ка. На «А» Дядю забыли и ангелов. Хоть их и нет, но не мешает подстраховаться. Как говорится, береженого и Дядя бережет...

Генерал ползет к Энычу. По пути опрокидывает кресло и столик. Добравшись до Эныча, приваливается к его боку.

— Сидор! Си-и-идор!— кричит генерал.— Си-и-идор!

В комнату вкатывается Сидор. Всплескивает всеми лапами сразу.

— Батюшки светы, Петр Сергеич! Да что ж это с вами такое поделалось?— Сидор торопится вытереть

фартуком лицо генерала.— Ох ты, Дядя. Сейчас йодика принесу, зеленочки, перекись водорода, бинтиков, ватки. Потерпите еще минутку.

— Никаких йодиков! Никаких ваток! Садись, пей с нами. Рассказывай: нравится тебе твоя новая жизнь?

Сидор плюхается на пол рядом с Плуховым.

— Ой, Петр Сергеич! Разве можно об этом словами сказать! Жуть, как нравится. Лет на двадцать помолодел, а то и больше. И чувствую, что с каждым днем становлюсь все моложе. А удобно-то как! И рук много, и ног. Все делать успеваю! Даже не знаю, как вас благодарить, отец родной!

— Не надо благодарить. — Генерал милостиво кивает.— Живи. Радуйся. Пользуйся моей добротой.

Плухов открывает бутылку коньяка, ищет стакан и не находит.

— Пей так,— говорит он Сидору.— Больше войдет.

Сидор присасывается к бутылке. Отпив половину, возвращает коньяк Плухову.

— Эх, завидую я тебе, Сидор,— говорит генерал. Делает несколько глотков.— Ни забот у тебя, ни хлопот. Ни детей у тебя, ни жены. А моя стерва-а... Как вспомнишь — жить не хочется. Все жилы из меня повытягивала. Я с ней и так, и эдак — ни в какую. И по-хорошему я с ней, и по-плохому — ничего не помогает. Полжизни съела... К тому же, Сидор, голову даю на отсечение, она мне уже давно о рога наставляет... Дочка тоже хороша. Ну, дочка ладно. Черт с ней, с дочкой. Она отдельно живет. А жена-а... — С лица генерала падает на мохнатую грудь Сидора горючая слеза.— Поедом ест. Шагу по квартире ступить не дает.

— Вот ТВАРЬ БУЧА,— сочувствует генералу Эныч.

— Да-а-а,— продолжает генерал.— Она...

Плухов смолкает. До его сознания доходит смысл сказанных Энычем слов. Какое-то время он смотрит в потолок, затем хлопает ладонью по коленке.

— Эныч! Ты гений! Как же я сам до этого не доду-

мался?!— генерал целует Эныча в ухо.— Всех, всех к чертям собачьим! Читай дальше!..

— Где же наша машина?

Стоя на освещенной густыми фиолетовыми испарениями площади, вертит по сторонам головой Волохонский.

— Коля, ты не знаешь, где мы оставили нашу машину?— спрашивает он, выписывая плечами спираль в воздухе.

— Знаю,— слышен хмельной голос Кувякина.— Знаю, но не скажу.

Сбоку от лейтенанта появляется и плывет, весь в фиолетовой вате, с осиново-каучуковой ухмылкой на размытом лице Коля.

— Эге, дядя Лука, а пить-то тебе много нельзя. Со всем дурной стал. На-ка, хлебни еще граммулю.

— Нет, нет... хватит... пейестань,— отталкивает Волохонский протянутую ему Кувякиным бутылку.— Я ее видеть не могу больше! Бъй-и-и... Йебята! Где вы там пьепали? Сожкятите дистанцию, будьте на виду.

Из курящихся лохмотьев тумана вылезают непропорциональные куски тел курсантов.

— Последний раз спрашиваю, дядя Лука: будешь или нет?— грозит Коля, потряхивая бутылку.— А то мы ее сейчас на троих заглотим. Не на кого будет пенять.

— Пейте, только быстее,— машет невидимой рукой Волохонский.— Нам еще машину надо найти.

Кувякин, Александр и Евгений в три глотка ликвидируют портвейн. Коля напоследок кладет себе на язык еще несколько капель и отбрасывает бутылку к выжившемуся неподалеку мусорному ларьку-баку.

— Врешь! Врешь, ссук!— несется оттуда карданно-прерывистый треск.— Человек — это звучит гордо! Винтом забью!

Сдвинувшаяся с места четверка сомнамбулически проплывает мимо лежащего в вытекшей из-под бака жиже пьяного с двухметровыми усами и тремя судовыми лопастями-ластами тюленя в разорванном халате.

— Я тебе еще вставлю!— гудит одним работающим винтом тюлень.— Ты ко мне еще на коленях приползешь! Дядек у меня глотать будешь!.. Пять кусков моих тебе за железо мало, так ты с меня еще за услуги спрашиваешь?! Трахтаметра... Трах!

Миновав изрыгающее слова и грязь рассерженное млекожелезопитающее, группа Волохонского перемещается в сторону большого черного здания с болотисто-мерцающими по нему серпантинном тусклыми огоньками.

У широкого стеклянного сине-неонового входа с надписью «Гостиница Интурист», размахивая целлофановыми сумочками, скачет, порхает, бьется хоботиками о стекло прозрачнокрылая мошкара.

Волохонский посылает курсантов поискать свою машину на автостоянке, а сам, прислонившись к капоту стоящего неподалеку от угла гостиницы темного закрытого такси, снимает берет и обмахивает им лицо.

— Да, душно, дядя Лука,— расстегивая пиджак, соглашается Коля.— Мне тоже что-то душно стало... Наверное, ребята Молекулы в портвейшок нагадили... Но все-таки, согласись, какой я молодец, что целых четыре бутылки от верной смерти вытащил!.. А Вильямыча я хорошо знаю — ему бы только душу людям отравить. Он всю эту катавасию, вот кровь из носа, нарочно подстроил — Федьку на шаре за закуской послал, а вино, папа он римский, специально, чтоб никому не досталось, раскокал. А ты, дядя Лука, тоже хорош. Сидишь себе на ящиках — рот разинул...

— Я ноймально, по пьявилам действовал, и не я виноват, что такая кьюговейть под конец завейтелась.— Лейтенант, отклонившись чуть назад, пусто смотрит куда-то в небо.— Пьесто эти авангайдисты так ойганизовали свою бьедовую затейку, что все на

минуту и повеяли в их комедию и фэйс с отлетом, а на самом деле все это был обыкновенный нехитрый оптический тьюк с естественными визуальными галлюцинациями под воздействием въедного газа. Но ничего, как ты видел, у них не получилось, кьеме хулиганства и безобъязия, только и успели, что до пьезда милиции свои бойоды вместе с половиком-своим-самолетом унести.

— А я, дядя Лука, вот ей Дядя, честно скажу, поначалу подумал, что это ты ментов вызвал,— говорит Коля, постукивая ногой по колесу.— Уж слишком вовремя они прибыли — народ даже бутылочный бой разобрать не успел. Но потом, когда тебя самого вязать стали и дубинкою тебя охаживать, понял, что это кто-то из проигравших в прошлых турах накапал. О! Глянь-ка!.. Картина Гоголя — «Тройка».

Через раскрывшиеся стеклянные двери кидая шуточки и замечания еще сильнее заматавшейся у входа мошкаре, проследуют, посвечивая цветными переливающимися рисунками, два отечественных, в смокингах, с красными бутоньерками в петлицах, игровых автомата, держащих с двух сторон под руки высокую тощую, в темном вечернем платье, хихикающую клизму.

Вспыхивает фара, включается свет в салоне автомобиля, и, не подавая сигнала, оживший таксомотор, взбоднув лейтенанта, подруливает к спускающемуся по ступенькам импозантному трио.

— Ах ты, шпана колесная! Зеленый твой тухлый глаз!— мечет возмущившийся Коля в адрес ночного извозчика.— Сейчас ты у нас схлопочешь, хамлюга припарковая! Готовь права!

Закончив разнос, он ищет глазами лейтенанта и замечает рядом, возле автостояночной сторожевой будки, клочковатый шевелящийся клубок.

— Жив, дядя Лука?— заботливо осведомляется Коля, ухватывая наполовину высунувшиеся из кармана лейтенанта привлекательно посвечивающие очки.

— Сейчас, подожди меня здесь, я с ним быстро разберусь. Давай пистолет!

— Не связывайся, Коля,— слабо отпихивается Волохонский.— Нам сейчас главное — машину нашу найти. Домой пойма... На дачу... Ох, как же мне сегодня нехойошо...

Через низенькую проволочную оградку раздергнуто перепрыгивают на тротуар Александр и Евгений.

— Бесплезно, дядя Лука. Квадрат пуст,— говорят оба.

Натужливо морща лоб, Волохонский трет ухо беретом.

— Да на дядька нам дача, дядя Лука? Успеем!— пощелкивая по спрятанным очкам, говорит Коля.— Айда на Речной Вокзал — выпьем и искупаемся. Кайф!

— Коля, подумай,— тяжело вздыхает Волохонский, надевая берет,— ну что ты гойодишь... Нас ведь геней-ял с япойтом ждет. Пошли.

...Когда они свернули за угол, то всем четверым бросился в глаза странный неживой вид открывшегося перед ними проспекта.

Безлунное, беззвездное, габровое небо с малиново-кварцевыми прожилками давяще нависло над выложенными из рустикового квадра домами-мегалитами. Вдоль линейных спрессованных тротуаров протяжно выстроились бордюры бетонных цоколей-урн. А центр проспекта, вымощенный гравелитовым покрытием, заняли в неправильном шахматном порядке окостенелые разноростые разнотолстые грибы с канализационными люками-шляпками и с прилипшими к ним свинцовыми макаронотягучими канеморами. И все это, видимое, затопил собой свет-саван.

— Опять чего-то понастроили, сам черт не разберет! Коля застегивает пиджак.

— Брр! Холодноато что-то. Ты как, дядя Лука, дуба еще не дал?

Передернув плечами, он поворачивается к Волохон-

скому и... у него отваливается челюсть. Вмиг отрезвев, он переводит взгляд на курсантов и у него поднимаются волосы.

— Вспомнил!— вопит Коля и, крутнувшись, мчит бешеным галопом меж вылезших на свет божий колодез-сталагмитов.— Вспомнил, где машина!

По ослепительно белому безэховому проспекту, огибая леденящие душу грибоканализационные чудовищнорослые сморчки, молча несутся четырьмя белыми всадниками Апокалипсиса Коля, Александр, Евгений и старший лейтенант Волохонский.

Генерал просыпается. Лежит с закрытыми глазами. Слышит:

— Мой папа — ессе homo!— был очень надяденый человек. У него на двоях висела мезуза. Он часто говорил мне: Ицхак, сынок мой любимый, беги, беги из СССР...

Генерал поводит бровью, сгоняя муху. Облизывает пораненные губы. Болит подбородок, раскалывается голова. Тревожит лопатка. Ну и состояние! И босенький еще впридачу распелся... Чего это он там плетет?

— Когда мой папа узнал, что я пошел яботать в ойганы, он лег на софу, закъил глаза и тихо умей. Мои четыйнадцатъ бъятьев, поняв, что из-за меня им никогда не удастся выехать из стьяны, вынуждены были устьёиться известными композитойями, дийижейями, доктойями, художниками, писателями, академиками, дядесловами, поэтами, пьеподавателями вузов, дийектоями заводов и баз, айхитектоями, пайтийными юководителями, пьезидентами федеяций, киноейжиссеями, театъяльными кытиками и искусствоведами, политическими обозъевателями, пейсональными пенсионейями...

Генерал считает. «Двадцать один, двадцать два, двадцать три... И это все — твои четыйнадцатъ брать-

ев?.. Двадцать четыре, двадцать пять... Ну, хватит же. Имей совесть!»

— Послушай, дядя Лука,— слышится голос Кувякина,— познакомь меня со своими братьями. Я с ними в родню вступлю. Дело-то житейское. Стану начальником буфета наших Самогудовских бань, и всем хорошо будет...

— Не-е-ет, Коля. Этого никак нельзя. У тебя же светлая голова. Ну, посудика сам хойошенько: если все пойдут в писатели-поэты и начальники буфетов и бань, то кто же тогда будет яботать шоферами, двойниками, гюзчиками, слесаями, токаями, пекаями...

Генерал ощупывает изрезанное лицо. Нарастает раздражение. «Я вам обоим устрою баню! Будете и пекарями, и токарями, и слесарями сразу!»

— А ты еще в высшую школу идти не хотел... Дураком был... Вот именно. — В противоположной от Волохонского и Коли стороне звучат молодые незнакомые голоса.— Видел, какой сегодня кайф был: и напились, и дурака поваляли, и даже кабаку чуть не попарили — красота. А после школы, когда звездочки получим, всегда ведь так будет... Да-а, представляешь себе — к любой девке симпотной подходишь, книжечку ей в нос суешь, и она твоя. В ресторане нажрешься, спокойненько напьешься, тыкнешь в харю ту же книжку официанту и — псс-с-с — платить не надо. Все трясутся, все боятся... Не жизнь, а малина...

«Дядя! А это что такое?»

Плухов приоткрывает глаз. В углу, возле двери, ведущей на улицу, сидят и разговаривают два пьяных молодых человека. Рядом с генералом, справа, у бара, устроились Волохонский и Коля. По левую руку, прижавшись к Плухову плечом, посапывает Эныч. Генерал возвращает взгляд к бару.

— Впьем, бьятъя смийились,— Волохонский потягивает янтарный ликер.— Когда пьиходит свечезайный пьяздник Ем-Кипуй, мы всей семьей собияемся у стайшего бьята Якова. Бьятъя кушают мацу и немножко

югают меня, а потом дьюжно воздевают юки к небу и благодают Дядю за ниспосланное им благополучие... Нет, Коля, спасибо, мне хватит. Больше не наливай... Поблагодаив Дядю, бьятя пьинимаются нахваливать юсский найод и обсуждать опьеделенные достоинства Советской власти...

Генерала начинает душить злоба. Теснит в груди. В голову ударяет кровь... «Ликер мой пить? Бенедиктин? В моей комнате свинарник устраивать?.. Я тебе покажу Советскую власть! Я тебе покажу Дядю! Я тебя научу, сволочь, «эр» выговаривать!»

Плухов встает с пола, подходит к стене и снимает шашку. Быстрыми шагами идет к бару. Широко размахивается и бьет. Шашка со свистом рассекает воздух. Разрубает откинутую дверку бара. Коля на четвереньках перебегает комнату и прячется в углу за телевизором. Волохонский, повизгивая, устремляется к выходу. Генерал с криками «Гойда! Гойда!» мчится за ним. В дверях останавливается и дикими глазами глядит на вскочивших, ничего не понимающих курсантов. Сносит голову Саше. Она катится вдоль стены и утыкается в батарею пустых бутылок. Генерал кричит «Гойда!» и разрубает курсанта Женю на две неравные половинки. В ожесточении рубит в куски бездыханные тела. Затем выбегает на улицу.

Ночь. Поют насекомые. Выводят рулады лягушки. Бледнеет меж деревьев луна. Плухов мечется по саду. Орудует шашкой. Поочередно кричит: «Гойда!», «Смерть Иуде!», «Выходи, Волохонский!». Переворачивает лавки, тычет шашкой в кусты, трясет деревья. Бежит к бассейну. Ходит по краю, смотрит в воду.

— Петр Сергеич!— слышится из кустов вкрадчивый голос Сидора.— Я знаю, где он спрятался. На крыше сидит!

Издав победный клич и размахивая над головой шашкой, генерал кидается через кусты к дому.

Волохонский сидит на крыше, обхватив руками печную трубу, и тихо постанывает.

— Слезай, Иуда!— приказывает Плухов, потрясая шашкой.

— Товарищ генерал, я больше не буду. Прпростите меня... Служу Советскому Союзу!— молит Волохонский.

— Ты слезешь или нет? Я приказываю! Под суд пойдешь за неподчинение!

— Не слезу,— стонет Волохонский.— Не могу. Лучше под суд... На вас лица нет, товарищ генерал. Боюсь я.

— Евсюко-ов!— зовет генерал.— Евсюко-ов!

Появляется лейтенант Евсюков.

— Лестницу!— орет Плухов.— Живо на крышу! Снять гадину!

Через минуту Евсюков осторожно ползет по черепицам к трубе. В зубах у него моток веревки.

— Не приближайтесь ко мне! Не прикасайтесь ко мне! Не трогайте меня! Что я вам сделал?— причитает Волохонский. Потом внезапно бьет каблуком по голове приблизившегося Евсюкова. Евсюков, выронив изо рта моток, кубарем скатывается с крыши и грохается оземь. Хрустят шейные позвонки. Голова Евсюкова естественно запрокидывается. Глаза стекленеют. Из уголков губ тонкими струйками сочится кровь.

— Ладно,— зловеще произносит генерал.— Я сейчас тебе устрою свечезарную ночь... Ты у меня сейчас спляшешь «Семь сорок»... Сидор! Парабеллум!

Сидор подает Плухову пистолет. Волохонский прячется за трубу.

— Не делайте этого, товарищ генерал. Побойтесь Дяди! Трубу попортите.

Плухов поднимает пистолет и, целясь в части тела Волохонского, не уместившиеся за трубой, стреляет. При этом генерал передвигается вокруг дома, а Волохонский — вокруг трубы. Генерал приговаривает:

— Мезуза, говоришь? Бенедиктин? Букву «эр» выговаривать научился? В ГэБэ проник, сволочь? Маца? Четырнадцать братьев?

У Плухова кончаются патроны.

— Э-э-эны-ы-ыч!!!— вопит генерал.— Э-э-э-эны-ы-ы-ыч!!!

На крыльцо, в длинной домотканной рубахе, зевая и почесываясь, выходит заспанный Эн Энович.

— Чего ты, Сергеич?— спрашивает он.— Чего людям спать не даешь?

— Та-ак,— говорит генерал неожиданно спокойным голосом.— Эныч, что у нас с тобой в списке красным фломастером обведено, скажи-ка быстренько.

Эныч лениво, с недовольным видом, произносит ругательство.

— Стоило из-за этого от сна отрывать,— бурчит он и уходит в дом. С крыши падает свернувшийся в клубок гигантских размеров солитер, разворачивается и уползает под крыльцо, Из-под крыльца доносится:

— Товарищ генерал, ну зачем же так? Поговорим как коммунист с коммунистом...

12

Протерев кулаками глаза, Коля потягивается и осторожно высовывает голову из-за телевизора. В центре комнаты, на полу, подложив руку под щеку, спит, похрапывая, Эныч. Пол подметен, бутылки аккуратно составлены в угол. Покосившись в сторону покалеченного бара, Коля выбирается из-за телевизора и подходит к окну. Видит подстригающего кусты садовыми ножницами Сидора.

— Как на Черный Терек, как на Черный Терек,— напевает Сидор,— собиралась конница из тысячи коней...

Коля прислушивается. Других голосов не слышно.

— Эй ты, цирюльник!— окликает генеральского слугу Коля.— Где генерал?

— Батюшко Петр Сергеич изволят в бассейне купаться,— говорит Сидор.— А чего ж ты спишь так долго? Уж петушок пропел давно... Завтрак на кухне.

— Слушай, мне бы похмельнуться...

— Ты в углу посмотри,— советует Сидор.— Я там бутылки составлял, в некоторых много еще оставалось.

Коля идет к бутылкам. Отобрав те из них, на дне которых задержалась жидкость, разыскивает стакан и сливает в него остатки. Выдохнув, выпивает буроватую смесь.

— Хорошо,— говорит он.— Но мало.

Посмотрев еще раз бутылки и убедившись, что в них ничего не нет, Коля секунд десять смотрит на генеральскую сокровищницу, решается и идет к бару. Достав пузатую черную бутылку, он откупоривает ее, наливает полный стакан и залпом его осушает.

— Отличная штука! Эй, Эныч,— подъем! Труба трубит, сержант зовет в поход. Вставайте, граф, расцвет уже полощется. Э-ныч!

Он принимается расхаживать по комнате, время от времени ударяя Эныча по голой пятке. Рассказывает:

— Эх, скажу я тебе, вчера и денек был! Как с утра начали квасить, так до самой ночи не просыхали!.. И где мы только с дядей Лукой не были! По всему городу прошвырнулись. Но главное — Паруса! Вот это кино было! Если б ты видел, какой Молекула концерт устроил — закачаешься! Я с дядей Лукой и ребятами участие принял! Меня капитаном выбрали! Знаешь, какой я там порядок навел — ого-о! А главное — приз выиграли, ящик водки «Столичной», экспортной! Половину я народу раздал, а другую половину тебе вез, да по дороге дядя Лука, пенек аляповый, тормознул неудачно... А еще я на шарике воздушном покатался, «Абитуриентис» называется. Большой, красивый, а город наш — с кулачок. Но я свое Мазилово успел разглядеть. Так вот!.. Нет, здорово было, что ни говори. Давай сегодня отпросимся у генерала — и под Паруса! Да, слышь, Эн Эныч, я там между прочим, твою Риту

вчера видел. Хорошо выглядит. Привет тебе передавала. Спрашивала, когда домой собираешься... А Сементо хохмач! Знаешь, что выкинул напоследок! Нашел на заводе какую-то пугалу и ну с ней прямо в цеху заниматься. Потом их ее полюбовник Митька-горновой накрыл и обоих в печь закинул. Представляешь... Наверное, суд будет. А еще я очки нашел. Золоты-ые!— Коля достает из кармана очки, надевает их, подходит к зеркалу.— Хму-у... Погляди-ка, да я в них прямо настоящий интеллигентный дядек! Нет, в самом деле, погляди Эныч,— похож?

Носком ботинка Кувякин тычет друга в бедро.

Эныч вздыхает, открывает глаза.

— Похож-похож,— говорит он и переворачивается на другой бок.— Вылитый МАДНАВОХ.

Генерал вылезает из воды, обтирается, надевает халат, закуривает и садится в кресло-качалку. Размеренно текут мысли.

«Пьянство пора прекращать. Оно ни к чему хорошему не приведет. Тому много примеров. Петр Первый, Барбаросса, Ричард Львиное Сердце, Чан Кайши, Каддафи, Саддам Хусейн и почти все остальные завоеватели загнулись или еще загнутся из-за пьянки раньше положенного срока. Не следует повторять их ошибок. А я вчера основательно перебрал. Потерял над собой контроль. Страшного, конечно, ничего не произошло, но все-таки неприятно. Так нельзя... Ладно. Нужно оценить сложившуюся ситуацию. Первый этап генеральной перестройки человечества, по-видимому, завершен. Необходимо проверить и изучить полученные результаты, после чего, учитывая все возможные факторы, переходить к следующему этапу... Да, поистине все простое — гениально. Ни Маркс, ни Ленин, ни сам Дядя, если бы он был, никто из них так и не смог решить проблемы освобождения челове-

ка и только потому, что не подумали о возможностях обратной эволюции, которую так наглядно продемонстрировал под моим началом Эныч, а именно: от высшего к низшему. Вот — основа основ, ведущая в царство равенства и равноправия... И самое главное. Теперь у человечества есть настоящий, живой, невыдуманный Дядя — Он, Плухов Петр Сергеевич. Это, конечно, налагает огромнейшую ответственность, но думаем, что справимся».

Плухов покидает кресло-качалку и идет вокруг бассейна, делая на ходу руками гимнастические упражнения.

«Сегодня — день отдыха, а завтра с утра — к делу. Надлежит лично совершить облет мира по маршруту: Дача — Москва — Париж — Нью-Йорк — Дача. С собой обязательно надо взять Эныча на случай какой-либо накладки».

Генерал возвращается в кресло и закрывает глаза. Раскачиваясь, охватывает мысленным взором панораму нынешнего человеческого бытия. Видит, как на Елисейских полях, на Бродвее и Красной площади, на улицах и площадях Рио-де-Жанейро, Мельбурна, Кейптауна, Мюнхена и Катманду, в Гайд-парке и возле Ниагарского водопада, у подножия статуи Свободы и среди колонн Акрополя бессмысленно копошатся самые разнообразие твари.

Плухов затягивается сигаретой. Поглаживает грудь. Посидев, предаваясь сладким видениям еще две-три минуты, он встает и бодрым шагом направляется к дому. У крыльца генерал весело поддевает ногой оказавшийся на дорожке камушек. Тот закатывается под ступеньки.

— Ой,— раздается оттуда.

— Кто это там?— спрашивает генерал.— Вы, Волохонский?

— Да, Петй Сейгеич, я,— откликается слабым голосом старший лейтенант.— Пьестите меня, Петй Сейгеич. Я вчейя был стьяшно непьяв.

— Ладно,— миролюбиво произносит Плухов.— Я уже забыл. Вылезай. Замерз поди, всю ночь под крыльцом сидючи. Пойдем завтракать.

На ступеньку вползает лейтенант Волохонский. Складывает тело кольцами. Преданно смотрит в глаза генералу.

В комнате при появлении Плухова и Волохонского раздаются радостные Колины крики:

— Дядя Петя! Дядя Лука! Помирились! Ну, слава Дяде. Это дело надо обмыть.

Генерал видит рядом с Эном Эновичем какое-то не трезвое, держащее в ворсистых лапках бутылку «Наполеона», животное. Плухов хмыкает.

— Это что? Кувякин?

— Кувякин,— отвечает Эныч.

— Дядя Петь!— удивляется Коля.— Ты что, не узнал меня? Это, наверно, из-за очков. У меня в них совсем другой вид.

Одной из множества лапок Коля поправляет очки.

— Сидор!— генерал садится за стол. Рядом с ним устраивается солитер Волохонский.

На пороге образуется Сидор. Подобострастно глядя на Плухова, ожидает распоряжений. Генерал некоторое время раздумывает, потом говорит:

— Мне, пожалуйста, парочку жаворонков с изюмом, омлет из перепелиных яиц и кофе. Сначала омлет... Волохонский, а вы что будете?

— Если не тьюдно,— просит лейтенант,— будьте добьи, Сидой, пьинесите мне тьи-четыре съедних язмей-ов кусочка свиной печеночки. И бутылочку минеяльной воды.

Коля отрезает большой ломоть хлеба, намазывает его толстым слоем масла и накрывает вареным коровьим языком.

— Мне сегодня клевый сон приснился,— говорит он, накладывая в тарелку салат, ветчину, икру, маринованные огурцы, сало.— Дядя Петь, подавай свою рюмашку... Эныч, подвигай свой стакан... Как будто по-

шел я в цирк. Наро-оду — битком. Яблоку упасть негде.— Коля хватает огромное красное яблоко, откусывает половину. Жуя, продолжает рассказывать:— А вы, как будто, оба — воздушные гимнасты. Под куполом работаете. Эныч во фраке, а вы, дядя Петь, в серебряном трико, но спина у вас почему-то голая. Музыка играет, барабаны бьют; вы, дядя Петь, кричите «але-оп», и оба вы с одной качели на другую перепрыгиваете. В воздухе соединяетесь и разъединяетесь. Вдруг меня — как серпом резануло: с арены в вас кто-то целится из двустволки, но я не могу разобрать, кто — то ли Володька-солдат, то ли какой-то другой человек, тоже вроде бы генерал. Я, конечно, как зверь кинулся. Но не успел. Он выстрелил, и вы оба на арену попадали. Лежите и не дышите. А публика как будто ничего и не замечает. Газеты читает, мороженое жрет. Я к вам подбегаю и делаю искусственное дыхание. Сначала вам, дядя Петь, а потом Энычу. Очень долго вас откачивал. Даже устал. Потом вы очнулись, и вы, дядя Петь, говорите таинственным голосом: «Молодец, Кувякин. Награждаю тебя Золотой Звездой Святого Георгия». Обнимаете меня и целуете...

Плухов поперхивается.

— Сон-то цветной был?— интересуется Эныч.

— Спрашиваешь! Как в кино! Дядя Петь, вы водички выпейте. Сразу кашель пройдет. А лучше водки.

— Не надо,— говорит генерал.— Уже прошло.

— Дядя Петь! Я сегодня рано поднялся, пошел в садик погулять. Хотел в бассейне поплавать — вода холодная. Возле бассейна с Сидором познакомился — интересный чудик. Мохнатый, щуполок много, а голова одна. Он мне сказал, что по ночам сырыми трупами питается. Весе-елый! Кто он, дядя Петь? Ваш садовник?

— Садовник. — У генерала поднимаются уголки губ.— Понравился тебе, значит, мой Сидор?

— Понравился,— Коля смачно чавкает.— Мы с ним за жизнь поговорили: он мне поведал как уши солить

на зиму, а я ему про Володьку-солдата рассказал. Дядя Петь, хочешь, я тебя познакомлю с Володькой-солдатом? Мировой парень! Что угодно может достать. Тебе, дядя Петь, для дачи ничего не надо? Цемент, доски, кирпич...

— Не надо,— бурчит генерал.— Уж как-нибудь сами...

Появившийся в комнате Сидор расставляет перед генералом и Волохонским заказанные ими блюда.

— Дядя Петь, ты не стесняйся.— Коля одним махом выпивает стакан.— Я так считаю: дают — бери, бьют — беги... А можно еще одну бутылку из бара взять про запас?

— Возьми и закрой рот.

Коля оказывается у бара.

— Дядя Петь! Обманули! Недолив!— несет бутылку к столу. Коля.— Погляди, Эныч, грамм сто не хватает.— Он переворачивает бутылку вверх дном.— Какое там сто! Целый аршин заглотили!.. Пробка на месте... Как же они умудрились отсосать столько? Дядя Петь, это дело так оставлять нельзя. В ОБХСС команду дать надо!

Коля ставит бутылку на столик и бежит к бару за другой.

— Я лучше выберу. Целую.

Он по пояс влезает в бар и увлеченно гремит там бутылками.

— Послушай, Эныч,— обращается генерал к Эну Эновичу.— Ты его давно знаешь? Он всегда такой?— Плухов вертит пальцем у виска.— Часто у него подобные заскоки?

— Я Колю уважаю,— говорит Эныч.— Он парень шустрый. Мы с ним всегда вместе.

— Понятно,— кивает Плухов и, проглотив кусочек жаркого, говорит:— Эныч, мы с тобой завтра отправляемся в кругосветное путешествие. Побываем в Нью-Йорке, Лондоне, Париже. Выполним запланированную нами работу. Ну а заодно совместим полезное с прият-

ным. Жить на свете и не побывать в Париже, Эныч,— это просто не жить.

— В гробу я видел этот Париж,— угрюмо произносит Эныч, осушая фужер с темной жидкостью.— Меня дома жена ждет. Сын. И на работу пора.

— Дядя Петь!— кричит покончивший с ревизией бара Коля.— А на фига нам в Париж? Поехали лучше к моей бабушке в Майли-Сай! Ты прикажешь в доме ей стены поставить, а она нас самогоночкой на махре за это попотчует.

— Эныч,— строго говорит генерал.— Не распускай юни. Это задание Родины. По возвращении тебя ожидает Золотая Звезда Героя Мира и недельный отпуск. А от работы на заводе я тебя освобождаю. Больше ты на свой литейный не пойдешь. Если же ты будешь упрячиться, то за невыполнение задания государственной важности понесешь суровое наказание.

Эныч, насупившись, молчит. Вернувшийся за стол Коля наливает себе и своему другу по полному стакану.

— Коля, спасибо тебе,— тихо говорит ему Волохонский.

— Это я себе налил,— прикрывает лапой стакан Коля.

— Не за это, Коля. Спасибо, что очки мои сбейег. Это наша семейная йеликвия. Мне их папа подайил пейед кончиной.

— Э, нет,— говорит Коля.— Шалишь, дядя Лука. Я эти очки еще в прошлом году у Володьки-солдата купил. Пятьдесят рублей отдал. Как сейчас помню, одной бумажкой. Да еще бутылку поставил в придачу. Вот, гляди. Видишь, нацарапано: «Коля». Так что если это и вправду твоя реликвия, то гони пятьдесят целковых. И пузырь сверху. Любил, чай, папу?

Волохонский нахохливается. Отрезает крошечный кусочек печенки. Плухов, расправляясь с омлетом, улыбается.

— Петр Сергеич,— Сидор наливает генералу ко-

фе,— птички не пережарились? Изюмчик не суховат? Омлетик не подгорел? А газетки свежие я наверх отнес, в ваш кабинет...

— Газетки?— Плухов поднимает голову.— Любопытно... Их что, почтальон доставил?

— Почтальон, батюшка. Прапорщик Патрикеев. Как всегда.

— И как же он выглядит?

— Ужасно, Петр Сергеич! Под глазами мешки вот такущие, панцирь в нескольких местах помят, и гребень надорван. Поди пьет, подлец, горькую! Но газетки привез все, я проверил.

— Ладно,— говорит генерал. Потирает висок.— Почитаем.

Плухов открывает дверь кабинета. Появление генерала приветствует звонкой трелью блестящий пузатенький телефон. Плухов подходит к столу. Снимает трубку. Молчит.

— Алло. Алло. Это дача Плухова?— говорит в трубке энергичный голос.— Алло. Кто у телефона? Почему молчите? Алло.

— Плухов,— глухо выдавливает генерал.— Кто говорит?

— Говорит первый наместник Президента Глебов...

— Что?— не понимает генерал.— Какой наместник? Какого Президента?

— Разве вам не сообщили? Час назад из Москвы пришло постановление Президента о смещении Борисова и назначении меня, Глебова Леонида Антоновича первым наместником всего Центрально-Восточного региона.

— Что за бред? Что за ахиною вы порете?— Плухов в недоуменной растерянности смотрит на трубку правительственной связи.— Да кто вы все-таки такой, черт побери?..

На другом конце телефона какое-то время молчат, затем абонент генерала выдержанным ровным голосом говорит:

— Не к лицу человеку с таким большим жизненным опытом прибегать к подобным приемам — зарывать голову в песок,— в трубке легкое покашливание,— хотя я вас и понимаю... Нелегко на вашем месте воспринять всю эту новую действительность, а тем более найти в ней свое место. Но ведь держать-то себя в руках все равно надо. Согласитесь, Петр Сергеевич.

Генерал слушает. Пощипывает кончик носа.

— И для меня все было не просто,— продолжает звучать доброжелательно трубка,— тоже со своими выкрутасами. Перестройку я поначалу не принял, душа не могла воспринять ее негативы: огульное охаивание и очернение всего нашего, в принципе, славного прошлого, падения многих моральных и нравственных ориентиров, жуткая материально-экономическая поляризация всех слоев населения, разбазаривание национальных природных богатств и утечку мозгов, ужасающий, неконтролируемый рост преступности, ну и всего остального...— В трубке крикают и продолжают:— Однако, по ходу дел, мне стало ясно, что без демократии со всеми ее минусами и потрясениями нам не обойтись. Ничего лучшего, как говорится, еще не придумано. А когда в августе путчисты попытались повернуть колесо истории вспять, я уже знал, где мое место на баррикадах. И потому ликвидацию нашей партийной гидры под названием КПСС и развал нашего чуда-юда под названием СССР, воспринял достаточно стойко...

У Плухова начинает подергиваться веко, колет в лопатку, давит воротничок рубашки. Он дергает ее за ворот, отрывая пуговицу.

— ...Ну а сейчас, Петр Сергеевич, время-то какое!— бодро звучит трубка.— Для людей нашего с вами круга — просто сказка. Это вам не восьмидеся-

тый год, поспевай только!.. Да при вашем положении, Петр Сергеевич, с вашей головой, энергией, да при нашей поддержке и взаимопомощи — вы еще горы свернете!.. Вон, наш общий знакомый, протеже вашего ведомства — Голицин-Молекула, в этом году не только две Нобелевские премии получил по экономике и правам человека, но и стал первым Главным банкиром всего мирового сотрудничества. Так что к работе, к работе, Петр Сергеевич! Жду вас завтра в десять утра на совещании Акционерного общества бывшего министерства Внешэкономторга! Не опаздывайте!..

В трубке раздаются короткие гудки.

Некоторое время Плухов рассеянно смотрит на трубку, опускает ее и, налив в стакан воды из сифона, медленно пьет.

Выпив и поставив стакан на место, генерал принимается ходить по комнате, время от времени постукивая портсигаром по подбородку. Задержавшись около стопки газет, лежащей на столе, но так к ним и не прикоснувшись, Плухов замечает торчащий из-под газетной стопки уголок конверта. Вытащив конверт и распечатав, он вынимает листок бумаги в линейку, исписанный прыгучим, напоминающим детский, почерком.

«Дарагой, Петр, Сергеевичь. Спишу саабщить Вам что Ваша супруга Плухова-Буннир, Галина, Грегоривна наченая со вчирашнега вечера имела, интимные сведения, в розличных частях Вашей квартиры. Пиричисляю. Вспальне с лейтинантами Сычовым, Орловым, Коневым, Мыкыртычанам, Шахуновичом и какимто бусурманином весь в парше. Патом с худым как апора змиим бес зотылку. В гастиной с ваеным каминдантом, ево дружками аищо с батюшкой всяя Руси имя грех напесать и октриской Вешалкой. Ввашем кобинете с низнакомыми, мне, людми. В прочих команатах спрочими. Один из гостей напившись до биспамятства перебил сваим, извяняйте мяня, дядьком весь хрусталь, в буетя. На кухни устроили драку сострель-

бой. Там ваша жина атдалась ночальнику милиции, какомуто лысаму таксисту каторый набезобразничал в холодильник и прапорол клыкком газовую плету. В уборной запирилась с обнаженными жинихами Вашей, дочери. В прехожей ее паймели прапарщики Патрикеев и Галадэнка. Жина Ваша со всех брала всякими падарками. Всиму этому ни ведать канца. С увожением. Благажилательница, Маруся».

Генерал, шевеля губами, аккуратно складывает листок и убирает его в карман.

— Это уж совсем какая-то чушь,— произносит он вслух.— Просто ни в дзу-дзу, ни в Красную Армию.

Генерал решается. Берет со стола «Правду». На первой странице видит большую фотографию: на палубе большого, разрезаемого сварщиками на три части, военного корабля сгрудились различного вида монстры. Под фотографией Плухов прочитывает: «Севастополь. Встреча глав СНГ на борту флагмана Черноморского флота — атомного авианосца «Варяг». Плухов, засунув в нос палец, просматривает передовицу, несколько статей и задерживает взгляд на поздравительной телеграмме, адресованной новому Президенту Всемирного Человеческого Движения доктору Ока и подписанной Премьером Административного совета КНДР Юр Ким Задом. Генерал запускает палец в другую ноздрю и разворачивает газету. Пробегая глазами по странице с международной информацией, натывается на фотографию, сделанную в зале заседаний Совета Безопасности ООН. На фотографии причудливые козявки слушают карлика с параллелепипедной головой, вывалившего на трибуну волосатые принадлежности. Из надписи явствует, что идет выступление общеевропейского представителя по поводу... Плухов отбрасывает «Правду», берет следующую газету. В ней находит почти такие же фотографии и статьи. На последней странице видит снимок, который вызывает в нем нервический смех.

«Счастливая мать...— читает генерал.— В бухарском лепрозории-питомнике... родила... восьмерых...»

Плухов, трясаясь всем телом, опускается на пол. Повторяет:

— Ока... Совет Безопасности... СНГ... Счастливая мать... мать... мать... вашу мать...

13

Коля и Волохонский играют в карты. Лицо старшего лейтенанта сосредоточено, тело покачивается. Иногда Волохонский, вытягиваясь, украдкой пытается сверху, сбоку или снизу заглянуть в карты соперника. Коля пресекает эти попытки, прижимая свои карты к груди и свободными лапами отталкивает голову солитера.

— Кончай подглядывать, дядя Лука! Достал! Вот если сейчас победишь, то считаться это не будет.

— Я не найошно.— Волохонский, возвращая тело в прежнее положение, печально вздыхает.— Тут, Коля, ничего нельзя сделать. Так устьёен мой ойганизм. Такая уж у меня конституция. Вот тебя, Коля, пьиёда щедьё наделила язличными удобными пьиспособлениями. Я же — гол, как сокол...

— Заливай-заливай,— говорит Коля.— Видел я вчера у магазина, какой у тебя пухленький портмоне... Ты чего мою даму восьмеркой бьешь?

— Она же козырная, Коля.

— С чего это козырная? Козыри буби, а восьмерка твоя червовая.

— Ко-оля, но ведь козыри у нас были чейви.

— Мало ли что когда было! Были черви, а теперь вот буби. Ты глаза-то разуй, дядек длинновяленный! Совсем без очков ослеп? Ну, хорошо. Если хочешь, пусть козыри будут пики.

— Нет! Козыи чейви!— заявляет солитер, возмущенно покачиваясь.— В кайты побеждать надо нес-

тно. А ты пьейдоха и шулей. Ты подменил козый!

— Ну и играй тогда сам со своими червями. — Бросив карты, Коля вылезает из-за стола и подходит к Эну Эновичу и Сидору.

— Жизнь прожить — не поле перейти,— говорит Сидор Энычу, работая спицами.— Это целая наука. Вот я: сколько врагов за свою жизнь изничтожил — тьма-тьмушая, а у самого ни одной царапины, Дядя миловал.

— Ты чего это делаешь?— спрашивает Коля.

— Носки вяжу для батюшки Петра Сергеича.

— А мне когда свяжешь?— Коля подсаживается к Сидору на оттоманку. Подползший следом за ним Волохонский обвивается вокруг ножки дивана.

— Всем свяжу,— обещает Сидор.— И тебе свяжу.

— Только дяде Луке в последнюю очередь,— предупреждает Коля.— Он длинный. Ему чулок нужен. На него вся шерсть уйдет... Ты о чем тут рассказываешь?

— О том рассказываю, как прекрасной души людям служил. И сейчас служу. Вся жизнь моя — росинка на листке революции.

— Красиво говоришь!— восхищается Коля.— Только на росинку ты не очень похож. Скорее...

Коля замолкает под недобрим взглядом Сидора. Делая вид, что ничего не произошло, переводит разговор на другую тему:

— Послушай, Сидор, а кем ты хотел стать, когда был маленьким?

Сидор не отвечает. Хмуро продолжает вязать.

— А пьядва, Сидой Петъевич, кем?— неожиданно поддерживает Колю поглаживающий хвостом ежик на голове солитер-лейтенант.

Сидор, оставив вязание, задумчиво посасывает спицы.

— Стихописцем.

— Вот это да!— оживляется Коля.— Классно! Прочитай нам тогда свой стих, дядя Сидор.

Сидор, не глядя на Колю, что-то бурчит про себя.

— Пьёчитайте, Сидой Петьевич,— присоединяется к Колиной просьбе Волохонский.

— Прочти стишок, Сидор,— говорит Эныч.

— Ладно уж,— сдаётся Сидор. Он убирает вязанье с колен, откашливается и зачитывает стих:

Дядя — как колокол,

Дядек — как язык.

Родина — ...

Я — большевик!..

— Ой!.. Ой!.. Не могу! Держите!..— ухватившись всеми лапками за живот, трясется, поперхиваясь смехом, Коля.— Ну, молодец, дядя Сидор, в самое очко попал... Значит, дядек у тебя — язык...

Продолжая смеяться, он падает на оттоманку, подрыгивая ножками. Прикрыв рот кончиком хвоста, хихикает Волохонский. Забитюговавшимся лисичанским гусем гагачет Эныч. Смущенно покрасневшийся от столь доброжелательной реакции своих слушателей, начинает подкудахтывать и сам Сидор.

— Сидор,— отсмеявшись, говорит Эныч.— Так что посоветуешь? Завязывать мне с пьянкой или нет?

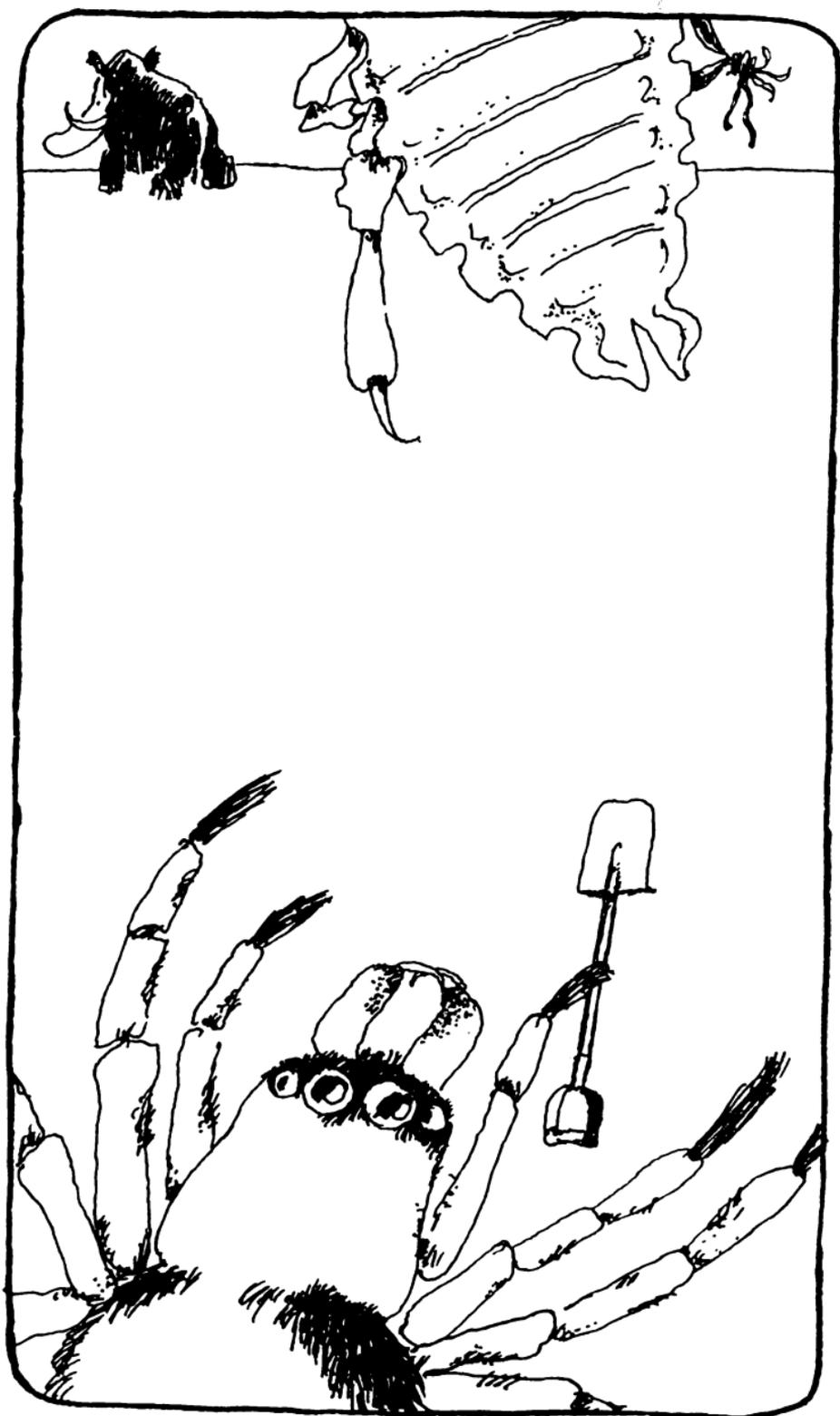
Сидор снова берется за вязанье.

— Дурак ты, Эныч,— говорит Коля.— И уши у тебя мореные. Завязывай. Мне больше достанется.

— Вопрос серьезный,— произносит Сидор.— Его надо решать самому. Если чувствуешь в себе силу и внутреннее убеждение, то завязывай. Чувствуешь в себе силу?

— Чую,— гудит Эныч.— Но сразу нельзя. Белая горячка будет. Знающие люди говорят. Сначала надо снизить ежедневную дозу до пяти стаканов. Через месяц — до четырех стаканов водки и одного стакана вина. Потом пьешь бутылку и две вина. А со временем...

Внезапно Эныч ощущает, что тяжелеют все его члены. Смолкает. У Сидора выпадают спицы из лап.

Волохонский вытягивается по стойке «смирно». В комнате повисает гнетущая тишина.

На пороге стоит генерал. Он тщательно выбрит. Губы его плотно сжаты. В глазах — стальной блеск. Взор генерала прикован к закучковавшимся присутствующим.

— Товайищ генеяял,— докладывает лейтенант Волохонский.— Язьешите доложить. Во ввейенном мне помещении...

Коля вскакивает с оттоманки и устремляется к генералу.

— Дядя Петь!— кричит он радостно.— Где ж ты так долго пропадал? С Парижем разговаривал? Давай в «дурака» сыграем, а то дядя Лука мухлюет! Спасу нет! Будешь в «дурака», дядя Петь? А?

Генерал неподвижен.

— Сидор,— негромко говорит он.— Веревку.

Сидор выбегает из комнаты.

— А зачем веревку, дядя Петь?— интересуется Коля.— Жирафу пойдем ловить?

— Жирафу,— говорит генерал.— Пойдем. Увидишь. Лейтенант, побудьте с Эновым.

Через две-три минуты генерал возвращается один. Просит Волохонского выйти. Подходит к Энычу, секунду глядит на него сверху, потом берет за шиворот, приподнимает с дивана и бьет ему в челюсть. Эныч стучается головой о стену. Падает обратно на диван. Генерал рывком переворачивает диван и топчет оказавшегося на полу Эна Эновича.

— Ты полегче,— хрипит Эныч.— Грудную клетку не повреди. Мамонт ДЯДЬ...

Обхватив тело Эныча хоботом-членом, генерал с размаху бьет его о стол, о телевизор, о люстру, о бар и о потолок. Потом растаптывает в лепешку остатки. Выходит. Говорит ожидающему на крыльце Волохонскому:

— Едем в управление, лейтенант.

Тяжело наступая массивными подошвами на песок

и ломая боками кусты сирени, генерал идет по дорожке.

На одной из березок, обрамляющих памятную генералу поляну, висит вытянувшимся чулком Коля. Его шею обхватывает петля. Лапки связаны за спиной. Единственной свободной от пут нижней лапкой он скребет по земле. Сидор подрывает под ним землю садовой лопатой.

— Дядя Петь,— сипит Коля.— Больно же... Хватит... Пошутили и будет. Сидор, кончай...

Сидор, бросив копать ямку, ловким ударом лопаты отсекает Колину конечность.

Автомобиль следует по шоссе. За окнами красуются, меняясь местами, поля, дубравы, небольшие голубые озера, снова поля. С невысокого пригорка оживленно машет генералу платочками кучка кособоких уродцев. Меж деревьев кедровой рощи играетя, догоняя друг друга, парочка влюбленных варанов. Генерал размышляет.

«Что ж, властелином мира стать не удалось. Не получилось, Петр Сергеевич. Не вышло. Не оценило человечество твоих усилий. Не разобралось. Как перлось черепахой к своему светлому грядущему, так и будет переться,— хоть кол ему на голове теши... Стоило было ради этого кашу заваривать... Демократы... Демократия... Вот тебе и вся перестройка! Ну что ты тут с ними поделаешь... Болваны. Недоноски. Скопище пьяниц, лодырей, обывателей и топчущихся в собственном дерьме предприимчивых недоумков. Нет, не хотят. Не хотя-ят, как быстрее, как лучше... Ну и Дядек с ними!.. А, впрочем... Кто знает... Народная мудрость гласит: тише едешь — дальше будешь...»

Машина останавливается у шлагбаума. К генералу поворачивается сидящий за рулем старший лейтенант Волохонский.

— *Mea culpa*,*— говорит Волохонский.— Надо было ехать чейез Тайякановку. Там эстакада.

— Ладно, Лукьян Самсонович,— успокаивает лейтенанта Плухов.— Чего уж там. Звания я тебе не обещаю, но работать будешь теперь на месте Степанчука.

Генерал похлопывает солитера по плечу.

За шлагбаумом грохочет поезд. Посвистывает электровоз. Мерно проседают под колесами рельсы. Первые вагоны — почтовые. Потом идут вагоны с углем, цементом, гравием, бревнами, жмыхом; покачиваются цистерны, выплескивая нефть, сжиженный газ, кислоту, щелочь, спирт; подпрыгивают открытые платформы с железными и бетонными балками, станками, ковшами, тачками, колясками для инвалидов; далее плывут баллистические ракеты, тяжелые танки, дальнобойные артиллерийские орудия, спаренные четырехствольные зенитные установки, птурсы; болтаются набитые солдатами теплушки...

— Вы рады новому назначению, лейтенант?— спрашивает Плухов у Волохонского.

— Йяд, товайищ генейял. Попьёбую опьявдать довейие. «Фалайидов бычок» остывать у меня не будет.

Трясутся пассажирские вагоны. В окнах — счастливые лица разношерстных обладателей купейных, плацкартных и общих мест. В тамбурах, на крышах и в ящиках под вагонами разместились хозяева не менее счастливых физиономий. В спальном вагоне дымят сигарами заморские нетопыри, утконосы и муравьеды. Замыкает состав нескончаемая вереница «столыпинных». Иногда из них выбрасывают на насыпь скорченные трупы.

— Безобъязие,— ворчит Волохонский. Вытягивает голову в открытое окно, пытаюсь увидеть конец состава.— Когда ж это кончится?

— Никогда,— говорит генерал.— Поехали-ка и вправду через Таракановку.

* Моя вина (*лат.*).

Машина разворачивается. Снова мелькают поля, уродцы, рощи, озера. Набегавшиеся влюбленные, поймав друг друга в объятия, отчаянно функционируют посреди болотца, разбрызгивая во все стороны тину и сперму. Плухов снова погружается в задумчивость.

«Все по-прежнему. Да. Все по-прежнему. Все идет своим чередом. Что же будем делать, Петух?.. Будем работать, работать и еще раз работать. Будем дышать полной грудью. Жизнь продолжается. Все еще впереди...»

— В упьявление пьибудем не йяньше половины второго,— говорит Волохонский, взглядывая на часы.

— Хорошо. — Потирая хоботом-членом седоватый висок, генерал-мамонт Плухов опускает стекло и вдыхает резковато-пряный запах цветущих полевых трав.

Дорога идет через васильковое поле. И там, где в него входит розовый клеверный клин, над провисшими телеграфными нитями, высоко-высоко в небе, растворяясь в бескрайней прозрачной голубизне, крохотной сверкающей точкой движется воздушный шар.

Лисичанск — Москва

1980-1992

**Редактор Г.Кондрашев
Художник П.Храмцов
Технический редактор Т.Луговская
Корректор О.Поливанова**

**Подписано к печати с оригинал-макета 01.09.92. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Ус. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 14,32. Тираж 50000 экз. Заказ 1709.**

ПОО «Фабула». 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

**Московская типография №7.
Министерство печати и информации Российской Федерации.
121019, г. Москва, пер. Аксакова, д. 13**

"ФАБУЛА"